

# Президент исчез

### Часть первая

### ПОНЕДЕЛЬНИК - ПАНОРАМА

#### Глава 1

Был понедельник, чуть позже восьми часов вечера.

Чик Моффет, перед тем как покинуть квартиру, словно прощаясь, положил руку на радиатор отопления. Тот был холодным. Стоял конец апреля, а в Вашингтоне это означало, что весна сделала все, что ей положено, и теперь собиралась отправиться дальше на север. Самые отчаянные мальцы ныряли в воды Потомака; лепестки прекрасных вишневых цветов, всеми забытые, увядали на зеленых лужайках, и в Управлении военно-морского флота форма одежды белого цвета стала обязательной для работ вне помещений.

Чик Моффет положил руку на радиатор просто в силу привычки, он едва ли даже заметил, что тот остыл. Стоя у окна, он медленно и с удовольствием оглядел в общем-то обычную, но радующую глаз комнату. Мебель принадлежала Моффету - и здесь в гостиной, и в расположенной за дверью справа небольшой спальне, к которой примыкала ванная комната, и в находившейся в дальнем конце квартиры кухне, где он частенько готовил. Обстановка гостиной включала в себя плетеные, светлого дерева стулья с подушками из синей искусственной кожи и одноцветный, без единого пятнышка коричневый ковер, который имел размер, достаточный, чтобы закрывать пол во всей комнате, оставляя открытыми лишь узкие полоски вдоль стен. Четыре или пять картин, что были развешаны по стенам на высоте человеческого роста, представляли собой репродукции пейзажей в серебристых багетах. Над письменным столом, стоявшим у стены напротив входной двери, красовалась большая фотография президента Соединенных Штатов с его дарственной надписью.

Чик проговорил вполголоса:

- Да, квартира-то что надо.

Он жил здесь уже в течение шести лет, сняв эту квартиру и купив мебель по случаю своего повышения в должности - его назначили офицером по специальным поручениям Государственного департамента. И даже когда три года спустя на Чика пал выбор и он занял освободившуюся вакансию в отряде охраны Белого дома, он все равно упрямо цеплялся за это жилье. Начальник их отдела недвусмысленно намекал, что для человека из штата Белого дома вполне естественно было бы поселиться в квартире более достойной, расположенной на меньшем удалении, чем эти сомнительного качества комнатенки в доброй миле к юго-востоку от кварталов,

где проживают порядочные люди. Но Чик оставлял все эти намеки без внимания. Он ненавидел меблированные комнаты любого уровня респектабельности, и, если бы потребовалось, он бы и самому начальнику сказал, что скорее уедет в Александрию и будет ходить там в комбинезоне, жевать табак и разводить цыплят, лишь бы не иметь дела с жильем подобного рода.

С тех пор прошло три года. Моффет по-прежнему жил в своей квартире и по-прежнему состоял в штате Белого дома.

...Чик стоял посреди комнаты и задумчиво оглядывался. Все было в порядке. Но прежде, чем уйти, предстояло выполнить еще одно обязательство. Чик откладывал его до восьми часов, но больше тянуть было нельзя. Он вздохнул, подошел к письменному столу, взял телефонную трубку, прижал ее к уху и назвал номер. Присев на край стола, он нервно выстукивал дробь мыском ботинка.

На другом конце провода сказали:

- Привет!

- Привет и тебе. Послушай, Альма... Конечно, я. Разве ты не узнаешь меня по голосу? Послушай, Альма, я не смогу прийти.

Чик хотел дать самому себе хорошего пинка. Так глупо все получается. Даже звук ее голоса и тот всегда приводил его в трепет. Осёл.

А ее голос звучал в телефонной трубке:

- Не сможешь? Что ж, мне жаль.

- Это правда?

- Правда что?

- Правда, что тебе жаль?

- Конечно. Нет, не то чтобы я была огорчена безмерно, но то, что мне жаль, - это точно. Особенно если учесть, что, как мне кажется, сегодняшний вечер - самый безумный из всех когда-либо случавшихся в Вашингтоне в течение столетия. Слухи сыплются со всех сторон как из рога изобилия, и я надеялась, что ты проявишь неосторожность и расскажешь мне хоть что-нибудь. У женского персонала прошедший день был таким скучным...

Чик Моффет плотнее прижал телефонную трубку к уху и нахмурился, глядя на угол письменного стола.

- Ну, у меня он скучным не был, - сказал он, - да и вечером скучать не придется. И не только мне... Слушай, Альма. Понимаешь, я не могу говорить. И не смогу приехать. Мне надо заступать на дежурство.

- Вот как! А я думала, что ты дежурил сегодня днем.

- Так оно и было. Но мне предписано... Я надеялся, что смогу заглянуть к тебе на часок, вместо того чтобы идти в кино, но ничего не получится. Ты знаешь, что, когда солдат уходит на войну, он оставляет своей возлюбленной что-нибудь на память? Вот я и подумал, может, мне стоит подарить тебе мой любимый галстук...

- Чик! - От волнения ее голос зазвучал особенно звонко. - Чик, это что, война?

- Нет. Да откуда мне знать? Этого никто не знает. О войне не может знать никто, кроме президента, а возможно, даже и ему ничего не известно. Так я могу отправить тебе свой галстук по почте?

- Сбереги его для своей возлюбленной. Чик, скажи мне, это - война?

Чик бросил злой взгляд на часы.

- Альма, - взмолился он, - ну пожалуйста, Альма! Альма, послушай! Я действительно должен идти.

- Ну хорошо. А я буду вязать и ждать. До свидания.

Чик повесил трубку и поставил телефон на стол. Несколько секунд он мрачно глядел на аппарат и вздыхал.

Потом выдвинул ящик письменного стола, достал из него автоматический пистолет и сунул в карман. Затем подошел к противоположной стене, чтобы снять шляпу с вешалки, но сделал неловкое движение рукой, и шляпа упала на пол.

Пробормотав в бешенстве: "Иди вперед, всегда вперед, герой без страха и упрека!" - Чик подобрал шляпу, нахлобучил ее себе на голову и шагнул за дверь.

## Глава 2

В тот самый момент, когда Чик Моффет с удовлетворением оглядывал свою комнату, Салли Вормен говорила миссис Уильям Роберт Браун:

- Можете ли вы представить себе что-либо более нелепое? Можете вы хотя бы вообразить что-нибудь подобное? Ведь я же должна как-то завершить сезон, не правда ли? И это при моем умении выискивать интересных людей! Нужно, чтобы присутствовал посол, - и я смогла пригласить посла Японии. Три лучших сенатора - и я пригласила каждого из них. А также единственного генерала во всем Вашингтоне, который способен смеяться, не наливаясь при этом кровью. А еще Сэма Эгню, что само по себе является достижением, поскольку сезон гольфа начался и можно уже не надеяться, что удастся организовать партию для игры в покер. Уверяю вас: вряд ли можно собрать лучшее общество. И все отказались в последний момент! Пришлось доставать запасной список. Вы когда-нибудь видели подобное сборище?

В течение двух часов я сидела на телефоне и упрашивала - вы можете себе представить? - упрашивала их прийти на прием. И вот лучшее, что я смогла сделать!

Только посмотрите на этого старого дурака Блэнчарда.

Вот что я вам скажу, Мэйбл, я твердо убеждена, что президент решил выступить перед конгрессом со своим военным посланием во вторник двадцать девятого апреля только потому, что знал: прием и обед у меня назначены именно на этот день, а его послание - единственное, что может нарушить мои планы. Почему, спрошу я вас, он не мог...

У миссис Браун было право перебивать собеседника, и, когда у нее появлялось такое желание, она знала, как этим правом воспользоваться.

- Салли, - проговорила она, - вы сказали "военное послание"?

Ее собеседница, стройная и хорошенькая, уставилась на нее голубыми глазами:

- Конечно. А разве это не так?

- Я не знаю. А вы знаете, что это такое?

- Ну, это как-то связано с войной. Это я и имела в виду.

- О-ох. - На миг губы у миссис Браун сжались в узкую полоску, но затем она заговорила снова:

- Надеюсь, что он выскажется против войны. Надеюсь на это всем сердцем. Полагаю, что и вы тоже.

Салли Вормен в недоумении пожала плечами.

- Наверное, - сказала она. - Не сомневаюсь, Мэйбл, вы - человек серьезный и успели обдумать ситуацию, а что до меня, то все мои мысли сегодня были связаны только с этим обедом. И вы посмотрите на результат моих трудов! Нет, только политики мне и не хватало.

- Моя дорогая, война - это не политика. Можете не сомневаться: война - это единственный род человеческой деятельности, грязнее которого не может быть даже политика.

- Боже правый! - Салли улыбнулась миссис Браун и похлопала ее по плечу. - Тогда мне лучше держаться подальше и от войны тоже. Однако уже двадцать минут девятого. Боже, помоги мне, ведь вся эта команда весельчаков должна быть накормлена. Сюда идет ваш муж.

Молитесь за меня, ради бога!

И она упорхнула.

Тремя часами позже Салли Вормен стояла в просторном вестибюле своего дома и улыбалась мужчине, который горой возвышался над ней. Это был сенатор, единственный из "трех самых лучших", который не подвел Салли и пришел на ее прием, мужчина с некогда каштановыми, а теперь почти совсем седыми волосами и изборожденным морщинами лицом государственного деятеля, много повидавшего на своем веку. Он смотрел на Салли усталыми карими глазами. Ему с трудом удавалось улыбаться в ответ на улыбку хозяйки дома.

Некоторые из гостей уже ушли, те, кто остались, разделились на две немногочисленные группы: одни танцевали в гостиной, другие собрались за столами для игры в бридж на втором этаже.

- Мне так хотелось поговорить с вами. - Голубые глаза Салли пристально всматривались в лицо сенатора.

- Милое дитя! Благодарю вас и за это ваше желание, и за обед. Он был превосходным.

- Отнюдь нет, - капризно проговорила Салли. - Он был ужасным. Взять хотя бы разговоры за столом. В какой-то момент мне показалось, что вот-вот начнется война и придется просить Бартона подать к столу револьверы, а не вилки.

Сенатор наклонил голову, соглашаясь с н".

- Да, нервы у всех взвинчены. Вы еще слишком молоды, моя дорогая, и не очень отчетливо представляете себе реальное положение вещей.

- Возможно. Но скажите мне, будет война?

- Боже, я сам хотел бы это знать!

Но Салли не отпускала своего гостя:

- Я хотела спросить про президента. Это не из-за него вам позвонили сюда? Он намеревается сделать заявление?

- Не знаю. А телефонный звонок... ну, это было приглашение явиться на одно собрание. Туда я сейчас и направляюсь.

Салли кивнула:

- Я слышала о нем. Это у сенатора Аллена. И по дороге туда вы должны решить, на чьей вы стороне.

- Вот как! Стало быть, это собрание уже стало объектом сплетен. - На мгновение веки тяжело опустились, прикрыв усталые карие глаза, и улыбка исчезла с лица сенатора.

- Не знаю. Да и какое это имеет значение? - Салли Вормен взяла в свои гладкие тонкие пальцы лацкан его черного пальто, потянула на себя и застыла в этом положении. Целеустремленный взгляд ее голубых глаз был направлен прямо на сенатора. - Но что имеет значение, - продолжила она, - так это то, что в ваших силах повести это собрание в нужном направлении. Вот об этом-то я и хотела побеседовать с вами. Возможно, я, как говорит Мэйбл Браун, бестолковая, но если это и так, то я, по крайней мере, в большинстве. Таких, как мы, множество, и мы знаем, на чьей мы стороне. Конечно, мы ненавидим войну, однако понимаем, что существует ряд вещей, которые еще более отвратительны.

Единственное, что вызывает у нас некоторое сомнение, так это то, что мы видим одного из наших лидеров - настоящего, проверенного лидера, - скажем так, колеблющимся. Разве вам не

стыдно, нет, на самом деле разве вам не стыдно вводить нас в заблуждение? - При этих словах тонкие пальцы осторожно подергали лацкан.

Сенатор молчал.

- Вы не стыдитесь этого? - настаивала Салли.

С высоты своего роста сенатор смотрел на лицо собеседницы. Рот его был плотно сжат, губы немного выпячены, крупная, благородных очертаний седая голова заметно покачивалась из стороны в сторону. Он фыркнул, а затем сказал:

- Вот оно, значит, как. Дитя, мое дорогое дитя! Мой голубоглазый шовинист!

- Глупости! - с презрением отрезала Салли. - И не стоит наклеивать ярлыки.

- Нет. - Он буквально выдавил из себя это слово, произнеся его тихо и протяжно. Неожиданно он снова сказал: "Нет!" - на этот раз коротко и более громко.

После этого, бормоча что-то о том, что он опаздывает, сенатор попятился, освобождая свой лацкан из цепких пальцев, затем повернулся и направился к двери, но на полпути к выходу обернулся.

- Послушайте, миссис Вормен. - Говорил он негромко, но тон его был резок. - Мне кажется, вы занимаетесь не своим делом. Ради бога, держитесь от всего этого подальше. И передайте своему мужу... Я полагаю, что он до сих пор играет в бридж наверху. Надо же - играет в бридж! Так вот, скажите ему, что в моих глазах его попытки втянуть вас во все эти грязные...

Вдруг сенатор замолчал. Он стоял, глядя на Салли, губы его шевелились, но он не произносил ни единого слова. Спустя мгновение ему удалось пробормотать:

- Господи, помилуй, что я несу? - Сенатор сделал шаг и взялся за дверную ручку. Здесь он остановился и громко, с пафосом воскликнул:

- Мое дорогое дитя! - а после этого открыл дверь и вышел.

### Глава 3

Около девяти вечера, примерно в то время, когда гости Салли Вормен подбирали себе оружие, чтобы разделаться с жарким из цесарки, над кабиной небольшого родстера - потрепанного двухместного автомобиля с откинутым верхом - поднялся мужчина. Срывая горло, он стал произносить речь. Машина стояла на пересечении улиц Десятой и Си, в юго-восточном районе, не более чем в миле от самого Капитолия. Еще один человек, находившийся в родстере, сидел за рулем, и его стопа упиралась в педаль стартера, находясь в постоянной готовности нажать на нее. В свете уличных фонарей глаза шофера обшаривали полумрак тротуаров и проезжей части, и он беспрестанно вертел головой.

Группа людей, собравшаяся послушать оратора, была немногочисленной и постоянно меняла свои очертания, поскольку то один, то другой проталкивался за ее пределы, а вновь прибывшие вливались в нее. Оратор же кричал толпе:

- Им нужна кровь рабочих! А проливать ее придется вам и мне! Именно так! И это - конгресс, за который мы с вами голосовали. Это те парни, избранные нами, чтобы заседать в Капитолии, это они хотят переложить бремя войны на наши плечи. И президент. Да, именно президент! Конечно вы можете ворчать, вся эта проклятая страна может ворчать, а потом идти на войну и получить пулю в лоб! Я знаю, президенту хотелось бы выглядеть хорошим парнем, да он так и выглядел бы где-нибудь на чайной церемонии, но это не чайная церемония! Это - война, вы понимаете, олухи царя небесного, война! Завтра в полдень, то есть через пятнадцать часов, президент обратится к конгрессу. Он скажет: ему, мол, стыдно, но нам придется воевать. А может, он так и не скажет. И что же тогда?

Оратор остановился и тяжело, с надрывом откашлялся. Сидевший за рулем мужчина дернул его за рукав, оратор наклонился и выслушал слова, которые тот прошептал ему на ухо. После этого он кивнул, выпрямился и снова закричал толпе:

- Так что же тогда? А я вам скажу что! Тогда конгресс заявит ему, что он может убираться ко всем чертям, а они, конгрессмены, продолжают защищать честь нашей страны. Мою и вашу честь? Черта с два! Проливать мою и вашу кровь. Там, в Европе, стряпается новый коктейль, его приготовление, идет уже более года. *Creme de sang* - так назвали его. Это по-французски, а по-нашему получается "Крем-кровь". Не водица, а настоящая кровь! Кровь немецкая, кровь английская, французская, итальянская, русская, японская, польская - все взяты в оборот. Там проливаются реки крови, и океаны полнятся ею! Теперь они хотят, чтобы проливалась и наша кровь. Конгресс соберется завтра в полдень, и не важно, что скажет президент, конгрессмены проголосуют за то, чтобы послать нас на войну, в ад, который царит там. Вы это понимаете? Они пошлют на войну нас, рабочих. А это значит - тебя, меня, всех нас! Реки крови! Реки нашей крови! Однако конгрессмены могут передумать, если мы решительно выступим с протестом. Да, товарищи, они могут проголосовать и против войны! Ладно-ладно, смейся, ты, там! Конечно, я - коммунист. Родом я из Бостона, штат Массачусетс, и насколько мне известно, это территория Америки.

Здесь, только в этом городе, нас около тысячи, и все мы - коммунисты, и все мы - рабочие, и у нас есть право на жизнь, и у нас есть кровь, и мы не хотим терять все это. А ты хочешь? Ведь это справедливый вопрос, верно? Все, кто не хочет терять свое право на жизнь, приходите завтра в полдень к Капитолию. Это то место, куда намерены прийти и мы, и пусть эти несмышленики узнают, что мы живы и что мы намерены и впредь оставаться таковыми. Однако не надо ждать до самого полудня. Приходите раньше! Не нужно никаких нарушений порядка! Приходите, и пусть они взглянут на нас. Ведь они трусы. Если нас будет много, то их вывернет наизнанку только от одного этого зрелища.

Товарищи! Идите вместе с нами, начало в...

В это время мужчина, сидевший за рулем, с силой потянул оратора за полу пальто, и тот опустился на сиденье машины. Заработал стартер, и взревел двигатель.

Водитель громко крикнул двум стоявшим перед машиной зевакам, чтобы они освободили проезд, и пронзительно засигналил. По толпе негромко прошелестело:

"Копы! Расходись, ребята, - полиция" - и она пришла в движение, разбиваясь на мелкие группы и растекаясь.

Но за мгновение до того, как колеса машины сделали первые обороты, и пока полисмен все еще шел к митингующим, находясь от них по крайней мере в тридцати шагах, стремительная вспышка насилия изменила ход событий. С противоположной стороны улицы будто ниоткуда возникли серые тени, в которых можно было различить группу бегущих прямо к родстеру мужчин.

Они кричали: "Единение!" Очевидно, это слово служило им боевым кличем. Мужчины выволокли водителя из машины, бросили на асфальт и, окружив поверженного, стали бить его ногами. Раздался резкий свист, полисмен побежал к ним, стремясь остановить избиение. Зажав в руке двухфутовый обрезок стальной трубы, оратор поднялся в машине. Однако его первый удар не достиг цели, а прежде чем он успел замахнуться во второй раз, нападавшие провели захват сзади и опрокинули его на спину. Он еще пытался обороняться, царапаясь и кусаясь, однако сильный удар в пах заставил его сложиться вдвое и прекратить сопротивление. К тому времени полисмен уже лежал на земле, оглушенный собственной дубинкой.

Один из нападавших забрался в автомобиль и потянул за рычаг коробки передач, но кто-то из его приятелей завопил: "Вылезай, идиот проклятый! Двигаем отсюда!"

Единение!" Мужчина выпрыгнул из родстера и вместе с остальными, пригнувшись, бросился наутек. При неярком вечернем освещении все нападавшие были похожи друг на друга, поскольку

все они были без пиджаков и рубашки у всех были одного цвета - серого. Повсюду слышались свистки полицейских, и вся группа молниеносно исчезла в боковой аллее. На мостовой остались только оратор, полицейский и водитель машины. Оратор стонал и корчился от боли. Шофер и полисмен лежали без движения.

Толпа митингующих, которая, заметив приближение полисмена, стала расходиться медленно и неохотно, разлетелась как на крыльях при первых же звуках боевого клича, послышавшегося с противоположной стороны улицы. Два участника митинга, товарищи по несчастью, которые теперь жевали пончики у стойки закусочной на колесах, расположенной в нескольких кварталах от места побоища, не проявляли особого желания обсуждать случившееся, хотя один из них и произнес тихо-тихо, почти прошептал:

- Во всяком случае, эти серорубашечники и впрямь оказали тому парню услугу. Теперь, наверное, ему не придется идти на войну.

#### Глава 4

- В этом нет абсолютно никакого смысла, - произнес дородный седой джентльмен. - С таким же успехом я мог бы остаться в Нью-Йорке и спать в собственной кровати.

Стоявший рядом с ним молодой человек выглядел смущенным и расстроенным.

- Мне очень жаль, что так получилось, - сказал он, - я даже представить себе не мог, что он откажется принять вас.

Помещение, в котором расположились четверо мужчин, было большим, элегантным, пропитанным духом уверенности в незыблемости существующего порядка. В стенных нишах находились шкафы, за современными раздвижными стеклянными дверцами которых рядами выстроились книги; сами стены были закрыты панелями темного дерева; выполненная с большим вкусом отделка бронзой эффектно завершала облицовку камина, а обтянутые коричневой кожей кресла удачно вписывались в общую цветовую гамму комнаты. Двое мужчин, один из которых был средних лет, лысый и с острым носом, а другой - старый и сморщенный, сидели у края большого стола в мавританском стиле и разглядывали титульный лист старинного фолианта. Седой джентльмен с комфортом устроился в кресле возле окна; на низеньком столике, что был расположен на расстоянии вытянутой руки от его кресла, стоял стакан с коктейлем. Перед этим джентльменом в позе глубокого почтения стоял мужчина помоложе, красивый, с мягкими чертами лица.

- Мне очень жаль, - повторил тот, что был помоложе. - Однако, если мне будет позволено высказать свою точку зрения, ваша поездка стоила того, чтобы ее совершить. Я думал, что вы сможете встретиться с президентом и склонить его на свою сторону, и просто поражен тем, что он отказался принять вас. В полдень я говорил по телефону с Роллинсом, и он сказал мне, что, в сущности, устроить эту встречу легко. Но я не знаю, может быть, у него ничего не вышло, может быть, переубедить президента оказалось невозможно; я уже в течение добрых двух месяцев даю работу журналистам, поручая им клеймить президента как человека колеблющегося. Полагаю, что вы заметили это?

В ответ седой только хмыкнул.

- Я не читаю газет, - сказал он.

- Да-да! И правильно делаете. Я не осуждаю вас за это. К сожалению, мне приходится их читать, поскольку я сам издатель. Но суть дела в том, что мнением Стэнли следует пренебречь. Все свои надежды мы должны связать с тем стадом придурков, которое называем нашим конгрессом. Что бы ни сказал завтра Стэнли, у народных избранников должен быть только один ответ: война. Вот почему я утверждаю, что вам стоило совершить это небольшое путешествие.

Для встречи с вами сюда придет Коркоран, я и его втянул в это дело, он должен быть здесь через час. И даже просто известие о том, что вы в Вашингтоне, оно одно принесет массу пользы. - При этих словах молодой человек улыбнулся; улыбка у него тоже была мягкой. - Я рад, что вы не читаете газеты. Передовая в моем утреннем выпуске посвящена необходимости освобождения от влияния международных банкиров. Было бы ужасно, если бы вы прочитали такую статью в моем собственном доме.

- Стало быть, вы втянули в это дело Коркорана, да? - донесся тонкий и злой старческий голос с другого конца стола. - Значит, он стал такой же безмозглой развалиной, как и я?

Седой мужчина, который в это время подносил ко рту свой коктейль, поставил стакан на место.

- Ха! Это вы-то - безмозглая развалина, Джордж? - рассмеялся он. - Эта ипостась вам не грозит. Я не удивлюсь, если вас обойдет стороной и сама смерть. Однако, Гриннел, что это вы говорили про Коркорана?

- Он приедет сюда, чтобы побеседовать с вами, вот и все. В десять часов. Сперва он упирался, но я настоял.

- Вас не затруднит объяснить мне, с какой целью?

- С какой целью? Как с какой целью? - заволновался издатель Гриннел.

Седой вздохнул, не скрывая раздражения.

- Вот именно, с какой целью, черт его подери! - проворчал он. - Должны же быть какие-то причины, я просто не могу себе представить, что вы не знаете их.

Вы тащите сюда Коркорана. Среди девяти человек, что задают тон в сенате, есть трое неприкосновенных. За это я уважаю их, и самое плохое, что я могу пожелать им, - так это похороны со всеми почестями. Из оставшихся шести пятеро верны нам, они связаны с нами определенными обязательствами. Остается Тилни, он - сентиментальный осел, но очень опасен. Вы что, не знаете всего этого? Я полагаю, что знаете. Задачей Коркорана на сегодняшний вечер является общение с Тилни, а не со мной, и в этот момент вы отвлекаете его.

Объясните мне, с какой целью, если сможете.

Вспыхнув, Гриннел сказал:

- Тилни сейчас на приеме в доме Салли Вормен.

- Какой Салли?

- Жены Д.Л. Вормена. Д.Л. Вормен - это человек Аллентауна из Стальной корпорации. Жена Вормена нравится Тилни.

- И Коркоран там?

- Нет. В шесть его видели в Белом доме, он пробыл там полчаса. Но конечно, он встретится с Тилни, на собрании, которое состоится в офисе Аллена в одиннадцать.

Седой поднял стакан с коктейлем и взболтал его.

Было слышно, как кусочки льда со звоном ударяются о хрустальные стенки. Сделав небольшой глоток, мужчина скроил гримасу, а затем допил коктейль до дна и вернул стакан на столик.

- Дрянь, - буркнул он. - Нет, Гриннел, не вы, слава богу, нет, а все эти переговоры. Ерунда. Президент отстранился от них, и это длится уже в течение целой недели. Я знал весь расклад раньше, теперь его знаете и вы, а завтра это будет известно и президенту. Что бы он ни сказал и безотносительно к его популярности в Ассоциации молодых христиан Америки, палата проголосует за участие в войне в соотношении пять к одному.

Им от этого не отвертеться. За небольшим исключением, точно так же поступит и сенат. В любом случае здесь нет ничего, что я мог бы или хотел сделать. Мои доводы уже учтены. Так что, Гриннел, не думайте, ради бога, что я приехал в Вашингтон, чтобы улещать ваших чертовых конгрессменов.



Сказав это, дородный джентльмен со вздохом поднялся из кресла, обогнул стол и направился к книжному шкафу, возле которого двое мужчин листали фолианты.

Когда он вновь заговорил, тон его изменился, став более спокойным и ровным, но при этом речь его была проникнута пафосом:

- Я приехал в Вашингтон, чтобы встретиться с вами, Джордж. По счастью, Гриннел сообщил мне, что вы здесь.

Могу ли я надеяться, что ваше пребывание у зятя оказалось приятным?

Почтенного возраста, седой как лунь джентльмен поднял голову от фолианта. Тяжелые набрякшие веки и многочисленные морщины почти полностью скрывали его глаза.

- Благодарю вас, Мартин, - сказал он высоким визгливым голосом, - пребывание оказалось исключительно приятным. Так что теперь вы можете ехать обратно.

Мартин Дрю усмехнулся:

- Да нет, меня попросили остаться на весь вечер. А что, хорошую книгу вам удалось откопать здесь?

- Великолепную.

С этими словами старик осторожно закрыл фолиант, положил его на стол и отодвинул подальше от края.

- Хотите поговорить со мной, Мартин? А книга занятная. Гораздо интереснее... - он сглотнул, сделав паузу, - несколько приятнее, чем разговор, который мне пришлось услышать.

- Он вам не понравился?

- Мое замечание базируется не на симпатиях или антипатиях, а на объективном анализе. Нам не стоит обсуждать это. Вам же нет нужды выслушивать, насколько вы глупы, вы это знаете и сами, успешно пренебрегая данным обстоятельством. И в этом ваша сила.

Казалось, что Мартин Дрю в ответ на эти слова рассмеется, чтобы скрыть неловкость, однако что-то остановило его. Несколько секунд он молча смотрел на собеседника и лишь потом ответил ему:

- Но все же я буду поумнее вас, Джордж. Теперь я понял: у вас на самом деле старческий маразм. - Он обернулся к издателю газеты:

- Гриннел, я полагаю, у вас найдется комната, в которой ваш тесть и я могли бы немножко поговорить?

- Конечно, пожалуйста! - Издатель был готов пойти навстречу во всем. - Мы просто оставим вас здесь.

Говорите сколько угодно. - С этими словами он обернулся к молчавшему до сих пор лысому мужчине с острым носом и спросил:

- Вы же не будете возражать, Том?

- Конечно нет.

Лысый поднялся из кресла. После некоторого колебания он добавил:

- Однако есть кое-что, о чем я хотел бы попросить мистера Дрю...

- Слушаю вас, - откликнулся седой, - правда, если разговор не будет долгим.

Лысый взглянул в его сторону и вдруг без всякой очевидной причины улыбнулся, как будто и впрямь позабавленный чем-то, покачал головой и повернулся, чтобы уйти.

- Да не стоит, - махнул он рукой, - это бесполезно.

Как только за двумя вышедшими мужчинами закрылась дверь, Мартин Дрю опустил в кресло, которое освободил лысый, и достал сигару.

- Тот джентльмен с комариным носом - убежденный идеалист, и тем не менее о фолиантах, отпечатанных в восемнадцатом веке, он знает гораздо больше, чем я. - Что бы старик ни произносил, интонации его не менялись - он говорил лаконично и точно, высоким сварливым голосом. - Еще одна злая шутка природы, - добавил он.

Раскурив сигару, Мартин Дрю осведомился:

- Джордж, скажите, на чьи еще деньги, помимо ваших, существуют "Серые рубашки"?

Сморщенные веки полностью скрывали выражение глаз. А высокий голос произнес:

- На ваши, может быть?

- Черт побери! Сенатор Коркоран приедет сюда через двадцать минут. Сейчас не время для дипломатических тонкостей, я вас спрашиваю чьи?

- Не похоже, чтобы вы носили такую рубашку.

- А вы носите?

- Полноте! "Серые рубашки"? Брожение в отбросах, отчаянная попытка не потерять позиции в торговле предметами одежды, и не более того.

- Вы так считаете? - Мартин Дрю затянулся и выдохнул клуб дыма. - Сегодня имели место массовые беспорядки в Атланте, Бостоне и Кливленде. В десятках городов были разогнаны демонстрации сторонников мира. В Дейтоне убиты четыре женщины. Во всех случаях организаторами столкновений оказались "Серые рубашки". Где-то они выступали небольшими группами, иногда действовали значительными силами. Их главарь, человек, называющий себя Линкольном Ли, в настоящее время находится в Вашингтоне. На коммунистов, шедших маршем на Вашингтон, было организовано нападение в пригороде; на месте стычки полиция обнаружила нескольких раненых.

- Однако, Мартин, я полагал, что вы не читаете газеты.

- А я их и не читаю.

- Но раз этот человек, Ли, находится в Вашингтоне, почему же полиция не арестует его?

- Они бы арестовали, когда бы вы им сказали, где он прячется.

- Да будет вам! - На этот раз в пронзительном голосе старика появилась нотка заинтересованности. - Еще раз говорю: это брожение в отбросах.

- Только ли? - проворчал Мартин Дрю. - А не скажете ли мне, что вы делаете в Вашингтоне?

- В этом нет необходимости, Мартин, ведь вы же сами сказали, что я наслаждаюсь гостеприимством своего зятя.

Мартин Дрю выдохнул еще одно облако дыма.

- Послушайте меня, Джордж. Вы заявили, что я глуп.

Можете оставить этот „ярлык себе. Я уже говорил вам, что, хотя я приехал сюда один, на самом деле далеко не одинок. Сегодня днем у нас в Нью-Йорке состоялась небольшая беседа. Вам известны основные ее участники, но был там и кое-кто еще. Сомневаюсь, что стоит игнорировать их мнение. Мы достигли соглашения практически по всем вопросам. Мне не нужно говорить вам, что очень скоро, не сегодня завтра, нам придется принять участие в войне. Вы далеко не глупец, и не хуже меня знаете ситуацию в Европе и в Сибири.

Я помню, вы выступали против предоставления займов России и, возможно, были правы, однако сейчас нам нужно довести дело до конца. В любом случае это лишь малая часть расходов, а иметь в одиночку дело с Японией было бы намного хуже. На этой неделе или мы объявляем военное положение, или... да поможет нам Бог. Это событие намечено на завтра, и оно может и должно состояться. Президент Стэнли устранился от этого дела, но конгресс на нашей стороне. Правда, существует вероятность, что одно-два обстоятельства могут помешать нормальному течению процесса, и одним из них являются эти "Серые рубашки", которые пытаются взять на

испуг людей, совершенно не нуждающихся в этом. Черт возьми, неужели вам не ясны психологические аспекты дела? Слава богу, конгрессмены настроены патриотически. Их не нужно запугивать. Ну и пусть горсточка красных соберется возле Конгресса и что-то там провонит, что от этого изменится? Говорю вам: я приехал, уполномоченный группой влиятельных людей, и привез их распоряжение. И завтра, и в среду, и в четверг - до тех пор, пока не завершится голосование о вступлении в войну, - на улицах Вашингтона не должно быть никаких серорубашечников, и их должно быть крайне мало во всех остальных местах.

Седая голова старика мерно покачивалась, похоже, он задремал.

- Черт побери, вы что - спите? - закричал Мартин Дрю.

- Отнюдь нет, Мартин, я просто смеюсь.

Дрю со злобой посмотрел на собеседника.

- Вы - чертов старый пират, - сказал он.

- Благодарю вас, Мартин. - Старик открыл глаза. - Однако вы не правильно меня поняли. Я смеюсь не над "Серыми рубашками". Я не допущу той ошибки, которую однажды допустили некоторые лица в Германии, позволив себе смеяться над людьми в рубашках коричневого цвета. Я смеюсь над вами и над этой вашей группой. Вы проглядели кое-что важное!

Дрю ожесточенно запыхтел сигарой.

- Например? - буркнул он.

- Ну, я просто не знаю, с чего начать. Возможно, наиболее важным будет то обстоятельство, что президент Стэнли обладает громадным авторитетом, а также то, что он умеет говорить очень убедительно.

- Но в данном случае этот его талант не пригодился.

- Возможно. Но что, если завтра в полдень он убедит конгресс отложить голосование по данному вопросу, а вечером по радио обратится к нации. Вам хотелось бы это услышать?

Дрю покачал головой.

- Он уже не сможет ничего изменить.

- Возможно. Но ведь Стэнли весьма изобретателен.

А что, если он предложит проголосовать за войну, но при этом приведет соответствующие аргументы, а их у него более чем достаточно, чтобы театр военных действий был ограничен районом Тихого океана?

Дрю пристально посмотрел на собеседника, а потом внезапно поднялся из кресла.

- Боже правый! - произнес он.

- Так кто же из нас глуп? - От ярости резкий голос старика стал еще более пронзительным. - Вы и ваша группа! Что, это не приходило вам в голову? Вы очень сильно недооцениваете президента Стэнли. И не забывайте, он - полукровка. В истории его появления на свет определенную роль играет некий представитель Средиземноморья, оказавшийся в нужное время в нужном месте. Ха! Что вы на меня так смотрите? Бойтесь признать очевидный факт? Да, президент - полукровка, а действия полукровок невозможно просчитать полностью. Им нельзя доверять. Чаще всего они бездельники и попрошайки, но время от времени среди них появляются гении, которых могут посещать необыкновенные озарения, слишком молниеносные, чтобы вы могли поспеть за ними. Для вас лично, Мартин, слишком молниеносные.

Дрю снова опустился в кресло и смял окурок сигары в пепельнице.

- Но что смогут сделать против всего этого ваши "Серые рубашки"?

- Да не стройте вы свои рассуждения на этой посылке, Мартин. Так будет проще. Все, что в моей власти сказать вам, будет сказано. Но ваша группа идиотов не дожидется от меня ни единого слова. Поймите это. Кроите с запасом, а там будет видно.

- Хотелось бы мне знать, - нахмурился Дрю, - не являетесь ли чертовым идиотом вы сами.

- Я являюсь Джорджем Милтоном. Вы спросили меня, что я делаю в Вашингтоне. Просто я здесь, вот и все.

Я нахожусь здесь уже в течение недели. Все это время я был занят. В конце концов, голосует и принимает решение конгресс. Но в качестве комментария к вашему ребяческому предположению, что машина голосования должным образом настроена и что все тона прозвучат в должной последовательности, позвольте мне сказать вам: прежде чем строить планы на следующий час, я все время жду, чем закончится предыдущий. Однако вы и ваша группа продолжайте действовать; как знать, может быть, вы принесете больше пользы, чем вреда. Мы с вами ловим одну и ту же рыбку, только я и мои компаньоны предпочитаем охотиться на нее с помощью наживки.

- Вам удалось встретиться со Стэнли?

- Нет. Да это ничего не даст, пока мы не сможем лишить его оружия.

- Завтра он попробует отговорить нас?

- Не знаю. Хотя и небольшая, но вероятность существует.

- Если такая попытка будет сделана, насколько надежен конгресс?

- Он далек от паники. Во всяком случае - сенат, однако нижняя палата непредсказуема. Окончательный результат даст только голосование. Если все решится не в нашу пользу, грамотно и в нужный момент проведенная диверсия заставит пересмотреть итог. Этой ночью мы будем знать больше, утром - еще больше. Я распорядился поставить телефон рядом с моей кроватью. Задайте мне этот вопрос за завтраком.

Нахмурившись, Дрю извлек еще одну сигару и отрезал ее кончик. Спустя мгновение он открыл рот, чтобы сказать что-то, но его остановил скрип открываемой двери. На пороге стоял Гриннел. Поколебавшись немного, он сказал:

- Приехал сенатор Коркоран.

Дрю вопросительно посмотрел на Джорджа Милтона.

Выражая согласие, убеленная сединами голова старика слабо качнулась. Дрю кивнул Гриннелу:

- Проводите его сюда.

## Глава 5

Широко раскрытой ладонью миссис Бэртон прикрыла распахнутый в зевке рот.

- Ох, господа, господа, - сказала она и зевнула снова, - я полагаю, случись мне каждый вечер быть на ногах до одиннадцати часов, я бы вскорости привыкла к этому. Но никак не могу приспособиться к тому, что Гарри садится завтракать в полседьмого утра. Извините меня, миссис Бреннер. Да, вы абсолютно правы, и в этом не может быть никакого сомнения: если японцы выиграют войну, первое, что они сделают, отберут у нас Калифорнию и Небраску, а именно оттуда мы получаем продукты питания. Могу утверждать, что кое-что понимаю в этом, ведь мой муж - бакалейщик. Вы были бы изумлены, увидев названия местностей, которые встречаются на крышках ящиков и на картонках, - это просто потрясающе. Мэрион, у вас нет иного выхода, кроме как согласиться с этим: мы должны хотя бы защищать те районы, которые не дают нам умереть с голоду.

В ответ миссис Вотер презрительно фыркнула:

- Чепуха. Мне кажется, что мы уж как-нибудь исхитримся прокормить себя. Я считаю, что нам вообще нельзя ввязываться в войну. Да, именно это я и хочу сказать.

- Да бросьте вы! - вступил в разговор еще один голос. - Именно это говорит Чарльз нашим детям, когда они приходят из школы и начинают болтать о войне.

Он говорит им: "Да бросьте вы!" Он утверждает, что, когда нужно будет воевать, нас обязательно известят и что нет никакого смысла чесать языки на эту тему. Мне это представляется вполне разумным. Вы знаете, когда мы жили в Ричмонде, Чарльз был наблюдателем во время выборной кампании. В любом случае я прихожу на эти собрания совсем не для того, чтобы говорить о войне. В конце концов, ведь это "Клуб матерей", не правда ли?

Настал черед прозвучать властному голосу. Как это в течение последних пяти лет имело место быть в "Клубе матерей" на Экер-стрит, верховную власть олицетворяла собой Виола Деллинг - жена аптекаря Деллинга.

Хотя никто и никогда не мог набраться смелости и потребовать однозначного ответа "да" или "нет", все члены клуба придерживались мнения, что их президент - бывшая наркоманка, прошедшая курс лечения.

- Но моя дорогая Китти! - Когда это было нужно, Виола Деллинг могла выступать с той степенью авторитаризма, которую находила уместной в каждой конкретной ситуации. Однако в ее голосе всегда звучали нотки понимания и дружелюбия. - В конце концов, - продолжила она, - стоит ли нам вообще обсуждать эту тему?

Ведь вы же не думаете, что Бетси Росс вспоминала о войне, когда сидела, беседуя с подругами, и расшивала наш флаг, наш первый звездно-полосатый? Ведь вам же и в голову не придет, что Марта Вашингтон, принимая у себя в Маунт-Верноне знатных дам, обсуждала деятельность своего мужа - отца-основателя нашей страны? Я также не могу себе представить, чтобы миссис Авраам Линкольн...

Где-то в задних рядах раздалось хихиканье и прозвучал резкий высокий голос:

- А что, это было бы здорово, давайте обсуждать деятельность наших мужей - торговлю недвижимостью, расфасовку бакалеи и приготовление микстур...

По рядам пробежал смехок, но расхохотаться не позволил себе никто. Ведь все дамы уважали своего президента и в душе порицали наглую выходку Гарриет Грин.

Виола Деллинг снисходительно улыбнулась:

- Полно, полно, Гарриет, никто не ждет от вас серьезного поведения. Однако война - дело серьезное, очень серьезное. Конечно, мы должны участвовать в ней, наши цели и задачи ясны. - При этих словах она вздохнула. - Очень жаль, что президент Стэнли не хочет взглянуть фактам в лицо.

На Виолу тотчас обрушилась буря протеста:

- Он и без вас глядит фактам в лицо!

- Президент Стэнли прав! Он знает, что делает!

- Почему вы не хотите подождать и послушать, что он скажет?

- У него есть на это право, не так ли? Это его обязанность - делать то, что он считает нужным...

- Виола! Вы критикуете самого президента!

- Побольше бы таких, как наш президент!

И так далее и в том же духе. Виола Деллинг постаралась улыбнуться как можно шире и стойчески вынесла шквал дамских эмоций. При этом она постоянно кивала, чтобы показать, что никакому спору здесь не может быть места.

Дождавшись подходящего момента, Виола подняла руку.

- Дорогие мои! - воскликнула она. - Конечно. Конечно! Только президенту дано право определять нашу судьбу. Я всей душой верю ему. Каждый, кто подвергает нападкам нашего президента, нападает и на нашу страну, и я думаю, вам прекрасно известно, как я далека от этого. Думаю, мне нет нужды защищаться. Вам всем, девочки, случилось бывать у меня дома по поводу многих приятных событий, вы все видели наш звездно-полосатый флаг, укрепленный на почетном месте над моей кроватью. Но мы все стоим перед лицом войны! - Ее голос дрогнул. - Перед необходимостью защищать свои дома. Эту задачу мы не можем переложить на плечи других матерей и чьих-то еще сыновей.

В этот момент послышалось ворчанье миссис Мэрион Вотер:

- Вот когда враг подберется к нашим домам, тогда и будем думать, как их защитить.

- Ах, если бы! - улыбнулась ей президент клуба. - Тогда уже будет слишком поздно.

- Вы правы, Виола, - одобрительно закивала полная женщина средних лет, - многие из вас слишком молоды и не могут помнить прошлую войну. Я же помню ее отлично. Мой младший брат воевал, он теперь живет в Норфолке. Ах, что они делали, эти германцы! И что бы они вообще могли натворить, если бы мы позволили им.

Та война показала всем, что собой представляют германцы. Звери они, вот кто! Если бы у них была возможность, они бы сделали с нами то же, что и с бельгийцами. Я видела один снимок...

- Конечно... - Напрасно Виола Деллинг пыталась остановить выступавшую. Три раза она повторила свое "Конечно!", раз от раза произнося его все громче и громче, но женщина никак не хотела остановиться:

- Я видела один снимок, его никто не должен был видеть, мне его как-то показал кассир банка, когда я пришла сдать деньги, мы ежедневно сдаем деньги в банк, когда ведем торговлю скобяными товарами. На нем были изображены немецкие солдаты, младенец и двое детишек постарше, и солдаты... Эй, послушайте, зачем вы меня щиплете?

Виола Деллинг без промедления воспользовалась паузой:

- Да, Гертруда, все это было ужасно. Но в этот раз немцы конечно же на нашей стороне. Пусть они накидываются на нашу торговлю, пусть они оскорбляют наше правительство - нашими союзниками будут те, чьи идеалы совпадают с нашими. Я уверена, что сегодня немцы не испытывают ничего, кроме угрызений совести за свое прошлое. Да благословенны будут простившие!

Все одобрительно закивали, фырканье нескольких несогласных, в том числе и Гарриет Грин, было оставлено без внимания. Дама средних лет продолжила свое выступление:

- Мне это безразлично, я все равно не стану доверять германцам! Посмотрите только на этого нового их предводителя - Гитлера. Я видела его фотографию. Ну да ладно! В любом случае я за президента. Что бы ни случилось, имейте в виду: я за президента. - Сказав это, миссис Грин с вызовом посмотрела на Виолу. - Мне лучше, чем кому-либо из вас, известно, что это за человек. Каждое утро мой сын Вэл на грузовике компании "Каллахен" доставляет продукты питания в Белый дом.

Когда-то мой мальчик был устроен лучше, но я говорю ему, что никакая работа не может быть позорной, если ты честно зарабатываешь свой хлеб. Так вот, каждое утро он приезжает в Белый дом и много раз видел, как президент прогуливается по саду. Президент часто улыбался Вэлу и несколько раз даже говорил с ним. Так вот, как вы можете видеть, у меня есть все основания говорить то, что я говорю. Доверяю я германцам или нет, я за президента.

Члены "Клуба матерей" на Экер-стрит вежливо кивнули, но особого впечатления услышанное на них не произвело. Рассказы про президента и про Вэла Оркатта они слышали и раньше. Слово взяла миссис Бреннер, та самая, которая незадолго перед этим выражала беспокойство по поводу продуктов питания.

- Послушайте, - сказала она, - я вот чего не могу понять. Война идет уже более года. И Англия, и Франция, и Германия, и Россия - все они сражаются и убивают на этой войне. Однако они не могут причинить нам никакого вреда, поскольку слишком заняты друг другом. Почему бы нам не поступить так: направить нашу армию в Калифорнию, и как только где-нибудь там появится какой-либо япошка, взять да подстрелить его? Зачем же нам выступать с объявлением войны сразу против всех?

Аудитория одобрительно зашептала, а Гарриет Грин горячо воскликнула:

- Отличная мысль!

Однако Виола Деллинг только снисходительно улыбнулась.

- Я вам объясню почему, Фрида, - начала она. - Дело в том, что это было бы бесчестно. Мы должны нести свою часть общей ноши, деля вместе со всеми и горечь, и сладость. Мы все - женщины, все матери и знаем, что такое честь. Ни одна из нас не захотела бы пожертвовать честью ради счастья, или я не права? Так вот, честь нашей страны для нас должна быть столь же бесценна, как и наша собственная честь. И более того, неужели вы, девочки, думаете...

В этом месте речь Виолы была прервана двумя событиями. В прихожей завершал звонок, и одновременно с ним со стула вскочила темноволосая худощавая женщина, которая до этого тихо сидела в дальнем углу. С горящими глазами, подавшись вперед, она заговорила, и было видно, как всю ее сотрясает дрожь.

- Меня тошнит от вас! Вы слышите это? Виола Деллинг, вы слышите? Вы тут говорите о нашей чести и наших сыновьях, а я бы возненавидела свою судьбу, будь я вашим сыном. Я здесь сидела и слушала вас, не раскрывая рта, и все время думала, что мне следует идти домой...

Звонок раздался снова, и, пробормотав что-то о необходимости открыть дверь, миссис Бэртон бочком вышла из комнаты. Виоле Деллинг с трудом удавалось сохранять контроль над ситуацией.

- Миссис Тайс, поверьте, мне очень жаль. Мы знаем, что в Первую мировую войну вы потеряли двух сыновей, мы знаем об оставшемся у вас единственном сыне, и мы все сочувствуем вам. Лично мне жаль, что вы считаете необходимым красить свои волосы, потому что нет ничего более очаровательного и более достойного, чем волосы, седые от горя. Нельзя сослужить службы большей, чем...

Темноволосая женщина оттолкнула тянувшиеся к ней руки - ее пытались усадить на место - и крикнула на пределе своих сил:

- Да замолчите же!

После этого она выпрямилась, замерла, не говоря ни единого слова, а затем пошла по направлению к выходу. У двери в вестибюль она посторонилась, чтобы дать пройти миссис Бэртон и тому человеку, который звонил у входа.

Миссис Бэртон вернулась в комнату раньше, чем кто-либо произнес хоть единое слово по поводу всего случившегося. Рядом с ней жил молодой человек, высокий, краснолицый и неуклюжий. Держа шляпу в руке и стиснув зубы, чтобы не рассмеяться, он встал в проходе.

Миссис Оркатт, полная женщина, что сидела позади президента клуба, поднялась со своего стула.

- Наконец-то, Вэл! - воскликнула она. - Однако ты припозднился, я же велела тебе приехать в десять тридцать.

Вэл Оркатт кивнул:

- Да, знаю, что запоздал, но я ничего не мог сделать, - сказал он и добавил, как бы извиняясь:

- Я хотел подождать у входа. Миссис Бэртон настояла, чтобы я вошел.

- Я подумала, что, может быть, он расскажет нам что-нибудь новое о беспорядках в городе, - пояснила миссис Бэртон.

К молодому человеку обратился сразу хор голосов:

- Да! Пожалуйста, расскажите!

Было видно, что Вэл а раздосадовала эта просьба.

- Да никаких беспорядков нет, - ответил он. - Ну, было несколько драк. А так больше ничего.

Только Виоле Деллинг удалось заставить его улыбнуться.

- Но на самом деле, неужели это правда, что Вашингтон, столица нашего государства, наводнен коммунистами? - спросила она.

- Не знаю. Во всяком случае, я их не видел.

Президенту клуба хотелось бы развить беседу в этом направлении, но она видела, что аудитория уже выходит из-под контроля. Всем хотелось спать, все хотели пойти по домам. В силу этого обстоятельства Виола Деллинг сохранила свое право управлять массами, возглавив шествие рядовых членов клуба в гардероб, где те оставили свои платки и шали.

Оказавшись на улице, миссис Оркатт взяла сына под руку и спросила:

- Вэл, так почему же ты опоздал?

Вэл Оркатт откашлялся. Несмотря на то что ему было двадцать шесть лет от роду и был он молодым человеком вполне здоровым, полным сил - и совсем не дураком, было также очевидно, что он в жизни своей, ни в одном мало-мальски важном случае, не лгал своей матери.

- Ах, ты об этом - да ничего интересного, - ответил он. - А может быть, и наоборот. Слушай меня, мама. Я всегда знаю, что делаю. Поэтому, пожалуйста, не задавай никаких вопросов.

## Глава 6

Эта библиотека в Питтсбурге ничем особенным не выделялась. Она могла бы находиться где угодно - в любом достаточно большом городе.

Ей определенно не хватало лоска подлинной культуры наподобие того, какой усилиями дочери Джорджа Милтона создавался в библиотеке вашингтонского дома Гриннелов, - этакий поверхностный слой, под блестящей оболочкой которого скрывались низкие материи, обеспечивающие его существование, - нечто сродни слою сливок в обезжиренном молоке. Эта библиотека, хотя далеко и не бедная, была плохо организована и безвкусно обставлена. Подушки из зеленой гобеленовой ткани - чей-то подарок - были разбросаны по кушетке, обитой красной кожей. Сбоку от камина, вывезенного из французского замка восемнадцатого века, блеснул хромированный, внушительных размеров ящик для кондиционирования сигар. Тиснение на корешках книжных переплетов позволяло предположить, что здесь писатели-классики и впрямь оценивались тем количеством золота, которое было эквивалентно их весу. Среди множества бумаг и самых различных письменных принадлежностей, что были разбросаны по массивному столу из розового дерева, вывезенного из бразильских лесов, виселись четыре телефонных аппарата: белый был предназначен для конфиденциальной связи с Вашингтоном, синий обеспечивал частную связь с Федеральной стальной корпорацией, коричневый - с Пенсильванской кредитной компанией.

Черный аппарат был местным телефоном.

Крепко сбитый, с волевым подбородком, средних лет мужчина, который расположился в отодвинутом от камина кресле и которого по внешнему виду вполне можно было принять за члена высшего руководства крупного индустриального комплекса, на самом деле был пастором Первой пресвитерианской церкви. Второй джентльмен, чуть постарше и сильнее потрепанный жизнью, сидевший за письменным столом и походивший на вернувшегося с воскресного собрания



евангелиста с горящими глазами религиозного фанатика, являлся председателем совета директоров Федеральной стальной корпорации.

Присутствовавший здесь третий мужчина выполнял обязанности его секретаря; он стоял у края письменного стола и вел разговор по черному телефону, впрочем, его реплики ограничивались словом "да", повторяемым с некоторыми интервалами.

Наконец он положил трубку на рычаг, повернулся к своему патрону и сказал:

- Все в порядке, он прочитал мне всю статью от начала до конца. Это не шедевр, но нас устроит.

Стальной король кивнул. Немало позабавленный этой сценой, пастор улыбнулся и заключил:

- Блестящий вклад в свободу слова!

- О чем вы? - Голос у стального короля был хриплым. - Я полагаю, вам известно, что эта газета принадлежит моему банку.

- В некотором роде да, мне это известно. Так сказать априори.

- О боже! Послушайте меня, Прюитт. И на минуту не рассчитывайте, что вам удастся запудрить мне мозги.

Я очень уважаю вас, но совсем не потому, что вы пользуетесь словами, на которые я не стал бы тратить времени. - Магнат повернулся к своему секретарю:

- Что это с вами случилось? Вы побледнели, как невеста перед венчанием. Посидите немного.

- Со мной все в порядке, - пробормотал секретарь.

- Черта с два! Вы только посмотрите на себя в зеркало. Сядьте, говорю вам. - Вновь обращаясь к пастору, стальной магнат пояснил:

- У нас с Килборном был очень тяжелый день. - Затем он бросил взгляд на часы, висевшие на стене. - Времени-то уже за полночь. Скоро все это кончится, хотя нет, скорее начнется, - продолжил магнат и повернул голову на звук открываемой двери.

В дверях стоял слуга.

- Феррис, - приказал ему магнат, - принесите немного портвейна для мистера Килборна, а мне - стакан молока. Вы что предпочитаете, Прюитт?

- Я бы помог вам справиться с молоком.

- Тогда принесите кувшин молока и два стакана. Но портвейн тащите в первую очередь. Черт возьми, Бен, ну почему вы не хотите сесть?

Бен Килборн стоял у самого стола, наклоняясь и упираясь в него рукой, чтобы не потерять равновесия. Кровь отхлынула у него от лица, сделав его белым как мел.

Глаза Килборна были устремлены на патрона, как если бы их хозяин боялся, что стоит ему отвести взгляд, он больше ни на чем не сможет сфокусировать его снова.

Килборн открыл рот и попытался что-то сказать, но тщетно: вместо слов у него получился только судорожный вздох. Вторая попытка оказалась более успешной:

- Мистер Каллен, я хочу сказать, что больше не могу выполнять свои обязанности. Я оставляю работу у вас и готов написать заявление.

- Черта с два ты оставишь. Сперва сядь, а потом будешь писать заявление! - С этими словами стальной король встал и, взяв секретаря за плечо, повернул к себе. - Пойдем, - сказал он, - или ты хочешь, чтобы я тащил тебя на себе? Прюитт, пододвиньте то кресло поближе!

Слабый протест секретаря был проигнорирован. Мужчины усадили его в кресло, и как только напряжение отпустило мышцы, Килборн начал дрожать. Слуга принес вино, Каллен взял бокал и сам наполнил его. Пробормотав что-то похожее на команду, он поднес бокал к губам Килборна и не отпуская его, пока тот не выпил до дна.

- Как только у тебя на щеках появится намек на нормальный цвет, я позволю тебе выпить еще бокал, - пообещал он. - А потом тебе лучше будет отправиться в постель и немного поспать. А уволиться ты сможешь и завтра, здесь можно не спешить. - Сказав это, Каллен повернулся к пастору:

- В прошлой войне он был контужен разрывом снаряда. А я всю эту неделю заставлял его работать без передышки, и это не могло не сказаться на его нервной системе, - пояснил он.

- Заставлять человека работать до изнеможения - это совсем не в духе высшей христианской морали, - ответил на это пастор.

- Вот как? Тогда я - не христианин.

- Полноте, Каллен! Помните, я слышу вас.

Стальной король пошел на попятную:

- На этом-то вы и строите свой расчет! Мне нравится это в вас, Прюитт. Я скорее похож на лысого орла, чем на христианина, но если вы думаете, что это тревожит меня... Ну что, чувствуете себя получше, Бен?

- Гораздо лучше, - отозвался Килборн. Его щеки порозовели, в глазах появился здоровый блеск. - Я знал, что приступ приближается. Можно мне еще глоток портвейна?

Каллен снова наполнил стакан и протянул его Килборну.

- Благодарю! - Килборн сделал несколько жадных глотков. - Нет, у вас, несомненно, есть какие-то рудименты порядочности, - сказал он затем.

Каллен никогда не смеялся. Но сейчас огонь его глаз стал мягче, а взгляд сделался менее сосредоточенным.

- Слагая с себя обязанности моего секретаря, вы даете мне рекомендацию, да?

Килборн кивнул:

- Можете считать и так. Я со своей стороны не прошу никаких рекомендаций. Я ни на что не гожусь.

- Вы вот что: идите и ложитесь спать. Можете отдыхать завтра весь день. С этой работой мы покончили.

Если вы хотите...

- Покончили? - Секретарь стального короля издал высокий, похожий на птичий крик горловой звук. - Вы хотели сказать, мы начали ее. Мы способствовали тому, чтобы она началась. Я болен и знаю это. Я болен, иначе и быть не может. По своей натуре я совсем не мягкий человек, я такой же жесткий, как и вы. Я полагаю, что это - последствия той проклятой контузии, но в любом случае я болен и ни на что не гожусь. Может показаться смешным, но вплоть до сегодняшнего вечера я не понимал, что мы натворили. Я не виню вас, не виню никого. Какого черта? Продолжайте печатать свои газеты, выпускать свои кинофильмы, раскручивайте радиопрограммы, убеждающие идиотов идти и подставлять свои головы под пули ради того, чтобы акции ваших сталелитейных заводов поднялись еще на три пункта. Это ваша игра. Я помогал вам ее вести, только вот сегодня мне стало тошно. Завтра будет голосование, и ничего переиграть уже нельзя, я только сейчас понял это. Я имею в виду не ужасы войны, просто хочу сказать, как все это глупо. А может, я имею в виду как раз ужасы войны и, поскольку я болен, сам не знаю, что имею в виду...

Тут Килборн прервал свою речь, чтобы сделать глоток портвейна, рука, в которой он сжимал бокал, заметно дрожала.

- Могу ли я попросить еще вина? - спросил он.

Наливая ему вина, стальной магнат с настоящей теплотой, которую не смогли победить его обычные грубость и черствость, отметил:

- Бен, единственное, что вам сейчас нужно, - это хорошо выспаться. Вот, выпейте, но больше вам нельзя, а то не сможете заснуть...

Со стороны письменного стола раздался басовитый гудок зуммера. Двигаясь как автомат, Килборн стал подниматься с кресла, но Каллен усадил его обратно, а затем подошел к телефонам и поднял трубку белого аппарата.

Положив руку на плечо Килборна, пастор стал вслушиваться в разговор вместе с ним.

- ...Нет, это Каллен... Вормен? Продолжайте... Хорошо... Хорошо... Меня это не удивляет, за что же, по-вашему, мы платим вам деньги?.. Тилни? Он не сможет изменить ход событий...

Далее разговор продолжался в том же духе. Десять минут спустя стальной король повесил трубку, а когда он вновь повернулся к пастору и секретарю, огонь в его глазах свидетельствовал о страстях, снова переживаемых этим человеком.

- Боже, благослови Америку! - произнес Бен Килборн и залпом допил вино.

Волевой подбородок пастора подался вперед.

- Это война?

Каллен кивнул.

- Завтра, - сказал он, а затем посмотрел на часы и поправил себя:

- То есть сегодня.

Пастор глубоко вздохнул:

- В этом случае нам всем нужно обратиться к Богу. - Он откашлялся, прочищая горло. - Каллен, пришло время мне срочно заняться своим выступлением.

Боюсь, оно не будет столь же эффективным, как публикация мистера Килборна. - Пастор, казалось, забыл придать своему голосу звучность, необходимую оратору, и речь его стала порывистой.

- Прюитт, вам предстоит выступление? - спросил Каллен. - Может, сначала выпьете молока?

- Нет, спасибо. Или ладно, я выпью его. Я не могу должным образом настроиться на героический лад, попивая молоко. Каллен, я заглянул к вам этим вечером, чтобы сказать вам кое-что, просто я не мог сделать это ранее. - Пастор отпил на треть молока из своего стакана. - Вы, конечно, знаете, все прошлые пять воскресений я молился о том, чтобы не было войны. Вы знаете, как я страшусь войны.

Каллен кивнул:

- Такая уж у вас работа. Это обстоятельство может повлиять на сумму, которую я проставлю в моем пасхальном чеке?

- Нет. На некоторые чеки это уже повлияло. Но не на ваш. С вами приятно иметь дело, и вы - неплохой человек. Я тоже. Вот именно это я и пришел сказать вам. Если завтра, то есть уже сегодня, будет объявлено о начале войны, я хорошо представляю себе, чего будет ждать от меня моя конгрегация, включая вас. Она ожидает, что в следующее воскресенье я скажу в своей проповеди, мол, мне стало известно, что Господь изменил свое мнение. Так вот, Он не менял своего мнения, равно как и я. Я всегда буду против войны и всегда буду говорить об этом.

- Вот как? - отреагировал на это Каллен. - Но тогда мы вышвырнем вас отсюда.

- Я скажу то, что сказал.

- Может быть. До воскресенья еще целых шесть дней. Да ерунда это, Прюитт, ведь вы же совершите самоубийство.

- Разумеется. Но вот вам моя полная исповедь: трудность моего выбора носит не духовный и не эмоциональный характер, это скорее проблема интеллектуального плана. Ее точно определил мистер Килборн - все очень глупо. Мой выбор - не между жизнью и смертью; мой выбор между

самоубийством - духовным или физическим. Я всегда буду противником войны. Именно это мне и хотелось сказать вам, Каллен, а также предупредить, что я далеко не одинок. Вполне возможно, вас ожидают беды, о существовании которых вы сейчас и не подозреваете. Вам потребуется мужество. У меня оно есть.

Каллен пристально смотрел на пастора.

- Дело не в мужестве, а в опасении промочить ноги, - сказал он. - Вы мне нравитесь, Прюитт, но все же не следует сваливать все на нас. Выспитесь хорошенько, утро вечера мудренее. Приходите завтра. Я буду весь день занят, но пообедаю дома. Моя жена позвонит вам. - Затем Каллен обратился к своему секретарю:

- Бен, вы тоже нуждаетесь в хорошем отдыхе. Поднимайтесь к себе и ныряйте в койку. Завтра я обойдусь без вас. А что касается вашего увольнения, вам лучше забыть о нем до окончания войны. - Он снова повернулся к пастору:

- Пойдемте, Прюитт, я провожу вас. Я тоже устал.

- Каллен, нет никакого смысла в том, чтобы я приходил к вам завтра. Мое решение принято.

- Ладно, ладно, посмотрим. Заходите. Спокойной ночи, Бен.

Стальной магнат и пастор вышли из библиотеки, и Бен Килборн остался один. Он сидел, глядя на бокал вина в своей руке и отмечая, что рука его уже не дрожит. Ему подумалось, что это странно, и, уставившись на нее, Бен надолго замер в ожидании. В конце концов рука и в самом деле начала дрожать. Бен не сводил с нее взгляда. Внезапно он вскочил, размахнулся и швырнул бокал в групповую фотографию совета директоров Федеральной стальной корпорации, висевшую на стене над письменным столом. Бокал плашмя ударился о фотографию, и хрустальные брызги разлетелись по всей комнате.

Чтобы проверить, дрожит рука по-прежнему или нет, секретарь посмотрел на нее и с горечью пробормотал себе под нос:

- Да, я болен.

## Глава 7

Гараж на Мэриленд-авеню был одним из самых современных и доходных во всем Вашингтоне. Он располагался на четырех этажах, был оснащен круто изгибающимися бетонными пандусами, лифтами, ярко-красными передвижными автозаправочными постами на колесах и имел опрятную, по-деловому уютную контору.

Все четыре этажа были заполнены могучими и изящными в своих массивных очертаниях механическими зверями на четырех колесах, которые, напившись бензина, ждали команды, чтобы взречь мотором и помчаться туда, куда прикажет их повелитель. Здесь стояли двухместные купе-родстеры, а также лимузины и седаны.

Площадку первого этажа занимали более внушительные и менее грациозные транспортные средства, обеспечивающие городскую розничную торговлю, среди них - три черных фургона для перевозки элегантных изделий компании "Причард и Тримен". Снобизм владельцев дошел до того, что имя компании, представленное микроскопической надписью в нижнем углу, оказалось практически невидимым. Здесь ночевали также дюжина "фордов" городской почтовой службы, огромные грузовики с надписью "КЛЕЙНМАН", растянутой по всему борту с каждой стороны, и пять других, темно-красных, среднего размера крепеньких грузовичков с надписью "Каллахен. Высококачественная бакалея, гастрономия и мясные продукты". Последний вариант надписи представлял собой своеобразный компромисс между аристократической ненавязчивостью "Причард и Тримен" и вызывающей раздражение кичливостью Клейнмана. В шесть часов вечера, после трудового дня, один из этих пяти грузовичков был загнан на стоянку Вэлом Оркаттом.

\*\*\*

Несмотря на полночь, жизнь в гараже была ключом.

Оглашая ревом мотора, мужчина в большом родстере с опущенным верхом проехал по пандусам до третьего этажа. Здесь он пожелал доброй ночи дежурному и, спустившись по лестнице, вышел на улицу. Одетый в униформу шофер ввел через подъездные ворота темно-синий лимузин, на дверце которого был виден герб Французской республики; поскольку это была машина посольства, она проехала вверх только на один этаж. Вслед за ним в гараж влетел черный седан ничем не примечательной наружности. Эта машина ехала по пандусам, пока не забралась на самый верхний этаж. Водитель седана не искал свободного места в рядах машин, он продолжал движение по центральному проезду, ведущему к передней части здания, пока не уперся в стену. Затем он вышел, захлопнул дверцу и шагнул навстречу приближавшемуся дежурному по этажу.

- Единение, - тихо произнес водитель седана.

Дежурный кивнул и ответил:

- Единение.

После этого водитель поспешил к машине, открыл заднюю дверцу и сказал:

- Все в порядке.

Из седана вышли еще четверо. Двое из них носили фетровые шляпы с опущенными полями, еще двое были в кепках; у всех были подняты воротники пальто. Один из них шел по центральному проезду на несколько шагов впереди, указывая дорогу. Затем, повернув вправо, он протиснулся между двумя автомобилями и продолжил движение сквозь лабиринт машин. Остальные шагали следом. Наконец путь им преградила стена. Шедший впереди поднес к ней руку и в тусклом свете фонаря стал ощупывать ее поверхность. Наконец ему удалось найти кнопку звонка.

Прямо перед ним приоткрылась дверь, и в просвете показалось лицо. Тот, кто возглавлял пришедших, произнес:

- Единение.

Дверь распахнулась еще шире, и мужчины вошли.

Здесь было около тридцати человек. Все были молоды, некоторые казались совсем мальчишками. На крючках вдоль одной из стен висели головные уборы и пальто собравшихся; воротнички серых рубашек были расстегнуты. Несколько человек сидели за столом, расположенном в центре помещения, остальные стояли то тут, то там, разбившись на группы по несколько человек. Комната освещалась лампой без абажура, свисавшей с потолка на длинном шнуре. Своим мрачным, темно-коричневым цветом стены комнаты были обязаны толстым звукоизолирующим панелям из пробки; для того чтобы свет не просачивался сквозь щели наружу, края двери были обтянуты резиновой лентой.

Пятерка вошедших была встречена прозвучавшим вразнобой коллективным приветствием: "Единение!" - и каждый из находившихся в комнате встал навтыжку.

Тот, кто привел группу, мужчина плотного сложения, со светло-каштановыми волосами и плотно сжатым кривым ртом, в один прием быстро оглядел собравшихся. Один из тех, что сидели за столом, поспешил к нему, а затем повернулся к собравшимся.

- Люди! - закричал он. - Тот, кого мы ждали, пришел!

По комнате пробежал негромкий шепот, но плотный мужчина проигнорировал его. Отбросив стоявший на дороге стул, быстрыми шагами он подошел к столу и постучал костяшками пальцев по телефонному аппарату.

- Для чего это здесь, - потребовал он ответа, - для украшения?

- Почему для украшения, - возразил некто стоявший поблизости, - на прошлой неделе он был подключен.

- Уж не хотите ли вы сказать, что он подключен к телефонной сети?

- Несомненно! - Отвечавший произнес это с некоторой долей обиды.

- Несомненно что? Несомненно, что это ловушка?

Да, так оно и есть. Завтра же избавьтесь от него. Или нет. Не завтра. Оставьте телефон здесь, но не пользуйтесь им. А будет звонить - не поднимайте трубку.

Однако оппонент мужчины плотного сложения не хотел уступить.

- Я не вижу, чем он может... - начал было он.

- Зато я вижу. Да и вам не мешало бы. Но давайте спросим у людей! - И с этими словами мужчина плотного сложения повернулся к собравшимся. - Единение! - сказал он. - Соратники, давайте объясним нашему товарищу. Я считаю, что телефон - вещь глупая и опасная. Те, кто согласен со мной, поднимите руки.

Руки большинства собравшихся взметнулись к потолку. Мужчина плотного сложения не стал ждать колеблющихся.

- А теперь пусть проголосуют те, кто не согласен со мной! - крикнул он.

Таковых не оказалось. Мужчина повернулся к провинившемуся.

- Начиная с этой минуты, - сказал он, - вы разжалованы в рядовые. А позже мы подыщем вам замену на данном посту. Согласны?

Тот не колебался. Он поднял правую руку, прижал ее к сердцу и произнес отчетливо и ясно:

- Единение!

- Это хорошо, - прокомментировал мужчина плотного сложения. - Одетые в серые рубашки бойцы не боятся опасностей, они приветствуют их и сами выходят им навстречу. Однако нельзя допускать, чтобы наших товарищей убивала преступная глупость. - Сказав это, он вновь обратился к собравшимся в комнате:

- Соратники! Подходите, пожалуйста, поближе.

Все, кто был в комнате, решительно двинулись к лидеру, не сводя с него глаз. То ли убедительность его слов, то ли электризующая живость интонаций наполняла воздух какой-то возбуждающей энергией. Распрямив плечи, собравшиеся стояли плотной группой и внимательно глядели на мужчину, который в это время поднимался на стул.

Не повышая голоса, он начал выступление:

- Люди, меня зовут Линкольн Ли. Кое-кто из вас уже встречался со мной в Детройте или Мемфисе, однако большинство видит меня в первый раз. Это мой первый визит в Вашингтон, но он может оказаться не последним.

В какой-то, не такой уж далекий день я приду в город, чтобы остаться, точно так же как, придя в Рим, Муссолини остался в Риме, а Гитлер - в Берлине. Нет, я не буду использовать их идеи или их методы; ведь это же - Соединенные Штаты Америки, и не кто иной, как сами американцы будут определять судьбу своей страны, не кто иной, как сами американцы будут намечать путь своей страны, и не кто иной, как сами американцы пойдут вместе с нами к намеченной цели. Верно я говорю, люди?

Реакция собравшихся была мгновенной, они с энтузиазмом выкрикнули, как выдохнули, одно слово: "Единение!"

- Да. Единение. Единение по крови и по тем идеалам, которые нужны Америке, которые она обязана иметь, и пусть всех остальных постигнут кара и презрение. Хотя вы знаете, кого я имею в виду, могу вновь назвать их.

Это - грязные плаксивые евреи, коварные и лживые почитатели папы римского, анархисты, а также мерзкие коммунисты - наши враги вам хорошо известны. Но мы не являемся врагами тех добрых американцев, которые пока что не разделяют наши взгляды и не признают нашей руководящей роли. Мы только хотим убедить их, что нам принадлежит руководящая роль, что я - вождь нации, которого они ждут, и тогда миллионы американцев вступят в наши ряды. Сейчас меня презирают, за мной охотятся. Это наполняет меня гордостью, поскольку это первая ступенька той лестницы, по которой я поднимусь к своей будущей славе, к вашей славе и к величию Америки. Соратники, начнете ли вы вместе со мной восхождение по этой лестнице?

- Единение!

- А в настоящее время у Америки появились другие враги, которые тоже должны быть уничтожены. Это япошки, которых и людьми-то назвать нельзя; это англичане, которым нужна наша земля и которые в конце концов узнают, с кем они имеют дело, когда мы перевернем вверх дном их полные грязи острова; это жабоглотатели-французы, которые в прошлую войну брали у нас деньги, а теперь не хотят с нами расплачиваться, - жалкие попрошайки. Все они - враги Америки и должны быть уничтожены. Сейчас у нас в Белом доме оказался безвольный человек, бесхребетный слабак, в жилах которого вместо крови течет вода. Однако и при таком президенте Америка должна громить своих врагов, и если наш президент захочет остаться на нейтральной полосе, пули в него полетят с обеих сторон. Но нас это не остановит.

Нас ничто не остановит! Есть только одно суровое требование, которое должно быть предъявлено ко всем до единого - от президента до бездомного бродяги: тот, кто стоит препятствием на пути Америки, должен быть уничтожен! И пусть он будет вашим братом или моей сестрой - ему не уйти от суровой кары. А также ни одному красному, ни одному еврею и паписту-католику. В своей борьбе мы непримиримы!

Здесь оратор сделал паузу, и собравшиеся в очередной раз дружно крикнули: "Единение!"

- Да, мы непримиримы, но терпеливы, - продолжил выступающий. - Те, кому не хватает терпения, покинут наши ряды, и мы не придем поклониться их могилам.

В интересах борьбы с нашими внешними врагами мы в будущем должны ожидать разграничения полномочий и появления барьеров внутри нашей организации. Я не знаю, когда вновь смогу выступить перед вами. Вами будут командовать мои уполномоченные, слушайте их.

Того, кто окажется недостойным вашего доверия, постигнет кара, незамедлительная и беспощадная. Тем, кому доверяю я, вы тоже можете доверять. Будьте терпеливы, ведь время работает на нас. И где бы вы ни оказались - на полях сражений в Европе, бок о бок с нашими союзниками в Сибири, на палубе боевого корабля, преследующего желтокожих, - помните, что мы непримиримы, мы ничего не забываем, мы хотим, чтобы в будущем Америка увенчала себя славой.

Здесь Линкольн Ли остановился. Его рот скривился в нервной гримасе, которая никак не походила на улыбку. Тихим голосом, из которого исчезли все интонации, кроме какой-то безумной жестокости, оратор произнес:

- Люди, я покорил вас. Я произнес великую речь. Я и сам велик. Единение!

Никто не двинулся, никто не мог произнести ни слова. Речь Линкольна Ли загипнотизировала аудиторию.

Собравшиеся затаили дыхание. Оратор обвел их тяжелым взглядом. После этого совершенно другим тоном он сказал следующее:

- На этом - все. Независимо от того, есть ли у вас поручения на завтра или нет, не расходитесь. Ложитесь спать на полу, по-солдатски, скатайте пальто и куртки, положите их под головы. Дело в том, что в наших планах могут возникнуть кое-какие изменения. - Ловким и уверенным движением оратор соскочил со стула. - Грир, Фэллон! - крикнул он. - Давайте посмотрим все еще раз. Где ваши бумаги? Поставьте телефон на пол, но будьте осторожны, найдите какую-нибудь бечевку и привяжите рычаг.

Один из мужчин занялся телефоном, другой подошел с конвертом к столу и стал извлекать из него какие-то документы, третий стал разворачивать еще один, достаточно большой лист бумаги, который оказался картой города Вашингтона. Линкольн Ли сел на стул и склонился над картой.

## Глава 8

Когда Альма Кронин собралась идти домой, было половина первого. После того как Чик Моффет позвонил ей и сообщил, что не сможет прийти на намеченное свидание, чтобы прогуляться с ней и провести пару часов в кино, она в какой-то момент, конечно, была раздосадована, но в том, что ее задело это, признаваться не захотела даже себе самой.

Они познакомились около года назад, встретившись в коридоре Белого дома. Тогда Альма была еще новичком и, увидев мужчину, который не носил шляпы и двигался с уверенностью человека, хорошо знакомого с местной обстановкой, остановила его, чтобы спросить:

- Если я продолжу идти по этому коридору, я попаду в кабинет президента?

- Да, мадам, - ответил он, улыбнувшись одними глазами, - попадете, если только будете в нужных местах делать нужные повороты и если никто не остановит вас.

- Понятно. Ну что же, благодарю за информацию.

Миссис Стэнли попросила меня отнести президенту его наручные часы. - С этими словами Альма покачала часами, которые на ремешке свисали у нее с пальца. - Миссис Стэнли сказала, что он забыл надеть их, а без них он как без рук.

- Так я как раз туда иду. - С этими словами мужчина протянул руку. - Может быть, вы доверите мне это поручение? Меня зовут Чик, Чарльз А. Моффет. Я агент секретной службы.

- Благодарю вас. Я - Альма Кронин, младший секретарь.

Чик было повернулся, чтобы идти дальше, но затем вновь обратился к девушке:

- А может, вы пожелаете пойти со мной, чтобы знать дорогу в следующий раз?

Альма согласилась.

Знакомство продолжилось. Последовало приглашение на прогулку и на обед, затем еще одно, при этом ни Альма, ни Чик не проявили склонности свести их отношения на нет. Альма прекрасно понимала, что, возможно, из всего этого ничего не выйдет. Сама она была интеллектуалкой, прекрасно разбиралась в скрытых течениях, направлениях и побудительных мотивах общественной жизни и являлась членом ассоциации "Женщины за мир", тогда как Чик Моффет читал "Колльерс уикли" {издававшийся в США в конце XIX и первой половине XX в. еженедельник, главной темой которого были скандалы в среде чиновной и правительственной элиты, а также спортивные обозрения} да играл в покер с газетчиками. Если учесть, сколь велико было расстояние между уровнями их интеллектуального развития, Альма удивлялась, почему это она со все возрастающим удовольствием гуляет с ним по парку Рок-Крик, а в зимние вечера позволяет ему часами сидеть в ее единственном кресле и слушает его шутки. Все прояснилось в тот день, когда она неожиданно поняла, что очень нежно относится к Чикку. Подобное объяснение удовлетворило ее и даже как-то успокоило. Но по мере того, как зима пошла на убыль, уступая дорогу весне, Альма заметила, что стала относиться с безразличием к тем своим друзьям, кто не



был знаком с Чиком или же считал его недостойным внимания. У нее возникло подозрение, что "нежно" - это не совсем подходящее слово. Появились различные, малосущественные на первый взгляд симптомы, которые очень тревожили ее. Например, однажды она заметила, что поет, готовя надоевшие ей сэндвичи с ветчиной и луком. В тот день она после работы спешила домой, покупая по дороге все необходимое для их приготовления, и эти сэндвичи предназначались для того, чтобы порадовать Чика, когда они после похода на концерт виолончелиста вернутся в ее квартиру. Сэндвичи с пивом. Сама Альма не любила лук и вполне могла обойтись без пива. И при всем при этом она пела, утирая слезы от лука! Альма опустила нож на газету, прошла в ванную, умылась и посмотрела на себя в зеркало. "Если подобные, более чем красноречивые факты могут быть истолкованы как-то двояко, - подумала она, - хотела бы я знать, в чем может заключаться второе толкование.

Это верно, как бог свят, - я стараюсь ублажить желудок мужчины, чтобы в случае чего тот помнил, чего он может лишиться".

- Альма Кронин, - произнесла она вслух, - ваши отношения с луковицами компрометируют вас!

А когда Альма, подсознательно подыскивая оправдание этому своему занятию, заканчивала приготовление сэндвичей, ей пришло в голову, что игра на виолончели нравится Чикю не больше, чем ей лук и пиво, и тем не менее он купил билеты на этот концерт. Но от этой мысли ей стало еще хуже...

- Ха! - грустно усмехнулась Альма. Она подумала, что их отношения обеспечивают военным действиям единственное оправдание: возможно, Чик Моффет отправится на войну, и тогда всем этим нелепостям... Но попытка даже пошутить подобным образом лишила девушку возможности говорить, а затем сердце резанула боль, настолько острая, что Альма прижала руку к груди, даже не отдавая себе в этом отчета. Это чувство было совсем не похоже на то бурное негодование, которое от случая к случаю поднималось в ней на заседаниях ассоциации "Женщины за мир". Подобное состояние и впрямь напугало ее. Альма чувствовала себя преданной и беспомощной, и в первый раз она испытала страх перед грядущим.

Но когда Чик Моффет зашел за ней тридцатью минутами позже, ему не было продемонстрировано ни одного намека на испытанное девушкой душевное потрясение.

Все последующие недели не добавили ничего нового в их отношения. С одной стороны, казалось, что Чика вполне устраивает дружба, зародившаяся между ними. С другой стороны, Альма с присущим ей чувством юмора проиронизировала по поводу привилегий, создаваемых такими отношениями.

Полемика по вопросу о войне достигла апогея, и Альма оказалась в самом центре событий. Пост, занимаемый ею в Белом доме, не был важным и не давал ей никакого официального статуса, поскольку Альма являлась секретаршей миссис Роббинс, которая, в свою очередь, была секретаршей миссис Стэнли, жены президента Соединенных Штатов. Однако миссис Стэнли была дамой весьма дружелюбной, демократичной, всегда чем-то занятой, любопытной и весьма разговорчивой. В силу этого обстоятельства Альма узнала массу вещей, про которые секретарша секретарши знать бы не должна. Она под диктовку писала такие послания сестрам влиятельных капиталистов и женам конгрессменов, что, случись им в результате какого-нибудь катаклизма стать единственными документами, оставшимися для просвещения потомков, историки будущего были бы убеждены, что в двадцатом столетии в Соединенных Штатах Америки процветал матриархат. Впрочем, Альму это мало заботило, она была готова помогать в любом деле, которое несло смертельный удар для угрозы войны. А поскольку она вкладывала в это дело не только свой ум, но и сердце, то решила, что ее личные проблемы могут подождать до лучших времен.

Поэтому, когда в этот понедельник Чик позвонил и сказал, что не сможет прийти к ней, она не захотела признать себя уязвленной, хотя ей очень хотелось провести с ним этот вечер накануне победы или поражения сторонников мира. Альма подумала, не является ли его повторный, после

целого дня дежурства, вызов в Белый дом свидетельством того, что с тех пор, как она в шесть часов вечера ушла со службы, произошли какие-то новые события, но потом вспомнила, что в разговоре Чик не упоминал Белый дом, а просто сказал, что ему нужно заступать на дежурство. Может, он дежурит где-то еще? зоб По дороге домой Альма дважды видела, как полиция рассеивала группы демонстрантов, вытесняя их с улиц; и все это происходило в той части города, где таких вещей происходить не должно. Нахмурившись, девушка подошла к окну и выглянула из него. Увиденное не несло в себе никакой информации, а Альме очень хотелось быть в курсе событий. Она взяла книгу, села в кресло и более часа заставляла себя читать. Когда охватившее ее беспокойство сделало процесс чтения не только раздражающим, но и бессмысленным, Альма подошла к телефону и позвонила Линдквистам. Те были дома. "Приходи, пожалуйста, приходи!" - было сказано Альме.

Три часа она провела в доме Линдквистов, потягивая кларет с лимонным соком и слушая, что говорится вокруг. Как всегда, в этом доме в неофициальной обстановке собралась очень пестрая компания: лоббисты из числа идеалистов, музыканты, несколько членов палаты представителей, помощники начальников отделов, сотрудники из русского посольства. Унаследовавший бумагоделательную фабрику в Миннесоте, Карл Линдквист не видел необходимости в том, чтобы утруждать себя какой-либо работой, но он был мыслителем и избрал Вашингтон как подходящее место для этого вида деятельности. Альме нравилась его жена, и она терпимо относилась к самому Линдквисту.

В тот вечер она просидела долго, за полночь. Гости к тому времени почти все разошлись, осталось только четыре-пять человек, они сидели, развалившись в удобных креслах и держа в руках высокие бокалы с виски, служившие вознаграждением за ту пищу для ума, которую они давали Линдквисту. Незнакомый Альме мужчина, чье имя для нее прозвучало как Бэрч, Бартш или что-то в этом роде, оказался единственным, ступившим на обходную тропу вокруг единственной темы, обсуждение которой шло в течение всего вечера, - войне.

- Существует масса причин, в силу которых Стэнли бессилён что-либо сделать, - говорил он собравшимся. - Если он откажется от участия в той войне, он обязательно окажется втянутым в войну прямо здесь, в пределах нашей страны. Я утверждаю это без оглядки на мятежные выступления последних дней, это лишь частная точка зрения на вопрос, вступать нам сейчас в войну или нет. Я уверен, что войны не миновать, - она просто обязана разразиться, и тогда - спасайся кто может! Вы не можете себе представить - да я и сам имею самое смутное представление о том, до каких потрясающих воображение пределов догматы ненависти и принципы всеобщего разрушения проникли в каждый пласт нашей общественной и экономической структуры.

Например, вы знаете, что мне удалось услышать сегодня? Это просто невероятно. Мне сказали, а источник информации если и не безоговорочно верный, то во всяком случае заслуживает доверия, так вот, мне сказали, что среди секретных агентов службы безопасности Белого дома есть два серорубашечника. И это среди личных телохранителей президента! Ну, как вам нравится подобный комментарий к существующему положению вещей?

Флоренс Линдквист фыркнула.

- Ну хорошо, - сказала она, - теперь я приготовлю еще по одной.

Очевидно, ее муж за этот вечер получил обильную пищу для размышлений, потому что он тоже предпочел не углубляться в предложенную тему. Он только со значением покачал пальцем перед носом Альмы.

- Так или иначе, - произнес он при этом, - я надеюсь, что ваш приятель Чик Моффет не является кем-то из них. Хотя... держу пари, что он один из них. Откуда нам знать, может быть, вы даже сшили для него серую рубашку!

Альма в ответ отшутилась. Немногим позже, видя, что уже половина первого ночи, она встала, разбитая и обеспокоенная, пожелала всем спокойной ночи и отправилась домой. Альма чувствовала себя раздраженной и подавленной. Вне всякого сомнения, бестолковый разговор у Линдквистов не стоил того, чтобы обращать на него внимание и из-за этого расстраиваться. Ей подумалось, а не может ли быть так, что Чик звонил ей снова и не застал. Ведь он впервые не смог прийти на свидание с ней.

## Глава 9

В два часа ночи в кабинете сенатора Аллена все еще сидели пять человек. На самом деле то, что называлось его кабинетом, было помещением, выделенным для работы комитета по расследованию пропаганды мятежного содержания. Однако, поскольку Аллен был председателем этого комитета, комната в настоящее время оказалась закрепленной за ним.

Воздух в комнате был пропитан табачным дымом, в ней царил беспорядок, поскольку в течение сегодняшнего вечера здесь побывало человек сорок. Дым расплзался по углам и опускался вниз, чтобы остаться в комнате навечно. За последнюю пару часов сенатор Тилни несколько раз открывал окно. Однако через минимальный, требуемый приличиями промежуток времени Уилкоккс, коллега Тилни, всякий раз закрывал ставни. Все пятеро мужчин были сенаторами. Рейд, тонкий, жилистый, подвижный и хмурый, восседал в кресле кого-то из членов комитета. Коркоран, высокий и подтянутый, всегда носивший виндзорский галстук в сочетании с вечерним костюмом, сидел на краю стола и зевал. Повернувшись спиной к остальным, у окна стоял Тилни.

Его утомленные карие глаза всматривались в апрельскую ночь, возможно пытаясь увидеть там то, что он не смог найти в голубых глазах Салли Вормен или в клубах густого табачного дыма, недвижно повисшего в помещении. Аллен, мужчина крупного сложения, в меру упитанный и в меру воинственно настроенный, ухоженный и одетый в хорошо сшитый костюм, бродил из угла в угол, напевая что-то себе под нос. Уилкоккс, сенатор с запада, самый молодой из всей пятерки, который еще во время своей первой сессии сумел показать, что умеет быть ведомым и что в его глубоко посаженных и пронизательных глазах не мелькнет и тени горечи по причине долгого ожидания шанса стать ведущим, стоял перед Коркораном и взывал к здравому смыслу последнего:

- Ради бога, давайте пойдем по домам.

Коркоран устало покачал головой:

- Нет, по крайней мере, до тех пор, пока Тилни не решит, на чьей он стороне. Мы должны уделить ему столько времени, сколько он потребует.

- Сдался вам этот Тилни, - огрызнулся Уилкоккс. - Все, что нам нужно, - это лечь спать.

Со своего места заговорил Рейд, его голос был столь же бодрым, как и он сам; в нем не чувствовалось и тени усталости.

- Вы только тогда говорите человеку, что он вам не нужен, когда вам приходится блефовать, - заметил он. - В случае с Тилни нет необходимости даже пытаться блефовать. Вы не понимаете главного: он знает все, чем мы располагаем. - С этими словами он повернулся к человеку, стоявшему у окна:

- Тилни, вы не хуже меня знаете все наши доводы. При рассмотрении вопроса вы можете выступить от имени любой стороны.

Возьмете ли вы это на себя? Вот и все, что требуется от вас. Вы понимаете, как много для нас будет значить уверенность, порожденная консолидированным выступлением. Мы избежим излишней грызни при слушании.

Скажите нам о своем решении прямо сейчас.

Тилни обернулся, часто моргая от табачного дыма. Он пересек комнату и, не обращая внимания на Рейда, остановился перед Коркораном.

- Уилкоккс прав, - произнес он, - все, что нам нужно, - это выспаться, и я отправляюсь домой. Ваш провоенный блок смотрится хорошо, Джим. Я думаю, вы сумеете добиться победы.

Коркоран сполз со стола. Его рост был значительно больше шести футов, и он возвышался над Тилни, хотя и тот не казался коротышкой.

- Присоединяйся к нам, Бронни, - сказал он. В Вашингтоне было только три человека, которые осмеливались называть Бронсона Тилни Бронни. - Черт возьми, ну в чем дело? В твоей верности Стэнли? Так он не ждет ее от тебя. Ненависть к войне? Можно подумать, будто я люблю ее. Рейд любит и Уилкоккс любит, ну и пусть их. Я ненавижу войну. Как я полагаю, за эти двадцать лет в Вашингтоне мы с тобой научились подавлять свою ненависть. Так в чем же дело? Ты что, думаешь, что можешь остановить прилив? Силенок не хватит! Так в чем же дело?

- Что-то мне нехорошо, Джим. - Тилни поднял руку и похлопал своего визави по плечу. - Просто у меня болит живот, вот и все. - С этими словами он отвернулся от Коркорана и обвел взглядом трех других сенаторов - Уилкоккса, Аллена и Рейда. - Джентльмены. До тех пор пока я не услышу завтрашнего выступления президента, не в моих силах принять решение, которого вы от меня ждете. Это - мое последнее слово. В настоящее время никто из нас не знает, что скажет президент. После его выступления, если моя совесть позволит мне, вы увидите, что я так же готов испытать горькую чашу своего поражения, как вы - желчно радоваться ему.

- Ну и ладно! - огрызнулся Уилкоккс. - Значит, пусть так и будет.

- Тилни, и не пытайся бороться с нами. - Рейд произнес это сухо, но с дружескими интонациями.

Аллен же был настроен совсем не дружественно.

- Оставьте свою совесть дома, - сказал он с сарказмом, - без нее будет гораздо спокойнее.

А Тилни, не обращая на них никакого внимания, негромко говорил что-то Коркорану, и тот отрицательно качал головой.

- Нет, - промолвил он, после того как Тилни замолчал, - этого мы не можем сделать. Завтра все должно произойти еще до объявления перерыва. Вернее, сегодня. Мы просто обязаны. Присоединяйся к нам, Бронни. Ты можешь не спешить, потому что я готов ждать твоего решения хоть всю ночь.

Не утруждая себя повторением слова "нет", Тилни направился к выходу.

- Спокойной ночи, Джим, - бросил он Коркорану и, ограничившись кивком по отношению ко всем остальным, медленными и неуверенными шагами вышел в коридор, оставив дверь открытой.

- Да он ходячий труп, - пробормотал Уилкоккс.

- Не беспокойтесь, к полудню он таким не будет, - отодвинув кресло и встав, отозвался Рейд и спросил:

- Вам со мной по пути, Джим?

Коркоран обошел вокруг стола, остановился перед креслом, в котором сидел Аллен, и мрачно посмотрел на сенатора. Потом он заговорил, и, несмотря на усталость, в голосе его звучала злоба:

- В один прекрасный день, если вы почувствуете, что задыхаетесь, придавленный тяжким грузом совести Бронсона Тилни, не вопите, призывая меня на помощь.

- Да бросьте вы! - вмешался Рейд. - Все мы сидим на одной и той же бочке с порохом, - и добавил:

- Давайте отдохнем, наконец.

## Часть вторая

### ВТОРНИК - СОСТОЯНИЕ РАСТЕРЯННОСТИ

#### Глава 1

В тот день, когда президент США выступает на объединенном заседании обеих палат конгресса, Вашингтон, раскинувшийся по берегам ленивого Потомака, превращается в столицу мира. Этот город, построенный людьми, которые привыкли самостоятельно определять свою судьбу, обычно довольствуется ролью этакого огромного доходного дома с меблированными комнатами для тех, чьим царствием небесным является общественное учреждение, а надежда на спасение заключена в ведомости на оплату труда. Но время от времени город пробуждается и неохотно осознает тот факт, что он является ядром самого могущественного и динамичного соединения из всей шестерки атомных групп, олицетворяющих крупнейшие империи мира. Такое бывает в день инаугурации президента - раз в четыре года; к таким же событиям отнесен день встречи Нового года.

Еще одной причиной подобного пробуждения, правда в гораздо меньших масштабах, является день, когда президент выступает в конгрессе. Видимые свидетельства отличия этого дня от любого другого едва различимы.

Просто больше полицейских прогуливаются по Пенсильвания-авеню, больше народу толпится на тротуарах, больше дорогих лимузинов направляется в Капитолий.

А еще чувствуется изменение в психологическом настрое обитателей города. Нет, общество здесь не бывает наэлектризовано до такой степени, как в Кливленде или в Сент-Луисе в день открытия чемпионата мира по бейсболу, однако и здесь пролетают искры и возникают такие разряды, которые в обычное время отсутствуют.

В десять часов утра находившийся в кабинете министра обороны генерал-майор Фрэнсис Каннингем выглянул из окна и, не оборачиваясь к хозяину кабинета, проворчал:

- Что, черт возьми, этот город возомнил о себе? Это что - Париж во время революции?

Министр, который в это время потянулся за телефонной трубкой, промолчал.

Порядок в городе по-прежнему поддерживался полицией. Армия - личный состав, грузовики, газовые гранаты и соответствующее вооружение, - хотя и была приведена в состояние повышенной готовности, все еще находилась на своих базах. Вопрос о введении в город войсковых частей все еще оставался открытым. Первое за этот день столкновение произошло вскоре после рассвета, когда колонна коммунистов численностью в пятьсот человек собралась возле казарм морской пехоты и начала движение в западном направлении по Вирджиния-авеню. Капитан полиции, которому довелось читать о том, что Наполеон без особого почтения относился к не содержащим конкретной задачи приказам, принял самостоятельное решение о том, что красным не следует особо торопиться. Несколько человек были ранены, стройные ряды коммунистов рассеяны и обращены в паническое бегство, а сам капитан получил сильнейший нагоняй. Позднее с высоты здания, расположенного возле Гарфилд-парка, на головы тех же самых красных посыпались камни и обломки кирпичей. Некоторые демонстранты попытались было бросать эти камни и кирпичи обратно, однако руководители демонстрации выводили таких людей из рядов колонны, и она шла дальше, оставив нескольких своих товарищей в кузове грузовика, приспособленного под походный госпиталь. Поднявшись на крышу, полиция смогла задержать трех человек в серых рубашках. Этим их улов и ограничился.

Все утро то там, то здесь возникали столкновения, главным образом в юго-восточной части города. Еще несколько стычек имели место у вокзала "Юнион депо".

В результате столкновения на Второй улице, которое закончилось еще до прибытия полиции, было обнаружено тело серорубашечника. Этот человек лежал, раскинувшись на мостовой, и голова его была расколота, словно упавший с высоты цветочный горшок. Пока это был единственный зарегистрированный случай убийства. Для того чтобы не упустить момент, требующий вмешательства армии, Главное управление полиции регулярно передавало все сведения об обстановке в городе в кабинет министра обороны.

Министр закончил говорить по телефону, и генерал-майор Каннингем спросил его:

- Ну, так что там говорит наш добрый президент?

- Все отдано на мое усмотрение. - При этих словах министр обороны почесал свое ухо. - Смешно. Я должен решать, нужно ли применять войска. Мне не удалось поговорить с самим президентом, но Браунелл сказал, что это решение - окончательное. Он направляет сюда это распоряжение, сделанное в письменной форме.

- Ну и?..

Министр покачал головой:

- Давайте подождем, что нового нам сообщит Тэннер.

Начальника полиции Тэннера, который не располагал столь уединенным кабинетом, как у министра обороны, осаждали со всех сторон. Он же больше всего на свете не любил беспокоиться. Кражи со взломом, дорожно-транспортные происшествия и даже имевшие место убийства не относились к поводам для беспокойства.

Это была составная часть его работы, и этих событий следовало ожидать. Однако коммунисты, серорубашечники и прочие, к ним относящиеся, при всем том, что их деятельность казалась начальнику полиции вполне подпадающей под понятие "преступная", имели корни, и тут уж ничего не попишешь. Корни эти тянулись к такому множеству карманов в политической среде, что неизбежно приходилось обращаться с ними так, как если бы они были обычными гражданами. И если бы только они одни! Тэннер только что положил телефонную трубку, выслушав доклад лейтенанта полиции, который сообщил, что на углу Четырнадцатой улицы и Нью-Йорк-авеню собралась большая группа женщин, человек сто или более, требующих, чтобы им разрешили пройти маршем по Пенсильвания-авеню к самому Капитолию.

Еще лейтенант сказал, что они являются членами ассоциации "Женщины за мир", хорошо одеты, настроены очень решительно и несут огромные транспаранты с антивоенными лозунгами. Когда начальник полиции приказал лейтенанту, чтобы тот попросил митингующих разойтись, и когда лейтенант в ответ на это сказал, что ему потребуется целый взвод, чтобы справиться с ними, начальник завопил:

- Ладно, пусть они маршируют, эти чертовы дуры!

Очередной рапорт о беспорядках, сделанный около одиннадцати часов дня, был последней каплей в чаше терпения начальника полиции; он сказал вышедшему с ним на связь капитану, чтобы тот обратился к министру обороны и доложил обстановку непосредственно ему. В военном управлении капитана соединили с самим министром. В это время Каннингем все еще находился в кабинете. Министр выслушал телефонный доклад капитана, задал пару вопросов, а потом приказал:

- Не вешайте трубку! - После этого он повернулся к генералу:

- Вот вам и история с географией. Три сотни серорубашечников собрались в аллее между Двенадцатой улицей и Пенсильвания-авеню. Их предводитель заявляет, что они намереваются пройти маршем к Капитолию. Капитан полиции отвечает на это, что никуда они не пойдут. И как вам это нравится, руководитель показывает ему пропуск, подписанный специальным уполномоченным Форрестом!

Каннингем широко раскрыл глаза:

- Не может быть!
- Да!
- Подпись подделана.
- Капитан утверждает, что подпись Форреста ему хорошо известна. Но имеет ли Форрест законное право подписывать такой пропуск?
- Думаю, что да. Правда, точно не знаю. А кто руководитель этой группы? Линкольн Ли?
- Нет. Какой-то высокий мужчина с черными волосами.
- Арестуйте его, - рявкнул Каннингем, - а группу разгоните!
- За что его арестовать?
- За то, что он не является Линкольном Ли. Да не все ли равно за что! В любом случае разгоните их.

Немного поколебавшись, министр заговорил в телефонную трубку, отдавая приказ. Покончив с этим делом, он снова обратился к Каннингеми и спросил:

- А вам что-нибудь известно о Форресте?
- Я не знаю ровным счетом ничего! - взорвался вдруг генерал. - Это большое счастье, что я - солдат и от меня не требуется знать хоть что-либо. Во всяком случае, благодаря этому мне нечего стыдиться.

Средоточием всеобщего волнения было здание Капитолия. Полиция, как конная, так и пешая, могла поддерживать порядок только на участках, огороженных канатами. Полицейские старались продемонстрировать выдержку, однако то там, то тут кто-то получал дубинкой по голове. Серорубашечников в толпе не было видно; однако у многих пришедших сюда были подняты воротники пиджаков и плащей. Хотя, с другой стороны, конечно, даже самый законопослушный гражданин имеет право на защиту от ветра. Численность собравшихся росла, толпа становилась все менее управляемой, и полиции пришлось действовать более решительно. Когда примерно в половине двенадцатого сюда прибыл начальник полиции, он испытал скорее облегчение, чем тревогу: на основании поступавших к нему докладов у него возникло подозрение, что все обстоит гораздо хуже. Он вышел из машины, начал обходить своих офицеров, расставленных по постам на наиболее важных в стратегическом отношении участках, и у него даже зародилась надежда, что, может быть, ему удастся дотянуть до вечера, не прибегая к помощи военных.

Начальник полиции был весьма крупным мужчиной, поэтому, двигаясь в нужном ему направлении, он просто отбрасывал в сторону любого замешкавшегося и не успевшего уступить дорогу. В четверть двенадцатого, за пятнадцать минут до прибытия президента, начальник полиции подошел к ступеням, ведущим к западному подъезду, и оказался прямо перед делегацией ассоциации "Женщины за мир". Они выглядели усталыми, взволнованными и решительно настроенными; их знамена и лозунги развевались над ними на высоких шестах.

Начальник полиции заговорил с женщиной, стоявшей впереди шеренги. Очевидно, она возглавляла делегацию.

- Вы, дамы, - сказал он, - выглядите совершенно неуместно, устроив здесь посиделки.
- Никакие это не посиделки! - услышал он негодующий ответ. - Мы хотим, чтобы президент видел нас.

Есть ли для этой цели лучшее место, чем это?

Начальник полиции покачал головой и продолжил путь к тому месту, где образовался небольшой людской водоворот. Какой-то мужчина начал произносить речь.

Еще одна толпа собралась в самом Капитолии.

Галерею посетителей заполняли жены членов сената и палаты представителей, работники посольств, лоббисты, вдова экс-президента, вице-президент Американской федерации труда, жены судей, пестрое сборище государственных чиновников из различных бюро, комиссий и комитетов и небольшая группа тех, кто может быть отнесен к простому народу. Поскольку еще не прозвучал призыв соблюдать тишину в связи с началом работы сессии, шум, производимый множеством голосов, был оглушающим и характеризовался необычной высотой тона - настолько сильным было всеобщее напряжение. Здесь были собраны люди знающие; им была известна расстановка сил в палате представителей, выступающий за войну блок ястребов в сенате, они знали лиц, уполномоченных вести заседание, на котором будет присутствовать президент. Здесь знали всех в лицо, здесь было известно, что миссис Стэнли еще не прибыла и что важнее всего: здесь знали, что не только великая нация, но и весь мир, вся громадная, страдающая цивилизация затаила дыхание в ожидании того, что раньше всех увидят и услышат глаза и уши этой всеведущей публики.

Среди тех, кто оказался в ложе прессы, находились не только зрители, но и действующие лица драмы. Они, то исчезая, то появляясь снова, беспокойно передвигались с места на место, переговаривались друг с другом и оглядывали зал. Некоторые что-то писали в своих блокнотах. Здесь находились главы информационных бюро, звезды журналистики, а также все те газетчики рангом помельче, которым выпал случай попасть сюда.

И сами парламентарии, как сторонники правового решения вопросов, так и сторонники насильственных действий, в большинстве своем заняли места в зале; отдельные группы стояли в проходах, депутаты то выходили из гардеробов, то вновь скрывались в них; то тут, то там мелькали служители Капитолия. Среди ветеранов и лидеров политических группировок парламента был замечен Рейд, который стоял у стены рядом с членом палаты представителей Мортонном и, нахмурившись, слушал его, Коркоран, беседовавший с группой, включавшей в себя председателя палаты представителей и вице-президента; неподалеку переговаривались о чем-то сторонники мира Стерлинг и Джекмен. Аллена и Уилкокса видно не было, а Гилни сидел неподвижно, закрыв глаза и опустив подбородок на грудь. Все волновались, и нервы у всех были взвинчены, даже у тех, кто занимал низшую иерархическую ступень в стане парламентариев и заранее знал, как ему голосовать, что бы там ни случилось. Им, подобно статистам в театральной постановке, разрешалось разделять только тревоги и волнения, оставив всю славу ведущим артистам. Однако никто не мог лишить их права хотя бы на это.

В три минуты пополудни и председатель палаты, и вице-президент поднялись каждый на свою трибуну, последний стукнул деревянным молотком по столу, что-то пробормотал и свирепо оглядел зал. Шум голосов постепенно замер, члены парламента прошествовали к своим местам, снова раздался стук молотка, и в зале воцарилась тишина.

Секретарь палаты что-то начал читать, что именно - никто не слушал. Какой-то сенатор привстал из своего кресла; его опознали и тут же втянули в дискуссию о географии Соединенных Штатов Америки. Последние, опоздавшие покидали гардероб.

Дискуссия продолжалась. Было замечено, что вице-президент поднялся со своего кресла и, глядя на кого-то, в удивлении поднял брови. Председатель палаты, немного поколебавшись, продолжил дискуссию. Было двадцать минут первого. На верхней галерее Салли Вормен прошептала мужу:

- Что, этот бездельник проявляет нерешительность перед выходом на сцену?

В других местах тоже шептались, постепенно шепот становился все громче, переходя в возмущенный ропот.



Этого представления зрители ждали достаточно долго, и их раздражала необходимость сидеть перед занавесом, опущенным из-за того, что актеры запаздывают.

В двадцать пять минут первого в боковом проходе показался служитель Капитолия. Одним прыжком преодолев ступени, ведущие к трибуне вице-президента, он протянул ему лист бумаги. По всей палате пронесся легкий шумок. Никто не сомневался, что это - телефонное сообщение о том, что президент только что выехал из Белого дома, значит, предстоит еще четверть часа ожидания. Однако, к большому удивлению всех собравшихся, вице-президент, наклонившись к председателю палаты, прошептал ему что-то, а затем поднялся со своего кресла, спустился с возвышения и исчез в боковом проходе, том самом, через который вошел служитель Капитолия. По залу прокатился гул голосов. Председатель палаты вновь постучал молотком по столу и призвал к порядку.

Вице-президент вернулся не более чем через три минуты. Вместо того чтобы снова занять свое место, он пересек зал, подойдя к началу прохода, и взмахом руки позвал сенатора Коркорана. Тот вскочил и поспешил к вице-президенту.

Вице-президент говорил очень тихо; те, кто был близко от него, видели, как он побледнел и как на скулах Коркорана, внимательно слушавшего, заиграли желваки.

Внимание всех собравшихся - гостей, журналистов, парламентариев - было сосредоточено на этой сцене.

Так продолжалось в течение нескольких минут; наконец Коркоран повернулся и зашагал обратно к своему месту. Проходя мимо Рейда, он остановился и на него бросил выразительный взгляд. Очевидно, этот взгляд имел особое значение, потому что Рейд в ответ кивнул.

Затем вице-президент вновь поднялся на свою трибуну. Председательствующий передал ему деревянный молоток для ведения собрания, и вице-президент принял его, продолжая стоять, плотно сжав рот. Сенатор, выступавший по вопросу о географии США, замолк на полуслове и вернулся на свое место, так и оставив в последней фразе сказуемое без дополнения. Вице-президент прочистил горло и заговорил, обращаясь к затаившей дыхание аудитории:

- Я должен сделать следующее заявление. Только что было получено сообщение о том, что ввиду плохого самочувствия президент не имеет возможности предстать перед нами. В силу этого обстоятельства возникает необходимость перенести на другой срок повестку дня этой сессии.

Тишина царил в зале еще несколько мгновений, потом ее нарушил вздох, несший в себе и страх, и изумление и прокатившийся по залу от кресел депутатов до галереи зрителей. Не успел вице-президент закончить, как сенатор Коркоран вскочил:

- Я вношу предложение объявить перерыв в работе сессии.

Половина парламентариев поднялась со своих мест; некоторые поддержали это предложение, и громче всех кричал сенатор Аллен. Вице-президент ударил молотком, прокричал в поднятые к нему лица короткую фразу о перерыве в работе объединенной сессии обеих палат конгресса, и вместе со спикером они покинули свои трибуны.

После этого в зале началось неопишное: здесь было все - и негодование, и тревога, и потрясение, и хаос.

Мужчина, который сидел рядом с Бронсоном Тилни - сенатор Коллинз от штата Вермонт, - прокричал тому прямо в ухо:

- Это хоть и умная, но грязная проделка, и он за нее заплатит!

Тилни, взгляд которого выражал усталость, большую чем когда-либо, не обратил на него никакого внимания.

А четверть часа спустя, направляясь в своем лимузине домой, миссис Ричард Артур Каултер развивала перед ехавшей вместе с ней приятельницей по имени Диана Фримен идею, которая могла бы предотвратить возникновение подобных форс-мажорных обстоятельств.

- Вы знаете, дорогая, - говорила она, - мне думается, президенту следовало бы, подобно артисту оперы, иметь дублера. Как вы считаете?

### Глава 3

Во множестве сообщений и слухов, что циркулировали по Вашингтону во второй половине того вторника, очень трудно было отделить факты от вымыслов. В течение трех часов, возможно, половина граждан города узнала, что на президента совершено покушение и он убит. Где зародился этот слух, никто не знал, но он носился и по городу, и за его пределами.

Вот каким он был - полдень того вторника. Кроме того, говорили, что, чтобы принять решение, президенту Стэнли требуется дополнительное время, или что у него нервный срыв, или что он вдруг напился. А еще утверждалось, что он был убит красными или серорубашечниками, а то и вовсе япошками или же что ему быстро удалось добиться успеха в конгрессе. Самое странное было то, что подобные фантазии обсуждались не только простолюдинами, которым, так или иначе, дозволяется знать только то, что считается полезным для них, но и лицами, привыкшими оперативно получать более точную информацию. Несмотря на нечеловеческие усилия, руководство сената и палаты представителей, а также послы первого ранга и руководители агентств печати довольствовались сомнительной возможностью копаться в обрывках самых диких предположений и догадок.

В половине четвертого стало известно совершенно точно, что члены правительства вызваны в Белый дом.

В четыре часа дня в зале для пресс-конференций Государственной канцелярии США появился государственный секретарь. Он без излишних дипломатических тонкостей известил, что до окончания заседания кабинета министров никаких сведений дано не будет и что он не знает, когда оно закончится. С этими словами секретарь удалился, а представители прессы выли ему вслед от злости.

Но еще более уязвленным, чем законодатели внутри Капитолия, чувствовал себя народ, собравшийся перед его стенами, с тем чтобы продемонстрировать свое отношение к тому или иному вопросу. Первоначально во всем случившемся демонстранты увидели грязные происки, направленные на то, чтобы сокрушить их движение. Они завопили и стали озирались, дабы найти подходящую голову, которую стоит разбить, или кого-нибудь, кого можно сбить с ног. Однако полиция отнеслась к таким порывам серьезно, и вскоре стало ясно, что всеобщая неуверенность и неразбериха привели к тому, что настроение демонстрантов от боевого задора на грани готовности к самопожертвованию изменилось до состояния элементарной озлобленности. С такими проявлениями эмоций в толпе бороться гораздо легче, и демонстранты были безо всяких церемоний рассеяны, а площадь перед Капитолием очищена от пришельцев.

Потери с их стороны составляли несколько разбитых челюстей и пару сломанных костей.

Было три часа, когда, кроме миссис Стэнли, секретаря президента Гарри Браунелла и двоих агентов секретной службы, суть происшедшего стала известна и другим. В этот час вызванные Браунеллом по телефону члены правительства собрались в помещении, обычно используемом для совещаний администрацией президента Стэнли, - в библиотеке на втором этаже. Туда пришли все, включая вице-президента; министр сельского хозяйства Биллингс, вызванный на совещания в Федеральной торговой палате, прибыл последним. Кто-то сидел, кто-то стоял, и все ждали. Ждали президента? Этого они не знали, Браунелл сказал только одно: приходите. Пришедшие переговаривались негромкими голосами, будто в доме, где лежал покойник; нервы у всех были натянуты, и говорить было не о чем.

Дверь в библиотеку открылась, присутствующие одновременно повернулись в ее сторону. На пороге появилась миссис Стэнли, и все, кто сидел, встали. Следом за ней вошел секретарь Браунелл и плотно прикрыл за собой дверь. Миссис Стэнли прошествовала в центр библиотеки и оглядела собравшихся, словно пересчитывая их. Всегда улыбающаяся, сегодня она была очень серьезна. Казалось, ей не хватает воздуха, волосы у нее были растрепаны, и, словно нуждаясь в опоре, она положила руку на спинку стула.

- Садитесь, пожалуйста, садитесь, - сказала она.

Государственный секретарь Алекс Лигетт пошел за стулом для миссис Стэнли. Та сперва отрицательно покачала головой, но, передумав, кивнула в знак благодарности и села. Секретарь Браунелл встал возле нее, остальные мужчины тоже сели.

- Джентльмены, у меня возникла проблема, - начала миссис Стэнли, - и я больше не могу скрывать ее, потому что теперь это не только моя проблема, это проблема также и ваша, и всей страны. Президент похищен.

Все, кто был в библиотеке, уставились на нее, как если бы она плясала на канате или делала стойку на голове. А миссис Стэнли продолжала:

- Эта новость удерживалась в секрете, в том числе и от вас, в течение пяти часов. Возможно, это было не правильное решение - я не берусь судить, - но его приняла я и несу за него всю ответственность.

- Эту ответственность разделяю и я, - отрывисто произнес Браунелл, - поскольку посчитал это решение правильным.

Послышались возгласы недоумения. Трое или четверо вскочили со стульев. Биллингс, старый друг семейства Стэнли, сидел с открытым ртом. Государственный секретарь Лигетт восклицал с идиотской настойчивостью:

"Похищен? Кто похищен? Как похищен?"

Подавшись вперед в своем кресле, вице-президент Моллесон не сводил глаз с супруги президента, и во взгляде его смешались изумление и подозрение. Спокойный и ровный голос, прозвучавший особенно резко на фоне всеобщего смятения, принадлежал министру внутренних дел Льюису Уорделлу.

- Миссис Стэнли, будьте добры, расскажите нам обо всем поподробнее, - сказал он.

- А может, это сделаю я? - вмешался Браунелл.

Миссис Стэнли отрицательно покачала головой:

- Не нужно, благодарю вас, Гарри.

Плотные сжатые руки женщины лежали у нее на коленях, говорила она спокойно, но видно было, что ей это спокойствие дается дорогой ценой.

- Завтрак президента закончился немногим позже восьми часов. Он ел один. Поскольку у нашей семьи в этот день были гости, я позавтракала вместе с ними раньше. Примерно в половине девятого он сообщил мне из вестибюля, что собирается пойти прогуляться и посмотреть на утро нового дня, а позже пройдет в библиотеку, то есть сюда. Как я поняла, он не намеревался идти к себе в кабинет, поскольку у него на этот день не было назначено никаких встреч, а ближе к двенадцати он должен был направиться в Капитолий. Это был последний раз, когда я видела и слышала его. - Она сглотнула и продолжила:

- Около десяти утра позвонил мистер Браунелл и сказал, что располагает сведениями первостепенной важности, которые ему хотелось бы сообщить президенту. Он думал, что президент работает над посланием к конгрессу, и позвонил сперва в кабинет, потом в библиотеку, но там ему никто не ответил. Мистер Браунелл навел справки и заключил, что президент у меня. Однако когда я сказала, что он не заходил, мистер Браунелл сразу стал очень серьезным и

немедленно приехал. Вместе мы заглянули и в библиотеку, и в кабинет... Затем мистер Браунелл пошел осматривать сад. Перед этим он сказал мне, что будет правильно, если мы станем задавать как можно меньше вопросов... Я продолжила поиски внутри здания, но не нашла мужа... Джентльмены, я понимаю, что...

Здесь миссис Стэнли сбилась и замолчала. Спустя какое-то время она подняла голову, взглянула на Браунелла, который стоял рядом с ней, и кивнула. Рассказ продолжил секретарь:

- Я нашел агента секретной службы, который нес наружное дежурство вокруг Белого дома. Нам удалось установить, что, выйдя из здания, президент больше в него не входил, и мы нашли свидетельства действий, которые не могли не встревожить нас. Я проконсультировался с миссис Стэнли и отдал приказ, запрещающий всем покидать, а также посещать как сам Белый дом, так прилегающую к нему территорию без соответствующего разрешения, полученного у миссис Стэнли или у меня. Я отключил связь с Государственным департаментом. Все телефонные звонки из Белого дома были прекращены, а все входящие звонки принимались человеком, специально подобранным мной для этой цели.

Мы продолжили расследование, результаты его были скудны, но они однозначно привели нас к тому заключению, о котором вас известила миссис Стэнли. Президент похищен.

Браунелл замолчал. На него посыпались вопросы, но их перекрыло замечание Льюиса Уорделла, сделанное спокойным, ровным голосом:

- Мистер Браунелл, однако прошло пять часов. Ответственность, которую вы взяли на себя, - это тяжелая ноша.

- Конечно, - согласился с ним секретарь, - в полдень президент должен был прибыть в Капитолий. Вплоть до этого часа у нас были основания надеяться, что он все же окажется там. Когда стало ясно, что его там не будет, мы в течение двух часов проводили расследование в ином направлении. В четырнадцать часов тридцать минут я позвонил вам, джентльмены.

В разговор вступил министр обороны Оливер:

- У вас были основания полагать, что президент все-таки прибудет в Капитолий? Что вы хотите этим сказать?

- Я хочу сказать... - начал Браунелл и вдруг замолчал. Но, сделав шаг вперед, он продолжил резким тоном:

- Джентльмены, мы теряем время. Вам лично, то есть всей группе в целом, я не буду давать объяснений.

За свое поведение я дам ответ только президенту Соединенных Штатов, как только он вернется к исполнению своих обязанностей. Да, я ждал пять часов, прежде чем сообщить вам о случившемся; да, я не докладывал начальнику секретной службы, а также полиции и кому бы то ни было. Почему не докладывал? Потому что не доверяю им. Я никому не доверяю! Вы знаете Вашингтон, и вам знакома нынешняя критическая ситуация, однако я сомневаюсь, что вы знаете столько же, сколько и я, о том, что происходило здесь в течение последних двух месяцев, о том, каких небывалых высот достигли здесь и страх, и корысть; о требованиях и просьбах, как благородного, так и низменного свойства; а также об алчности и злобе, об угрозах, как замаскированных, так и открытых. Например, мне известно, что произошло в кабинете президента, когда один из вас, присутствующих здесь джентльменов, сидел, не высказывая никакого неодобрения, в то время как трое его коллег, государственных мужей из представительской власти, говорили президенту, что если он в течение недели не выступит в „пользу открытия военных действий, то его будет ждать импичмент. Я не доверяю никому! Я полагаю, кабинет министров имеет...

Речь секретаря президента прервал Льюис Уорделл.

- Мистер Браунелл, - сказал он, - не могли бы вы отложить свои упражнения в красноречии на более благоприятное время. Если президент похищен, давайте искать президента.

- Совершенно верно, сэр. Я и хотел сказать, что, по моему мнению, кабинет министров обладает необходимыми законными полномочиями. Если вы передадите часть этих полномочий одному из ваших людей, от которого можно ожидать верности и готовности к быстрым и решительным действиям, я готов рассказать ему все, что знаю, и назвать тех, кого подозреваю. В противном случае я сообщу ему только то, что должен сообщить, и, если вы меня не посадите под замок, в свою очередь и под свою ответственность приму те меры, которые считаю необходимыми. В любом случае действия многочисленной поисковой группы только привлекут всеобщее внимание. Так вы назовете такого человека?

В наступившей паузе Оливер пробормотал что-то своему соседу Лигетту, а Биллингс принялся увещевать секретаря президента.

Теодор Шик, проницательный министр торговли, сидя с полузакрытыми глазами, заговорил голосом, в котором сочетались пронзительный визг и ворчанье:

- Как я полагаю... в отсутствие президента... вице-президент....

- Н-нет, Теодор! - прервал его Моллесон, заикаясь. - Нет, парни, только не меня. - В следующую секунду он взял себя в руки, прибегнув к языку юриспруденции:

- Отсутствие президента нельзя рассматривать как предусмотренное конституцией.

В помещении воцарилось напряженное молчание. Во взгляде каждого присутствующего читалось подозрение.

Миссис Стэнли поднялась со стула и вышла из библиотеки.

Часть третья

СРЕДА - НЕРАЗБЕРИХА

Глава 1

В среду, в девять часов утра, во всем округе Колумбия было введено военное положение. Жителей округа ограничили в гражданских правах: теперь ходить по тротуарам, разъезжать на автомобиле или покупать себе мороженое и содовую стало не правом каждого гражданина, а привилегией, которая могла быть дарована или в любую минуту грубейшим образом отобрана. На улицах Вашингтона можно было видеть солдат, правда в небольшом количестве. С определенными интервалами их посты были расставлены по всему городу, и, как правило, они, вооруженные, просто стояли и глазели на прохожих. Поиски президента Соединенных Штатов проводились другими силами - городской полицией, детektивами и секретными агентами. Помимо этих официальных служб, к поискам присоединилась сотня тысяч горожан, а может быть, и миллион - точно не знал никто. Вашингтонский "Рекорд", газета, которую издавал и которой владел Хартли Гриннел - зять Джорджа Милтона, газета, в номерах которой президент подвергался резкой критике из месяца в месяц, в это утро поступила в продажу с призывом, занявшим всю первую полосу:

**"ГРАЖДАНЕ ВАШИНГТОНА, ВИРДЖИНИИ, ЗАПАДНОЙ ВИРДЖИНИИ, МЭРИЛЕНДА, ДЕЛАВЭРА, ПЕНСИЛЬВАНИИ, НЬЮ-ДЖЕРСИ!**

**НАЙДИТЕ ПРЕЗИДЕНТА!**

Может быть, он все еще находится в городе, вряд ли его вывезли куда-то далеко. Найдите его! Это в ваших силах!

Если каждый из вас тщательно проверит здание, в котором живет и где работает, а также все смежные постройки и все возможные места, пригодные для укрытия и расположенные поблизости от вас, президент будет найден. Никому не верьте на слово! В это омраченное подлым преступлением и тревожное для нации время ни один человек не вправе отказать вам в любой информации, касающейся его жилых и производственных площадей.

**НАЙДЕМ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТА!**

**И, если необходимо, СПАСЕМ ЕГО!"**

План сработал. Газеты других крупных и мелких городов перепечатали это обращение, опубликовали его в специальных выпусках. Плакаты были напечатаны в десятках штатов, их расклеивали на стенах домов, заборах и досках объявлений. Обитатель города в любой момент мог ожидать, что в его дом, контору, фабрику или склад вторгнутся отдельные личности или целые делегации, требующие "удовлетворения" своего права на досмотр. Никто не мог оградить себя от вторжения. Однако, несмотря на то что были продемонстрированы невероятные по качеству и количеству проявления глупости, нетерпимости и откровенной бессмыслицы, тем не менее данная кампания явилась впечатляющей демонстрацией характера и духа американского народа в ответ на невиданное доселе грубое нарушение закона. Народ хотел, чтобы президент вернулся к исполнению своих обязанностей, и был полон решимости найти его. Зачастую люди вели себя как идиоты, но подобных явлений всегда можно ожидать, когда народ теряет чувство самосознания и чувство юмора. Все они были крестоносцами, даже аптекари и владельцы гаражей в деревнях Делавэра, которые опускали револьвер в карман, отправляясь из своего дома к месту работы; даже слесари-сантехники в городах штата Нью-Джерси, которые приходили по вызову устранять протечку и вместо приветствия бросали на домохозяек полные подозрительности взгляды и держали уши в постоянной готовности услышать какие-то странные или подозрительные звуки.

Случаи насилия и разрушения, бессмысленные, но не столь уж неожиданные, также имели место. В городе Алтуна, штат Пенсильвания, был повешен местный руководитель серорубашечников. Его оставили болтаться на дереве, а принадлежавший ему дом сожгли дотла.

Похожие на этот, хотя, как правило, без человеческих жертв инциденты прокатились по сотням городов и поселков страны. За каких-то двенадцать часов рубашки серого цвета стали самой непопулярной одеждой за всю историю США. Красные тоже подверглись преследованию и избиению, но с гораздо меньшей яростью. В Калифорнии хватали и избивали японцев; их арестовывали, их преследовали по всем городам и весям. Как сообщалось, при этом было убито более десятка человек.

На шоссе на дорогах в радиусе нескольких сотен миль от Вашингтона водителям машин оказалось практически невозможно добраться до места назначения.

Любой мог остановить и останавливал автомобиль. Водителей подвергали допросу, а машины обыскивали. Если после двадцатой такой задержки водители демонстрировали вполне понятное раздражение, очень часто потом им приходилось жалеть об этом. Так, на автозаправочной станции автомагистрали, что идет к северу от Атланты, остановился большой седан, в котором рядом с водителем сидел еще один мужчина. Это были президент и один из членов совета директоров Филадельфийского банка. После того как служитель залил бензин в бак их машины и получил деньги за свою работу, он то ли спросил, то ли заключил:

- Вы же не будете возражать, если я загляну в салон вашей машины? - и взялся за ручку задней дверцы.

Банкир ответил, что он спешит, что десятки людей уже осматривали салон его машины, и нажал на педаль стартера. На это служитель ответил:

- Эй, подождите, будет лучше, если вы откроете Дверцу!

Автомобиль рванулся от автозаправочной. Прозвучало четыре или пять выстрелов, и обе задние шины оказались разорванными в клочья. От группы мужчин, стоявших возле станции, отделились два человека, один с винтовкой, другой с охотничьим ружьем, и подбежали к тому месту, где остановилась машина, из которой вне себя от гнева выскочил банкир. Один из подошедших, нацелив на последнего винтовку от бедра, скомандовал:

- Открой дверцу!

Банкир, ругаясь соответственно сложившейся ситуации, подчинился. Тот, кто был с винтовкой, сорвал подушки заднего сиденья и вытащил из машины дорожную сумку. Раскрыв ее, он вывалил содержимое на подножку машины и на запачканный маслом асфальт. Пошвыряв ногами рубашки, щетки и домашние туфли, мужчина с ружьем изрек:

- Ладно. Но тебе, мистер, следует поучиться хорошим манерам.

Второй мужчина подошел к капоту машины и заметил с пренебрежением:

- Эти шины тоже не больно-то хороши, - и взвел курки своего ружья.

Банкир, который до этого был красным, стал белым как мел. Он потребовал, чтобы ему сообщили, где можно найти начальника полиции этого города.

- Так это я и есть, - ответил ему мужчина с винтовкой.

Банкир сказал своему спутнику, чтобы тот ждал его возле машины, а сам прошел в центр поселка к аптеке и оттуда позвонил окружному прокурору в расположенный неподалеку город. Выслушав поток требований, угроз и протестов, прокурор заявил, что лучшее, что может сделать банкир, - это сесть на ближайший поезд, идущий на север; такой поезд должен проследовать через их город примерно через час.

## Глава 2

Льюис Уорделл не ложился в постель почти четверо суток. За это время он дважды прикорнул на кушетке в комнате, смежной с кабинетом начальника секретной службы, но, за исключением этих коротких минут отдыха, провел без сна более восьмидесяти часов.

Во вторник, в пять часов дня, члены кабинета министров пришли к единогласному соглашению по следующим пунктам:

1) все повседневные дела Государственного департамента США будут решаться под руководством секретаря Браунелла, а все, что выходит за рамки текучки, будет направляться им на рассмотрение кабинета министров в полном составе;

2) вся деятельность, касающаяся поиска президента, и все этапы этой операции проводятся под управлением министра внутренних дел Льюиса Уорделла, и он может быть отстранен от руководства операцией только решением, принятым большинством членов кабинета;

3) кабинет министров каждый день в девять часов утра должен проводить совещания, и все члены кабинета согласны участвовать в его работе. Исключение делается лишь для министра внутренних дел Уорделла. Секретарь президента Браунелл и супруга президента миссис Стэнли получают статус полномочных членов совещания;

4) настоящее отсутствие президента не является освобождением его от исполнения обязанностей, предусмотренным конституцией, и не будет считаться таковым до тех пор, пока большинство членов кабинета не примет специальное решение по данному вопросу;

5) гриф секретности, налагаемый на данные, полученные в результате расследования, на принятые решения и предполагаемые ответные действия, рассматриваемые на совещаниях кабинета министров, не может быть отменен, пока кризисная ситуация не разрешится.

Все пункты соглашения были изложены в письменной форме, и все члены кабинета обязаны были парафировать его, поставив свои инициалы. Когда пришла очередь поработать авторучкой министру торговли Теодору Шику, тот заколебался. Он изо всех сил возражал против появления в данном документе пункта 4, не изменил своего мнения по этому поводу и при голосовании, но оказался в меньшинстве. Вот и теперь он снова прочел Документ и покачал головой:

- Ну как я могу подписать это?

- Похоже, что каждый из нас оказывается перед выбором - либо подписать эту бумагу, либо уйти в отставку, - спокойно ответил Льюис Уорделл.

Шик улыбнулся ему, потом взял вечное перо и добавил буквы "Т. Ш." к ряду инициалов остальных участников совещания.

- Полагаю, что в документе нет ничего уж слишком обязывающего, - заключил он при этом.

- Да, он обязателен только для джентльменов, - негромко, но вполне внятно проворчал Биллингс.

Среди присутствующих возникла какая-то сумятица, и Лигетт забормотал что-то, напоминая Биллингсу о необходимости согласия, но последний вновь проворчал:

- Да пошел он к черту!

Отсутствие сплывающего элемента в лице президента Стэнли стало приносить свои горькие плоды.

А для Льюиса Уорделла это совещание уже было закончено. Он сидел у телефона и говорил с начальником секретной службы, приказывая ему немедленно собрать всех имеющихся в его распоряжении сотрудников и ждать соответствующих инструкций и полномочий.

Еще он велел начальнику секретной службы не вешать трубку и попросил министра юстиции:

- Дэвис, подойдите к телефону и скажите Скинеру, что теперь его непосредственный начальник - я. - С этими словами он передал трубку Дэвису и повернулся к секретарю президента Браунеллу:

- Поторавливайтесь, Браунелл. Оформили соглашение? Хорошо.

Спеша по дороге, ведущей от лужайки Белого дома к расположенному напротив министерству юстиции, Уорделл засыпал секретаря президента вопросами:

- Что это было за неотложное дело, заставившее секретаря президента искать с ним встречи в десять часов утра?

- Сугубо конфиденциальное, - быстро ответил Браунелл, - и не имеющее никакого отношения к случившемуся.

Уорделл бросил на него взгляд, но настаивать на пояснении не стал.

- А что это за вызвавшее тревогу свидетельство, которое было обнаружено вами и секретным агентом? - спросил он.

- Пропитанный хлороформом платок, найденный под кустом таволги, а также затоптанная трава вокруг него.

- А где сейчас этот платок?

- У меня в кармане, - ответил Браунелл, - я завернул его в бумажный пакет, чтобы не улетучивался запах.

- А не попадалось ли вам что-нибудь еще, за что можно было бы зацепиться?

- Ничего. Абсолютно ничего, хотя агент секретной службы, по фамилии Крамер, действовал вполне грамотно, и, кажется, на него можно положиться.

Они ступили на тротуар.

- А не были замечены какие-нибудь люди или транспортные средства? - продолжал Уорделл.



- На некотором удалении от Белого дома стояла патрульная группа, охраняющая проезд. У задней калитки, ведущей на лужайку вокруг Белого дома, стоял часовой. Ни он, ни патрульные не видели президента.

Кроме того, примерно в восьмидесяти ярдах от Белого дома работали два садовника. Президент подходил и говорил с ними. Затем он пошел обратно по той же дорожке. После этого оба садовника ничего особенного не видели и не слышали. В период с восьми тридцати до десяти часов утра через заднюю калитку вошли двое служащих - повар и младшая секретарша при миссис Стэнли. Кроме того, приходил посыльный из Государственного департамента и помощник министра военноморских сил. Примерно в девять утра приехал грузовик компании "Каллахен", доставляющий в Белый дом продукты питания. Он приехал и уехал так, как это бывало множество раз. Водитель грузовика хорошо известен часовому и был опознан последним. Кроме того, примерно в девять тридцать приехала автомашина с кустарником и иными растениями для садовников. Никто из них не видел президента после того, как он распрощался с теми двумя.

- Ну вот мы и пришли, - сказал Уорделл, - позже я спрошу вас еще кое о чем.

Они вошли в здание и направились к лифту.

Фил Скиннер, глава секретной службы, встретил их в приемной и провел в кабинет. Это был крупный мужчина плотного сложения, невозмутимый, с серыми пронизательными глазами и белыми, как лен, волосами. Когда они вошли в его кабинет, там уже сидели и стояли с десяток мужчин. Фил Скиннер сразу распорядился:

- Парни, освободите-ка помещение. Подождите немного в приемной. А ты, Дик, помоги Бэрди с телефонами.

Когда все покинули кабинет и дверь за ними закрылась, Льюис Уорделл сказал:

- Скиннер, если вам будет угодно, мы можем выкинуть из обращения слово "мистер".

Президент Стэнли похищен.

Скиннер посмотрел на министра внутренних дел, затем перевел взгляд на Браунелла, а потом опять уставился на Уорделла.

- Конечно, - произнес он, - приверженность к церемониям отнимает массу времени. Садитесь. - С этими словами он сел за свой письменный стол, повернув кресло так, чтобы, когда министр и секретарь президента усядутся, быть к ним лицом. - Значит, - продолжил Скиннер, - президент похищен.

- Да. И как мне кажется, вас это мало волнует.

Скиннер покачал головой:

- Я давным-давно перестал впадать в истерику по любому поводу. Расскажите мне поподробнее.

Уорделл кратко изложил все, что знал сам. После того как он закончил свое повествование, глава секретной службы, высоко подняв брови, уставился на него, не только не произнося при этом ни единого слова, но и не имея очевидного намерения говорить что-либо.

- Послушайте, когда вам надоест глазеть... - нетерпеливо начал Уорделл.

- Извините меня. - Брови Скиннера опустились. - Нет, в конце концов, наверное, у меня все-таки случится истерика. Мистер министр, я за всю свою жизнь не слышал более дурацкой истории.

- Дурацкой?

- Да, дурацкой. Исчезает президент Соединенных Штатов, и в течение пяти драгоценных часов секретарь президента ведет себя так, будто играет с детьми в прятки. А потом кабинет министров в течение еще двух часов, собравшись в кружок, сидит и играет во что-то похожее на "колечко,

колечко, выбери меня!". Возможно, вы ничего иного от кабинета министров и не ожидаете, но коль скоро в это дело должен сунуть свой нос я... а я ведь должен сделать это, не так ли?

- Продолжайте.

- Я бы не стал слишком беспокоиться о чем-то еще, до тех пор пока мистер Браунелл не расскажет нам все о тех пяти часах.

Уорделл кивнул:

- Об этом уже позаботились. Все, что касается беспокойства, будет моей обязанностью. Вам это понятно?

- Да. Дэвис велел мне подчиняться вам, вы руководите всей операцией.

- Хорошо. - С этими словами Уорделл повернулся к секретарю президента:

- Браунелл, я задам вам еще несколько вопросов, после чего вы можете возвращаться в свой кабинет и утолять там аппетиты акул прессы. Если бы вам удалось справиться с ними, это было бы просто превосходно. Дайте мне взглянуть на этот платок.

Секретарь президента достал из кармана бумажный пакет и передал его Уорделлу. Тот развернул его, понюхал, положил на столешницу и, обращаясь к Скиннеру, произнес:

- Хлороформ. Понюхайте и убедитесь сами. - Потом он снова обратился к Браунеллу:

- А почему вы до самого полудня предполагали, что президент может появиться в Капитолии?

Секретарь президента недолго думал над ответом:

- Я и не говорил, что предполагал это. Я только сказал: мы думали, что у нас есть основания надеяться на то, что он появится.

- И что это за основания?

- Тримейн из сталелитейной компании Аллентауна в прошлый четверг сказал мне, что он обязательно изыщет способ встретиться с президентом перед его публичным выступлением по вопросу о войне. Даже силы ада и те не остановят его. Он и ранее уже в течение целого месяца пытался добиться аудиенции.

- Действительно, фантастика. Вы хотите сказать, что надеялись, будто Тримейн утащил президента только ради того, чтобы поговорить с ним, а окончив разговор, он подвезет его к Капитолию?

- Нет, ничего подобного. Существовала еще масса признаков. В воскресенье президент сказал миссис Стэнли, что, прежде чем объявить свою точку зрения, он хотел бы выслушать достаточно убедительное и толковое обоснование точки зрения другой стороны и что, хотя Тримейн - хищник, не знающий пощады, тем не менее он - человек разумный и не без способностей. Да, масса признаков, и, черт возьми, президент исчез, и нам нужно было принимать какое-то решение!

- Ну хорошо. - Казалось, Уорделла устроило подобное объяснение. - Но в период с половины первого до половины третьего вы стали проводить иную политику.

В чем она заключалась?

- Это была идея миссис Стэнли. Она поехала навестить Салли Вормен, жену Вормена, лоббирующего в Капитолии сталелитейную промышленность.

- Зачем она туда направилась?

- Сыграть в бридж. Хотя нет, кажется, на этот раз это была игра в шашки. Да на что, черт возьми, вы намекаете?

- Не знаю. Я просто спрашиваю. И, как мне кажется, отнюдь не за тем, чтобы уличить ее мужа в утренних амурных интрижках.

Браунелл встал со стула. Наконец ему удалось овладеть собой. Он дернулся, сделал шаг, остановился, повернулся и, плотно сжав губы, поглядел на Льюиса Уорделла, а затем снова опустился на стул и сказал:

- Уорделл, вы теряете время. Я вас понимаю, вам хочется знать, почему я ждал до половины третьего, прежде чем поставить кого-либо в известность и начать какие-то действия. Все очень просто. Я не знал, кого можно было бы известить о случившемся. Подумайте и представьте себе, что будет, если кто-то - человек, заинтересованный в развитии военной промышленности или свихнувшийся на патриотизме маньяк наподобие Калеба Рейнера, - похитил президента и намеревается удерживать его до тех пор, пока конгресс не будет подкуплен или иным способом подведен к необходимости голосовать за начало военных действий? Или же до тех пор, пока Моллесон временно не возьмет на себя исполнение обязанностей президента, что приведет к тому же результату. Представьте себе, что поисками президента займется министр юстиции или начальник секретной службы - не важно кто, - но человек, который оказался в долгу у магнатов военной промышленности или же находится в какой-то зависимости от маньяка?

Угадайте, каковы были бы шансы найти президента, пока названные выше цели не были бы достигнуты! Вот с какой ситуацией в то утро столкнулись миссис Стэнли и я. Мы несколько не боялись, что президент окажется серьезно ранен. Мы, как его доверенные лица, как его заместители, действовали в том направлении, которое, как нам казалось, наилучшим образом сохранит ту политику, которая так дорога его сердцу. Черт возьми, мы любим его! Мы любим его и преданы ему. Конечно, в первую очередь это относится к миссис Стэнли, но и ко мне тоже. Мы действовали и будем действовать в его интересах. Во-первых, мы предположили, что люди, решившиеся на такую смелую игру, строят свои планы в расчете на немедленный государственный переворот. Тогда они должны были бы предполагать, что в полдень, когда конгресс соберется на заседание, факт отсутствия президента станет достоянием общественности. Далее, на гребне растущего волнения они сумели бы добиться голосования в пользу военных действий.

Так что на данном этапе нам удалось одурачить их - мы дождались момента, когда конгресс, собравшись на заседание, прервет его. После этого миссис Стэнли захотела сделать еще один ход, так сказать, ударить шпагой в портьеру и поразить противника, скрывающегося за ней. Я разрешил ей, но этот выпад не дал результата. Затем следующий час мы с ней провели в кабинете президента, выбирая человека, который должен отвечать двум требованиям: он должен занимать достаточно высокий пост, чтобы его можно было поставить во главе операции по поиску президента, и он должен быть настолько надежен, насколько это вообще возможно. Будучи близки к президенту, мы слишком хорошо знали, что ни один из высокопоставленных людей Вашингтона не может быть оставлен вне подозрений. Мы также знали, что кабинет министров никогда не поддержит мою кандидатуру. - Браунелл жег взглядом Уорделла. - Наш выбор пал на вас, Уорделл, - продолжил он. - Биллингса мы знаем лучше, но у него нет необходимой твердости характера. Поэтому мы выбрали вас. Перед тем совещанием я позвонил Биллингсу и попросил его прийти пораньше и выдвинуть вашу кандидатуру. Так вы и получили эту работу. Найдите президента. Похитители не осмелятся причинить ему вред. В основном вам придется работать одному, потому что, клянусь Богом, здесь нет ни единого человека, которому вы могли бы полностью довериться - ни полисмену, ни агенту секретной службы Белого дома, ни члену кабинета министров. Вы не можете себе представить, насколько глубоко эта взбунтовавшаяся банда запустила свои залитые кровью когти в такие места, что и предполагать невозможно; банкиры переводят свои миллиарды за рубеж, однако они знают, как использовать деньги и у себя дома; среди ура-патриотов наиболее опасны те, кто поднимает меньше шума. Серорубашечники столь же глупы и безвредны, как банды гитлеровцев в 1930 году. Найдите президента, Уорделл, найдите его и доставьте в Белый дом, так чтобы бразды правления были в его руках, а проводимая им политика оставалась независимой и по-прежнему была бы его политикой. А уж потом пусть

они попробуют его переубедить, если, конечно, смогут. - Неожиданно Браунелл резко повернулся и устремил взгляд в лицо начальника секретной службы. - А вы, Скиннер, что собой представляете? - спросил он. - Кто вы?

Серые недоверчивые глаза Скиннера спокойно встретили взгляд секретаря президента, он негромко ответил:

- Я обычный человек. Упрямый, недоверчивый и временами честный. Но когда выполняю работу, за которую мне платят деньги, я никогда не забываю, на кого работаю. - С этими словами он посмотрел на Уорделла и произнес:

- Было бы совсем неплохо, если бы мы запланировали начать работу над нашей маленькой проблемой раньше, чем эта неделя подойдет к концу.

- Вы еще нуждаетесь в моем обществе? - спросил Браунелл.

Уорделл покачал головой:

- Нет. Два выступления в один день - это более чем достаточно. Благодарю за высказанные вами предположения. Когда потребуется, я найду вас.

Браунелл ушел. После того как дверь за ним закрылась, Уорделл сказал:

- Итак, первый вопрос: что вы думаете о секретаре президента Браунелле?

- Он не так уж плох, - ответил Скиннер. - Некоторые его мысли мне положительно нравятся, например о том, что доверять никому нельзя. Вот почему я считаю, что было бы неплохо послать трех-четыре человека с целью обследовать каждый кубический дюйм в Белом доме.

Уорделл кивнул в знак согласия:

- Именно это мы и сделаем.

### Глава 3

Льюис Уорделл никогда не работал сыщиком. До своего назначения в кабинет министров он был практикующим адвокатом в Индиане и активным сторонником политики либерального толка. По своим взглядам он был скептиком, но с большой долей толерантности, обладал проницательным и гибким умом, а также настойчивостью и упорством, заметными даже на фоне известного своим упрямством семейства Хузьер. Короче говоря, Уорделл обладал незаурядными способностями, однако никогда не занимался сыскной работой, и это обстоятельство оказалось причиной ошибки, которую он совершил вечером того вторника и которую не догадался исправить в течение сорока восьми часов, а именно: он пытался проводить работу одновременно по всем направлениям и везде обеспечивать личное руководство. Следствием подобной организации расследования стало то, что путаница и всевозможные проволочки затормозили самые смелые и решительные действия его подчиненных; многие версии оказались отброшенными, не получив ни заключения о своей бесперспективности, ни какого-либо развития, а к середине четверга сам Уорделл, сидя за своим рабочим столом, находился в полуобморочном состоянии.

Нет, дело не в том, что он пренебрегал помощью.

Когда в час ночи в среду к нему прибыл один из самых лучших инспекторов Управления полиции Нью-Йорка с командой из двадцати специально отобранных агентов сыскного отдела, предложенная ими помощь была встречена с неподдельным энтузиазмом. Аналогичные предложения, поступившие из других городов, были отклонены лишь потому, что от них вряд ли могла бы быть какая-нибудь реальная польза. Утро еще не наступило, а поиски уже были достаточно хорошо организованы; были обследованы сотни шоссе, улиц, а также тоннелей, которыми могли воспользоваться преступники. Были проведены облавы, в результате которых

задержали множество граждан, известных по газетам как "обитатели преступного мира", а также сотни серорубашечников, включая их лидера Линкольна Ли, который был взят спящим в квартире депутата от штата Техас в палате представителей. Были допрошены все лица, о которых было известно, что в утро вторника они находились либо в самом Белом доме, либо поблизости от него. Шестеро из допрошенных - слуга, два мелких чиновника, два садовника и курьер из Государственного департамента - были задержаны для более детального допроса. Пять человек из принадлежащего Госдепартаменту Бюро расследований посетили конторы телефонной компании, проверяя все междугородные переговоры, начиная с утра понедельника. Был составлен поминутный график движения автомобиля, что привез растения для садовников. Был взят под арест часовой, который стоял на посту у заднего крыльца; точно так же поступили с охранником, которому было поручено наблюдение за той же частью территории, прилегающей к Белому дому, и с дежурившими в тот день агентами секретной службы. Добрый десяток специалистов исследовали пропитанный хлороформом платок - из льняного батиста высшего качества, не новый, с подрубленными краями и без метки прачечной, а десяток оперативников по всему городу поднимали с постели владельцев аптек и их помощников, выясняя, кто покупал хлороформ в течение последних нескольких дней. Вооруженные электрическими фонарями люди из военного министерства изучали каждый квадратный дюйм поверхности - лужайки, мостовые и гравий на дорожках, расположенных к югу от Белого дома. Армия сыщиков прочесывала разбитый на сектора город, имея приказ допрашивать любого и осматривать помещения, вызывающие хотя бы малейшее подозрение. К трем часам утра Льюис Уорделл позвонил в Балтимор, Филадельфию и Бостон с просьбой прислать людей.

Специально созданные группы следователей помощника министра юстиции и Бюро расследований, а также специалисты, отобранные Уорделлом и Биллингсом, разрабатывали еще одно направление. Они заполнили дома лиц, значительных и не очень, как состоящих, так и не состоящих на государственной службе. Часто их поднимали с постели, с тем чтобы поговорить на самые разные темы. В данном случае следователи сочетали настойчивое профессиональное любопытство с почтительностью, больше всего опасаясь оскорбить или обидеть допрашиваемого и надеясь главным образом, что кто-нибудь по неосторожности или беспечности сболтнет что-то такое, что сможет послужить наводкой в проведении расследования.

И к трем часам ночи к Уорделлу стал поступать тот вид помощи, которую можно отнести к категории неизбежной, - какие бы затруднения она ни создавала, проигнорировать ее, не опасаясь последствий, не представлялось возможным. Размах этой помощи постоянно рос, и она стала приобретать характер лавины. Телеграфные и телефонные провода гудели от переполнявшей их информации советов, рекомендуемых направлений проведения расследования и подозрений, что направлялись из графств каждого штата тысячами бдительных и недремлющих граждан. Во вторник, около семи часов вечера, поступил первый подобный совет, и Льюис Уорделл распорядился, чтобы о каждом таком сообщении докладывалось непосредственно ему! Восемью часами позже, еще до наступления утра, бригада из шести человек - пятеро у телефонных аппаратов и один, занятый на резке телеграфной ленты, - только и делала, что принимала сообщения в кабинете особого подразделения министерства юстиции.

#### Глава 4

Первыми, кто смог узнать что-то новое, оказались люди из секретной службы, которым было поручено заниматься следами, оставленными в Белом доме.

Льюис Уорделл избрал своей штаб-квартирой кабинет начальника охраны Скиннера. В четыре часа утра он, сидя здесь, пил черный кофе, читал телеграмму, которую надлежало отправить всем сотрудникам службы охраны общественного порядка Соединенных Штатов, говорил по телефону

с помощником министра юстиции и слушал показания человека, который называл себя Линкольном Ли и который в наручниках сидел на стуле сбоку от письменного стола. Повесив трубку, Уорделл повернулся так, чтобы видеть Ли.

- Повторите еще раз, - сказал он.

И на этот раз Ли не расстался со своей серой рубашкой, хотя большая ее часть была скрыта пиджаком.

Жилы на его шее, торчавшей над распахнутым воротом рубашки, казались твердыми, как стальные трубы; он сидел, выпрямив сильную спину, готовый к действию, пусть не сию минуту и не в эту ночь, а к действию вообще. Кисти рук, лежавшие у него на коленях, не сопротивлялись наручникам, но и не мирились с ними; они тоже олицетворяли готовность к борьбе.

В голосе Ли звучали презрение и уверенность.

- Вы спросили меня, каковы мои личные устремления. Я ответил: у меня их нет. По крайней мере, я лишен мелкого тщеславия такого бюрократа, как вы. Я не преследую личные цели, я следую предначертаниям судьбы. Единственное, что мне нужно, - это заявить о себе и получить признание. Если президент был похищен по политическим мотивам, те, кто сделал это, - политические недоросли, они - слабаки, которыми руководит отчаяние. Если они убьют президента, ответная реакция уничтожит их, если же они вернут его в Белый дом, удар нанесет сам президент.

- Однако вы сказали, что убьете его.

- Конечно. Если то, что мне предначертано, приведет меня к этому, тогда конечно. Это детский вопрос.

Но моя судьба не связана с Вашингтоном, во всяком случае сейчас. Она зовет меня в поселки, городки и города Америки. Когда моя судьба приведет меня сюда и я начну действовать, мне не потребуется скрывать, кто стоит за моей спиной.

- Но, как мне кажется, вы и сейчас находитесь в Вашингтоне.

- Очередной тур по вербовке новых членов. Это только прелюдия к действию.

- Но тогда почему в понедельник вечером вы с тремя своими помощниками в течение двух часов просидели за столом, изучая карту Вашингтона?

Только по едва различимому подрагиванию уголка сведенного гримасой рта Линкольна Ли можно было догадаться, что вопрос попал в цель.

- Для того чтобы объяснить это, - ответил он, - мне придется вспомнить, случилось ли что-либо подобное.

- А я помогу вам вспомнить. - В голосе Уорделла появились стальные нотки. - Кстати, является ли это совпадением, что грузовики компании "Каллахен" по доставке продовольствия стоят в гараже на Мэриленд-авеню?

- Не знаю. Ведь я не вожу их.

- Так-таки и не водите? Даже утром во вторник вы никуда не выезжали?

- Так-таки и не вожу. Вы говорите ерунду, господин министр.

- Такую же, как и вы, о цели своего приезда в Вашингтон. Один из наших сотрудников присутствовал на том собрании, которое вечером в понедельник вы проводили в гараже на Мэриленд-авеню, в комнате, обшитой пробковыми панелями.

- Может быть, и присутствовал. Если он американец, конечно. Я хочу, чтобы в наши ряды вступили все американцы, и добьюсь этого.

- Вполне возможно, но только не в данном случае.

Наш человек был на вашем собрании. К сожалению, он не мог слышать, что говорилось за столом, когда вы изучали карту. Но если бы ему было известно, насколько это важно, наверное, он ухитрился бы подслушать. - С этими словами Уорделл подался вперед, словно хотел взглядом испепелить Ли. - И вот к этому-то мы сейчас и подойдем. И вот это-то вы мне и расскажете. Зачем вам нужна была карта?

Казалось, на Ли эти слова не произвели никакого впечатления. Он только покачал головой:

- Нет, я не считаю возможным говорить на эту тему.

Это внутреннее дело, касающееся только моей организации. Так что еще раз нет.

- Повторяю: где сейчас эта карта? - прорычал Уорделл. - Она нужна мне; она и те бумаги, что были вместе с ней.

Ли снова покачал головой:

- Говорю вам: вы попусту тратите время. Если вы хотите отыскать своего трусливого президента, вам нужно рыть землю совсем в другом месте.

- Быть может, это поможет делу, если я нарисую вам следующую картину: в двух помещениях цокольного этажа этого здания и в это же самое время находятся двое мужчин; одного из них зовут Грир, другого - Фэллон. Каждый сидит в отдельной камере. С ними работают несколько следователей из Нью-Йорка. Мне неизвестно точно, что они там делают с допрашиваемыми, и я бы предпочел оставаться по данному вопросу в неведении, но, как я понимаю, те парни ответят на любые заданные им вопросы раньше, чем утратят способность говорить.

Здесь Уорделл сделал паузу, но Ли молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Уорделл продолжил:

- У них было намерение предложить вам те же методы убеждения, однако я сделал вам комплимент, предположив, что с вами подобное не сработает. Суть плана заключается в том, что они получают показания ваших помощников, а у меня будут ваши показания. После этого мы их сравним и сделаем выводы. Я знаю, вам очень не хочется отвечать на вопросы, однако придется. И не стройте иллюзий. Можете мне поверить: я говорю дело и не могу больше разбрасываться своим временем. Если вы откажетесь сказать мне то, что, как я полагаю, знаете, или же если сказанное вами не будет совпадать с показаниями Грира и Фэллона, я немедленно прикажу запереть вас там, где вам и место - в доме для умалишенных, - и вас будут держать там...

Тут Уорделл осекся и невольно вжался в спинку своего кресла. Линкольн Ли вскочил со стула и надвинулся на Уорделла, дрожа всем телом. В глазах его горело безумие, он хрипло выкрикнул:

- Ты, лживый ублюдок!

Не вставая с кресла, Уорделл выпрямился и заговорил, стараясь, чтобы голос его не дрожал и чтобы в нем звучали повелительные интонации:

- Сидеть! Если будете молчать, именно туда вы и отправитесь - в дом для умалишенных...

Ни один из них не заметил, как открылась дверь, ведущая в кабинет, и, уж конечно, им было недосуг отметить появление на пороге человека, открывшего ее, потому что Линкольн Ли, сверкая глазами, в которых полыхали молнии безумия, оскалившись, занес скованные наручниками руки и прыгнул вперед. В это же время бессильный что-либо сделать и неспособный подняться Уорделл в тщетной попытке защитить голову поднял согнутые в локтях руки и попытался, уклоняясь от удара, откинуться в сторону. Вошедший одним прыжком оказался возле стола - и вовремя. Ему некогда было изготавиться и встать в стойку, поэтому он нанес Ли всего лишь один удар левой. Но этот удар оказался вполне добротным. Ли рухнул на пол. Стопа Уорделла уперлась в тумбу письменного стола, он оттолкнулся, откатился вместе с креслом и поднялся. А вошедший стоял, покачивая /своей рукой и разминая ее. Потом он поднял кулак, посмотрел на него и охнул:

- Господи Иисусе!

Уорделл сделал шаг вперед, взглянул на распростертого на полу Линкольна Ли и прошептал дрогнувшим голосом:

- Черт возьми, это уж слишком.

Вошедший кивнул:

- Он без сознания. Падая, парень ударился головой об угол стола. Может быть, мне вытащить его отсюда?

Уорделл перевел взгляд на своего спасителя.

- Кто вы? - спросил он. - Мне кажется, я уже встречался с вами. Скажите, вы не из охраны Белого дома?

- Так точно. Агент Моффет. Я звонил вам минут двадцать назад: мы отыскиали некоего Кемпнера, управляющего компанией "Каллахен", и вы приказали привести его. Сейчас он находится в приемной. А когда я услышал, как этот ваш приятель повышает тут голос, я на всякий случай приоткрыл дверь.

- Я вам весьма признателен. - С этими словами Уорделл еще раз посмотрел на Ли, который лежал неподвижно на полу, вытянув ноги и закинув скованные наручниками руки за голову, и спросил:

- А скоро он придет в себя?

- Трудно сказать, - усмехнулся Чик Моффет, - в той позе, в какой он стоял, он не мог сохранять равновесие, да и к столу он приложился весьма основательно.

Так я его вытащу отсюда?

- Нет.

К этому времени сердцебиение Уорделла пришло в норму. Нет, он совсем не был трусом, однако Линкольн Ли с безумным оскалом, высящийся над столом, занесший для удара закованные руки, - подобное зрелище кого угодно могло выбить из колеи.

- Оттащите его в угол, - гораздо спокойнее продолжил он, - вон туда. И введите Кемпнера. И еще: скажите, чтобы кто-нибудь принес мне пистолет. Не думаю, что мне придется стрелять, но лучше, чтобы он был у меня. Скажите, вы задавали какие-нибудь вопросы Кемпнеру?

Чик Моффет взялся за щиколотки Линкольна Ли и потащил его, словно мешок с отрубями, в дальний угол по крытому линолеумом полу. Затем он наклонился, чтобы проверить пульс поверженного, и лишь после этого ответил:

- Нет. Мне было приказано только доставить его.

- Хорошо. Введите задержанного.

Моффет вышел. Через минуту он возвратился с Кемпнером - невысокого роста, лысым, голубоглазым мужчиной, на круглом приветливом лице которого одновременно присутствовали и явно боролись изумление, тревога и сонливость.

Моффет толкнул мужчину на стул, где незадолго до этого сидел Ли, затем повернулся и вышел. Снова заняв свое кресло, Уорделл внимательно оглядел круглое лицо с голубыми глазами и подумал, что, если за ним скрывается коварство, оно никогда не могло бы найти более неожиданного убежища.

- Ваше имя?

- Адольф Кемпнер, Кем-п...

Таким же четким и осторожным голосом бухгалтеры бормочут цифры, выискивая ошибки в составленном балансе. Уорделл прервал его:

- Да-да. Вы - управляющий компании "Каллахен"?

- Да. Вице-президент корпорации, к вашим услугам.



Могу ли я спросить...

- Не можете. Отвечайте на мои вопросы коротко и ясно. В течение какого времени вы ставите свои грузовики, занятые доставкой продовольствия, на стоянку в гараж, расположенный на Мэриленд-авеню?

- Довольно долго, сэр. Более трех лет, точнее, в августе будет четыре года.

- А каким количеством машин вы располагаете?

- Ну... у нас шесть грузовиков марки "Рено" и два небольших "форда".

- А где вы были начиная с восьми часов вечера?

- Сегодняшнего?

- Вчерашнего.

- Я находился в доме одного своего приятеля, мистера Л.А. Диппела.

- Что вы там делали?

- Мы играли в безик.

Дверь открылась. В кабинет вошел Чик Моффет. Приблизившись к письменному столу, он положил на стекло столешницы черно-синий револьвер 38-го калибра и коробку с патронами, сказав при этом:

- Он заряжен. Чем еще могу служить?

- Садитесь. Вы можете быть полезны. - С этими словами Уорделл вновь обратился к Адольфу Кемпнеру:

- Играли в безик до трех часов утра?

- Да, сэр. Стоит нам начать... ну, мы очень любим эту игру. Я возвратился к себе домой в меблированные комнаты, ведь я - холостяк, в половине четвертого и встретил там этого джентльмена, ожидавшего меня.

Уорделл повернулся к Чику Моффету:

- Разве никто не знал, где его можно было найти?

- Нет, - ответил Моффет. - Когда в десять часов поступило сообщение, что найден грузовик, и когда все работники и служащие компании, которых только удалось разыскать, поклялись, что они ни сном ни духом не ведают ничего об этом деле, десяток агентов принялись разыскивать Кемпнера. Еще несколько агентов разыскивали пропавшего водителя. Поэтому я остался ждать Кемпнера по месту жительства и торчал там до тех пор, пока он не вставил ключ в замочную скважину.

Уорделл вновь заговорил с Кемпнером:

- Известно, что доставку продуктов вашей компании в Белый дом осуществляет молодой человек по имени Вэл Оркатт. Почему?

- Почему? - переспросил Кемпнер.

В этот момент выражение сонливости окончательно покинуло его круглое лицо - тревога возобладала над остальными чувствами.

- Почему? Да потому, что я велел ему делать это.

- А почему вы выбрали именно его? Потому что он является членом вашей организации?

- Конечно он член нашей организации, естественно...

- Я имею в виду не компанию "Каллахен", я хочу сказать, потому что он - серорубашечник?

При этих словах Адольф Кемпнер часто заморгал и открыл рот. Но по мере того, как до него стал доходить смысл сказанного, он закрыл его снова, и на лице его появилось, казалось бы,

совершенно неожиданное выражение - смесь оскорбленного чувства собственного достоинства и сдерживаемой обиды.

- Это ложь, - сказал он спокойно, - ни один из наших ребят не принадлежит к "Серым рубашкам". И я тоже. Что вы хотите этим сказать?

- Да мне просто хотелось узнать, - ответил Уорделл, пристально глядя на допрашиваемого. - А где сейчас Вэл Оркатт?

- Не знаю. Думаю, что он спит у себя дома.

- Дома его нет. Он не приходил домой, с тех пор как утром ушел на работу. Когда вы видели его в последний раз?

- Когда я видел его в последний раз...

Управляющий внезапно замолчал, потом так же внезапно воскликнул: "Боже мой!" - и уставился на Уорделла расширенными от ужаса глазами.

- Ну? - произнес Уорделл. А потом с еще большим нетерпением добавил:

- Ну же!

- Подождите минуточку, - взмолился Уорделл, - ради бога, подождите минуточку, - повторил он, а потом судорожно сглотнул и начал рассказывать:

- Вот как это было. Вэл поехал в Белый дом в двадцать минут девятого. Я всегда лично проверяю исполнение этого заказа, дабы не возникло никакой ошибки. Для доставки продуктов по этому адресу наша компания всегда выделяет отдельный грузовик, поскольку мы не хотим рисковать своей репутацией, если этот заказ будет спутан с другими. Но при этом мы всегда выделяем большой грузовик, вы же понимаете, что это выглядело бы как-то несолидно - маленький "форд", доставляющий провизию в Белый дом. Мы понимаем, какое впечатление производим на людей, когда они видят, как наши великолепные большие грузовики ежедневно отправляются по этому маршруту. В пятнадцать минут десятого я снова был в своем кабинете, а потом, в то время когда приходит почта, мне позвонил Вэл. Он сказал, что, выпрыгивая из грузовика, неудачно приземлился и подвернул ногу в щиколотке и что хотел бы отлежаться дома пару дней.

Уорделл кивнул:

- Да, ваша стенографистка рассказала мне об этом звонке. Значит, именно это и сказал вам Вэл Оркатт?

- Да. Да, сэр. Но боже мой, ведь тогда он должен быть дома...

- Он не возвращался на склад?

- Нет. Я предложил ему послать кого-нибудь за грузовиком, однако он сказал, что сам отгонит его в гараж, поскольку на складе в нем нет нужды... Во второй половине дня я хотел позвонить Вэлу домой и узнать, как он себя чувствует, но руки у меня так и не дошли до этого.

- Вы не звонили в гараж и не наводили справок о грузовике?

- Нет, да и зачем мне это? Вэл - надежный парень, так что мне и в голову не могло прийти подобное. Я считал это само собой разумеющимся.

- А каким был его голос, когда он говорил по телефону? Не было ли в нем какого-либо волнения?

- Нет. - Управляющий нахмурился, вспоминая. - Взволнованным он не был. Но голос его звучал как-то странно, я решил, что это из-за того, что у него болит щиколотка. Голос звучал непохоже, он был слишком высоким.

- Тогда почему же вы решили, что это был он, если голос говорившего не был похож на голос Вэла Оркатта?

- Да нет, это был он. - Кемпнер не сводил глаз с Уорделла. - Конечно это был он.

- А вы знали, что гараж на Мэриленд-авеню является штаб-квартирой вашингтонского отделения "Серых рубашек"?

- Нет. Я... я просто не могу в это поверить!

- Однако это так.

- Завтра же мы выведем свои грузовики оттуда, - быстро сказал Кемпнер.

- Вряд ли, - мрачно усмехнулся Уорделл. - Ваши грузовики останутся стоять там, где стоят, и ваш склад не откроется завтра. Все ваши служащие задержаны, и вы тоже.

Лицо управляющего побагровело. Какое-то время он молчал, а потом заговорил быстро и сбивчиво:

- Как это, склад не откроется? Что значит - задержаны? Сэр... сэр... в принципе я человек выдержанный, но это переходит всякие границы... По какому праву... - Видно было, что он пытается совладать с собой. - Ведь мы же - учреждение с самой надежной репутацией во всем городе... не открыть склад - это же невозможно... это просто катастрофа.

- Да не скулите вы, - огрызнулся Уорделл, - черт с ним, с вашим складом. Исчез один из ваших водителей, Вэл Оркатт, который вчера в девять часов утра привел к Белому дому грузовик вашей компании. Сам грузовик был найден в десять часов вечера того же дня припаркованным у пустующего дома на Пятнадцатой улице северо-восточного района. Он простоял там весь день. И на полу в кабине грузовика за спинкой сиденья лежал перочинный нож, принадлежащий президенту Стэнли, тот, который он всегда носит в левом кармане жилета.

У Кемпнера глаза полезли на лоб.

- Боже мой, - пробормотал он, - в нашем грузовике... я просто не могу поверить... в нашем грузовике!

- Именно в вашем. Может быть, теперь вы скажете, сколько ваших людей состоит в организации "Серые рубашки" и кто именно. Давайте выкладываете.

- Да как я смогу выкладывать? - дрожащим голосом воскликнул управляющий и стиснул руки. - Сэр, как я смогу? Нет серорубашечников в компании "Каллахен", я в этом уверен. Нет, это просто невозможно - в нашем грузовике! Это катастрофа. Если бы кто-то из наших парней был членом "Серых рубашек", я бы знал об этом, я бы не допустил такого...

- А как же Вэл Оркатт? Где он находится?

- Я не... разве я не говорил вам, что не знаю? Вэл Оркатт - исключительно хороший парень, это я знаю.

И кроме того, сэр, разрешите сказать вам, что не позволить нам открыть склад будет просто преступлением. Видит бог, мне очень жаль, что все так получилось с ножом президента, однако остановить работу компании "Каллахен" - это антиконституционно! Позволю себе сказать вам...

- Да замолчите вы! - не выдержал Уорделл. - Я превращу ваш чертов склад в руины, если сочту это необходимым.

С этими словами министр повернулся к своему столу, налил из термоса еще одну чашку черного горячего кофе и сделал несколько глотков. Минутой позже он поставил чашку, вытащил револьвер и патроны, осмотрел их и снова положил в ящик стола. Затем он отпил еще немного кофе и, наконец, заговорил, но уже обращаясь к Моффету:

- Моффет, вы опытный сыщик? Как по-вашему, этот человек знает хоть что-нибудь?

Чик Моффет покачал головой.

- Только как торговать бакалеей. Готов биться об заклад, я достаточно разбираюсь в этих делах, - ответил он.

Уорделл еще раз посмотрел на лысую голову, круглое лицо и голубые глаза управляющего, затем снова повернулся к своему столу, нажал кнопку звонка и отпил еще кофе. Мгновение спустя дверь открылась и в комнату вошел охранник. Уорделл посмотрел на него и ткнул большим пальцем в сторону Кемпнера:

- Отправьте этого человека в камеру. Сомневаюсь, что от него может быть хоть какой-то прок.

Охранник кивнул и направился к управляющему, который с негодованием вскочил, и было видно, что грудь его теснили выражения протеста, готовые вырваться все разом. Уорделл стал допивать кофе, а охранник схватил Кемпнера за руку и вывел из кабинета, не обращая никакого внимания на выкрики о правомочиях, грубых нарушениях закона и Конституции Соединенных Штатов. А Уорделл тем временем спросил у Моффета:

- Ну что там с нашим буяном?

- Да все в порядке. Он пришел в себя уже довольно давно.

- А я не видел, чтобы он шевелился.

Чик усмехнулся:

- Конечно. Ведь он же хитрый. Вот и лежит там неподвижно, размышляя, какие добрые дела должен сегодня совершить.

Дверь в кабинет отворилась снова. Вошел еще один незнакомец. Уорделл оглядел его.

- Кто вы и что вам нужно? - спросил он.

С лица мужчины стекали крупные капли пота, он выглядел обескураженным и заговорил прямо с порога:

- Я с цокольного этажа. Следователь Хит из нью-йоркского отдела по расследованию убийств. Должно быть, у тех двух малышей, с которыми нам пришлось работать, случился паралич языка или что-то в этом роде. Мы не смогли вытянуть из них ни единого слова, и теперь они потеряли сознание. Нам подумалось, может, вам следует спуститься и посмотреть...

- Нет! Я ничего не хочу видеть. Нет! Черт возьми!

Мало того что... - При этих словах Уорделл резко откинулся на спинку кресла и закрыл лицо руками. - Извините меня, - продолжил он, - посмотрю я на них или нет - это мало что даст. Заприте их в камере и всем составом поступайте в распоряжение начальника секретной службы Скиннера. Скажите ему, что было бы неплохо направить вас на Пятнадцатую улицу - поискать возможные следы, ведущие от того грузовика. Там уже работает много людей.

Хит из Нью-Йорка кивнул и вышел.

Уорделл посмотрел в дальний угол комнаты и крикнул:

- Эй, Ли! Вставайте и идите сюда.

Однако Ли не двигался. Уорделл позвал его снова и после этого обратился к Моффету:

- Он все еще без сознания.

Усмехаясь, Чик поднялся со стула, подошел к лежавшему в углу человеку и несильно пнул носком ботинка.

- Давай, Ли, шевели ногами, - сказал он при этом.

Однако Ли по-прежнему не двигался, и Чик, наклонившись, уже гораздо настойчивее дернул его за руку:

- Слышишь, ты, кончай притворяться!

- Убери лапы, ты! Не смей касаться меня!

Чик выпрямился и невольно отступил на шаг - такая лютая ненависть прозвучала в этих словах.

Линкольн Ли без всякой спешки и даже с некоторым достоинством принял сидячее положение, потом подтянул под себя стопы и встал на ноги, не прибегая к помощи скованных рук. После

этого, в сопровождении Моффета, он пересек комнату и остановился перед Уорделлом. Было в осанке арестованного, в глазах и в чем-то, что скрывалось за внешним хладнокровием, нечто такое, от чего Уорделлу стало не по себе.

- Итак, вы не в силах сопоставить даже показания Грира и Фэллона, не так ли? - сказал Ли с презрением. - Это мои люди. Человек перерождается, как только он становится моим. Скажу вам только одно: я не имею ничего общего с этой ребячьей выходкой - похищением президента Стэнли. Говоря это, я оказываю вам услугу, мне не чужда щедрость.

- Благодарю, - ответил Уорделл, глядя на Ли снизу вверх, - в порядке ответа услугой на услугу я помещу вас туда, где находится масса подобных вам смутьянов.

Там вы будете чувствовать себя как дома.

- Вы - мерзавец. - Говоря это, Ли был по-прежнему невозмутим. - Вы трус и подлец, поэтому нелепо даже предполагать, что вы как-то можете повлиять на то, что мне предназначено. Рискните, попробуйте.

Уорделл по-прежнему смотрел на Ли снизу вверх. Не отводя от него взгляда, он протянул руку, нашарил на столе панель внутренней связи и надавил пальцем на кнопку. В отношении Линкольна Ли он был уверен в одном: с человеком, у которого такое выражение лица, говорить о чем-либо бесполезно. Поэтому он сидел и молчал, а Ли стоял и молчал. Когда в ответ на вызов в кабинет вошел кто-то из служащих, Уорделл подозвал его и сказал:

- Этого человека зовут Линкольн Ли, он возглавляет движение "Серые рубашки". Люди, которые доставили его сюда, находятся в противоположном конце вестибюля. Передайте им Ли и скажите, чтобы его посадили под замок.

- Слушаюсь, сэр. Где его запереть, в этом здании?

- Если здесь есть достаточно надежное место. В любом случае где-нибудь поблизости. Позже он может мне понадобиться.

- Понял. - С этими словами детектив повернулся к Ли:

- Пойдемте, генерал, прогуляемся!

И они направились к выходу. Возле дверей они отступили в сторону, чтобы пропустить двоих мужчин, а затем вышли.

Вошедшие прибыли из группы, занятой самой важной оперативной работой. Один из них прикус отчеты по результатам поисков Вэла Оркатта и поставщика хлороформа, а также по итогам других розыскных работ и планы дальнейших действий. Это была целая гора бумаг, для которой не хватило бы и корзины. Второй сотрудник принес телеграммы и телефонограммы, отобранные из целого вихря звонков и вызовов, что в течение часа пронесся над головами операторов. Эти сообщения тоже нельзя было оставить без внимания. В это время проснулся телефон на письменном столе, и Уорделл снял трубку. Звонил Оливер, министр обороны. Совещание, которое он только что покинул, привело его к мысли, что нужно без промедления заняться финансистом Джорджем Милтоном. Нет, он не имеет представления, с какой стороны следует взяться за Милтона, ведь тот считается самым скрытным человеком во всей Америке. Поэтому допрос Милтона ничего не даст, все равно нужно искать какой-то подход и следует что-то предпринять в данном направлении.

Когда Уорделл положил телефонную трубку, в его кабинет вошел третий человек. Один из оперативников привел сюда свидетеля - женщину, которая видела, как грузовик компании "Каллахен" выезжал с территории Белого дома. Еще пришло известие с гауптвахты от начальника секретной службы Скиннера. Последний сообщал, что часовой, который стоял на посту у задних ворот, изменил свои показания и теперь утверждает, что видел водителя грузовика компании "Каллахен", когда тот въезжал на территорию Белого дома, однако, когда грузовик выезжал, часовой не заметил, кто сидел за рулем.

Поставив локти на колени и опустив голову на сжатые кулаки, Льюис Уорделл ссутулился в своем кресле.

Все покинули кабинет, остался только Моффет. Просидев некоторое время неподвижно, Уорделл поднял голову и, часто моргая красными от недосыпания глазами, посмотрел на агента, который в это время встал со стула и направился к двери.

- Подождите минуточку, - сказал Уорделл, - сами видите, как все получается. Как вы смотрите на то, чтобы расположиться здесь и помочь мне разобраться во всей этой мешанине?

Чик колебался. Он открыл было рот, чтобы заговорить, но, видно, сомнение взяло верх, и он промолчал. Наконец, он решился и отрицательно покачал головой.

- Нет, - сказал он, - я не гожусь для этой работы, у меня не так устроена голова. Вы буквально завалены делами, и вам лучше бы иметь при себе нашего начальника и, может быть, кое-кого еще, кого-нибудь вроде Сэмсона из отдела внутренней налоговой службы. Он будет здесь на своем месте.

- Я выбрал вас.

Чик снова покачал головой.

- В любом случае, - продолжил он, - я должен немного поспать. Не выспавшись, я ни на что не гожусь.

- Я тоже не спал. И не собираюсь спать, пока все не закончится.

- Временами генерал может делать то, что не по силам целой армии. Прошу меня извинить, сэр, но у меня... Одним словом, я не могу.

Уорделл недовольно хмыкнул и пристально посмотрел на Моффета. Так продолжалось довольно долго, затем он хмыкнул снова и бросил коротко:

- Ладно. После того как вы немного поспите, поступайте в распоряжение Скиннера.

- Слушаюсь, сэр.

Чик вышел, а Льюис Уорделл остался сидеть, глядя на груды отчетов, сообщений, телеграмм и телефонограмм, лежавших на столе. Протянув руку к первой стопке бумаг, он сказал самому себе:

- У этого агента что-то на уме, и это что-то может быть чем угодно.

Чарльз Моффет шел по тротуару к тому месту, где он поставил свой скромный черный седан, который купил всего два месяца назад в расчете на то, что время от времени Альма Кронин может захотеть поехать на прогулку.

Уже светало, но солнце еще не поднялось из-за горизонта, и жизнь на улицах едва теплилась. Когда Чик остановился у своего седана, мигнув, погасли уличные фонари. Легкий ветерок с запада нес с собой аромат молодой зелени от Потомак-парка и запах речной воды.

Поставив ногу на подножку своего автомобиля, Чик огляделся; по площадке там и сям были разбросаны машины, и не было видно практически никаких признаков жизни. Садясь за баранку, он пробормотал:

- Если этот старый филин посадил кого-нибудь мне на хвост... Чтоб его подбросило и прихлопнуло.

## Глава 5

Начальник секретной службы Скиннер и шесть его агентов явились в Белый дом в среду в восемь часов утра. Миссис Стэнли приняла их на первом этаже; глаза у нее были красными и усталыми, губы побледнели, и она прикладывала немалые усилия, чтобы владеть собой.

Начальник секретной службы спросил у миссис Стэнли, не будет ли с ее стороны каких-то особых рекомендаций или предложений.

Она только покачала головой:

- Мне кажется, будет лучше, если вы станете проводить расследование, как если бы речь шла об обычном похищении с целью выкупа. Не пропускайте ничего. Я высказала по телефону это соображение мистеру Уорделлу, и он согласился со мной. Нам с мистером Браунеллом казалось, что мы тщательно осмотрели все вокруг, но ведь осмотр был проведен непрофессионально, и, кроме того, мы были слишком взволнованы, чтобы полностью отдавать себе отчет в том, что делаем.

Как я понимаю, вы ничего не должны забирать отсюда, не проконсультировавшись со мной, и мистер Браунелл будет сопровождать вас во время осмотра кабинета президента.

- Да, мадам, несомненно.

Миссис Стэнли повернулась, чтобы уйти, но передумала и снова обратилась к Скиннеру:

- Когда вы закончите, пожалуйста, дайте мне знать.

- Конечно, мадам.

Начальник секретной службы заранее проинструктировал своих людей, они разделились на группы, и обыск в Белом доме начался.

## Глава 6

Девять часов.

Горничная весила не больше ста фунтов, но недостаток в весе ей удавалось компенсировать избытком гнева. Она была черноволосой, с высокими скулами и острым подбородком, и ее форма казалась не слишком чистой, поскольку, подав завтрак, девушка переделалась для уборки и не ждала никаких посетителей. Невзирая на давление снаружи, она крепко держала дверь, не давая ей раскрыться более чем на десять дюймов, и монотонно бормотала:

- Миссис Браунелл тоже нет. Я не знаю, когда она вернется. Вам придется подождать ее внизу. Лифтеру не следовало поднимать вас на этаж.

Мужчина в вестибюле горой высился над горничной, разглядывая ее в дверную щель, и, теряя терпение, увещевал:

- Но я не могу ждать! Есть одна вещь, которую я должен взять в комнате мистера Браунелла. Позвольте мне войти, и я все объясню.

Горничная покачала головой и решила закончить разговор, но внезапно дверь распахнулась под мощным напором и отбросила девушку в глубину прихожей. Та восстановила равновесие и, презирая любые попытки к бегству, встала у незнакомца на пути и пронзительно закричала. Однако он, очевидно, был столь же проворен, сколь и силен, поскольку едва успел прозвучать первый вскрик девушки, как на ее рот легла широкая ладонь, а ее руки были крепко прижаты к бокам, сама же она оказалась в воздухе, поднятая неведомой силой. Пройдя через прихожую, мужчина принес горничную в столовую, сел на стул и опустил ее к себе на колени. При этом одна рука мужчины закрывала рот девушки плотнее, чем пружина прижимает крышку на банке с вареньем, а другая рука лишала ее возможности пошевелиться.

- Если ты прекратишь брыкаться, мы сможем поговорить, - сказал мужчина.

Девушка брыкаться не прекратила.

- Ну хорошо. В любом случае слушай. Я - агент секретной службы. Если бы ты предоставила мне такую возможность, я бы показал тебе свой значок. Мы ищем президента, полагаю, ты

слышала об этом деле, и у нас есть надежда, что одна-две вещички, оставленные мистером Браунеллом в своей комнате, могут помочь нам.

Я не хочу причинять тебе вреда, не стану воровать ваше столовое серебро, деньги или бриллианты и выносить ковры из квартиры. Если ты обещаешь вести себя разумно, я отпущу тебя, и мы постараемся достичь взаимопонимания. Ты можешь следить за каждым моим движением и сама убедишься, что я не сделаю ничего такого, что заставит тебя вновь проводить уборку. Просто обещай мне, что будешь благоразумна, вот и все. Я вижу, что ты из тех, кто привык выполнять обещания.

Если ты обещаешь вести себя хорошо, в знак согласия выпрями в колене правую ногу.

Слушая его, горничная прекратила сопротивление.

Когда он закончил говорить, ее правая нога выпрямилась, приняла горизонтальное положение и замерла.

Агент оглядел ножку - она была миниатюрной, но весьма приятных очертаний, - затем та его рука, что ограничивала движения девушки, несколько ослабила хватку, а другая оставила в покое ее рот. Не было никакого сомнения, что, если бы не необходимость подготовиться к воплю и набрать в легкие как можно больше воздуха, девушка тут же завопила бы, и уж она постаралась бы, чтобы этот вопль оказался самым пронзительным в ее жизни. Но получилось так, что, хотя ей и удалось, сделав конвульсивный вдох, набрать в легкие воздуха и одновременно с этим дернуться в сторону в попытке освободиться, реакция агента была достаточно быстрой, чтобы подавить все попытки кричать и вырваться. Горничная вновь оказалась в его руках.

- Ну, это совсем нехорошо, - пожурил агент. - Но будем считать, что ты просто спутала свою правую ногу с левой, поэтому я не обижусь. А теперь извини меня.

Сказав это, он наклонился и стал сползать со стула, пока не сел на корточки. После этого агент уложил горничную на пол, сам встал на колени, свободной рукой достал из кармана платок и, скатав его, затолкал горничной в рот. Мужчина делал это быстро и не особенно деликатно, о чем можно было судить по изрядному шуму, который производила горничная, стуча пятками по ковру. После этого агент отнес свою жертву на кухню и связал ей руки и ноги с помощью кухонных полотенец, найденных им в комод. Еще одно такое же полотенце он обмотал вокруг головы горничной, чтобы она не могла вытолкнуть кляп изо рта. С помощью других полотенец руки и ноги девушки были крепко-накрепко привязаны к табуретке. Закончив дело, агент выпрямился и посмотрел на пленницу.

- Теперь, - сказал он, - у тебя будет масса времени, чтобы узнать, где у тебя правая нога, а где левая.

С этими словами он вернулся в столовую, огляделся и покачал головой. Затем он пересек комнату, прошел через небольшой холл и определил, где находится спальня. Здесь он начал поиски "одной-двух вещичек".

## Глава 7

Десять часов.

В своей библиотеке в Питтсбурге Бен Килборн стоял возле массивного письменного стола розового дерева и говорил по телефону. Было слышно, как он сказал: "Нет! Тогда заставьте его. Я говорю вам, мы не можем... О, прошу прощения. Одну минуту, сенатор Аллен, передаю трубку мистеру Каллену".

С этими словами он протянул ее человеку, который сидел во вращающемся кресле, а сам отошел в сторону.



Каллен вступил в разговор:

- Аллен? Это Каллен. Что нового?

Двести пятьдесят миль телефонного провода донесли подчеркнуто осторожный ответ сенатора:

- Его еще не нашли.

- Это я и сам знаю. - Чувствовалось, что стальной магнат был настроен саркастически и что терпение его вот-вот лопнет. - Я же не на острове живу. А что конгресс? Вы собираетесь сегодня?

- Заседание конгресса было открыто и прервано.

- То есть вы хотите сказать, что оно было сразу же прервано?

- Отнюдь! Мы приняли совместную резолюцию с выражением озабоченности, встревоженности и соболезнования. А затем прервали работу совещания.

- Боже правый! - Осмысливая случившееся, Каллен сделал паузу. - Тогда это значит, что вы потерпели поражение.

- Не знаю, потерпели мы поражение или нет. Я бы сказал, что нет. Минут десять назад Рейд заметил, что единственное, что нам сейчас остается, - это встать под дерево и ждать, когда кончится ливень.

- Тогда, значит, потерпели. Да и Рейд тоже, а? Вас-то я знаю, вы слишком умны для таких штук, но я-то думал, что хотя бы Рейд окажется бойцом. Послушайте, Аллен... Нет, вы послушайте меня. Мне надоело ждать, и всей стране надоело. Я вел себя тихо, в течение двух месяцев лежал без движения, как купон южноамериканской облигации, но больше не буду. Ситуация становится опасной. Нам нужно действие. Мы либо найдем президента, либо подберем какого-нибудь другого, для нас разница невелика. Главное - настало время действовать. Вот что я вам скажу. Это вы со всеми вашими совещаниями, торгами и увещеваниями дали себя завлечь в подобную неразбериху, и сегодня, именно сегодня, сейчас, вы должны сделать то, что вам следовало бы сделать месяц назад. Поднимайтесь на трибуну и сражайтесь. Предлагайте свою резолюцию - прямую, без экивоков, декларацию войны - и проталкивайте ее. Парламентарии дрогнут - большинство из них; на остальных вы можете не обращать внимания.

Соберите вокруг себя Рейда, Уилкокса, Коркорана и кого-нибудь еще, на кого вы можете положиться, и, как только они расстанутся со своей озабоченностью и нерешительностью, действуйте.

- Но послушайте, Каллен...

- Я не буду ничего слушать. Давайте действуйте. Действуйте! Прямо сейчас.

- И все же вам придется меня выслушать. Мне жаль, что так вышло, Каллен. Вы сами знаете, насколько мне жаль, но вы не можете знать, что происходит здесь.

Уилкокс напуган, он заикается от страха. Он не позволит, чтобы его видели рядом со сторонником военных действий даже на улице. Коркоран не боится, но он не только не поддержит предлагаемую вами резолюцию, а, наоборот, открыто и недвусмысленно выступит против нее. Я уже сказал вам, что говорит по этому поводу Рейд. В случае голосования военная резолюция получит только один голос - мой. После чего следующим событием в моей карьере будут мои похороны.

- Вот как, - проговорил Каллен, - вы тоже испуганы. Чего вы боитесь? Ведь вы же - группа блестящих государственных деятелей. Нет, нам нужно обновлять состав у вас в Вашингтоне. Почему все разбегаются?

- Потому что сторонники военных действий похитили президента, - ответил Аллен.

- Уже установлено, что это они похитили?

- Нет. Это предполагается. Вернее, даже не предполагается, а считается. Поэтому под подозрением находятся все. Подозревают и вас. Меня не удивит, если окажется, что эта линия находится под контролем и наш разговор прослушивается.

- Черт возьми!

- Вам, конечно, известно, что кабинет министров поручил Уорделлу руководство поисками президента.

Это осложняет ситуацию, а в сущности, совсем лишает нас возможности действовать. За все нужно благодарить Браунелла. Вы не можете себе представить, какая здесь атмосфера, и не только в Вашингтоне. Этим утром в Филадельфии толпа забросала камнями автомобиль Альберта Кортни. Они бы и его вытащили из машины, если бы не подросла полиция. По чьему-то доброму совету Вормен здесь, в Вашингтоне, не высовывает носа из дому. У меня есть сведения из достоверных источников, что сейчас, в этот самый момент, кабинет проводит заседание, составляя список лиц, которых предполагается вызвать, допросить и, возможно, задержать.

Первым в этом списке фигурирует Джордж Милтон, второй - вы.

- Вот как, - пробормотал Каллен, - эти люди просто сошли с ума.

- Именно об этом я и хочу вам рассказать. Если вы получите вызов в Вашингтон, я бы настоятельно рекомендовал вам ехать сюда только поездом и не пользоваться для этой цели своим автомобилем, это было бы слишком вызывающе.

- А чего это ради я должен ехать в Вашингтон? Да пошли они к черту!

- Конечно, вы вправе поступать так, как вам будет угодно.

- Так я и сделаю.

Стальной барон бросил трубку на рычаг. Он сидел, положив на стол перед собой два плотно сжатых кулака, два сильных, опасных и ловких в драке кулака, которыми, однако, не во что было ударить.

Он сказал:

- Боже ты мой, и этим людям мы платим деньги за то, что они управляют нашей страной! Один позволяет себя похитить, а у остальных в жилах течет не кровь, а вода. - И совершенно неожиданно он заорал на Бена Килборна:

- А вы какого черта ржете? Трясете тут своими розовыми щеками? Вы что, выпить успели?

- Да, сэр, тоник, - хихикнул Килборн.

## Глава 8

Льюис Уорделл и начальник секретной службы Скиннер сидели друг напротив друга в кабинете в Управлении секретной службы. Было двадцать минут двенадцатого. Уорделл выглядел усталым, напряженным и вместе с тем решительным, лицо начальника секретной службы выражало крайнюю степень озабоченности вместе с известной долей скепсиса. Последний говорил следующее:

- Все это мне известно, но я бы все равно обратился в кабинет министров.

- Кабинет министров и так наделил меня полномочиями, - буркнул Уорделл. - Зачем начинать какие-то дебаты и терять массу времени? Я думаю, будет лучше, если вы пойдете и приведете его.

- Ну, раз вы так считаете... Однако было бы лучше, если бы вы изложили приказ в письменной форме.

Какой-то момент Уорделл сидел неподвижно, сложив руки и сжав губы; неожиданно он решительно повернулся к столу, взял перо, лист бумаги и написал на нем несколько слов.

С тех пор как Чик Моффет покинул на рассвете этот кабинет, произошло несколько событий. В округе Колумбия было объявлено военное положение, генерал-майор Фрэнсис Каннингем получил неограниченную власть, правда с обязанностью ежечасно докладывать обстановку министру обороны, который, в свою очередь, докладывал о ней кабинету министров. Обыск помещений, проводимый в частном порядке инициативными гражданами на территории площадью более чем в миллион квадратных миль, продолжался - бестолковый, плохо организованный, какой угодно, только не тщательный, но продиктованный главным образом самыми лучшими намерениями и проводившийся со всей серьезностью. Еще одна попытка Уорделла получить хоть какие-нибудь сведения от Линкольна Ли не принесла совершенно никакого результата, и предводителя "Серых рубашек" отправили в окружную тюрьму. Государственный секретарь Лигетт и министр сельского хозяйства Биллингс доставили Уорделлу коммюнике кабинета министров; в этом документе предлагалось немедленно занять жесткую позицию по отношению к некоторым финансовым и промышленным олигархам страны, имена которых перечислялись ниже. Уорделл поблагодарил их, однако к немедленным действиям приступить не стал.

Дело в том, что к этому времени, точнее, после десяти часов, он получил два сообщения, которые указывали на два совершенно неожиданных и невероятных направления расследования. После проведения обыска в Белом доме возвратился Скиннер; там не было найдено ничего такого, что можно было бы отнести к данным, способствующим решению проблемы. Однако назвать эту операцию безуспешной в целом тоже было нельзя: изучая содержимое мусорного контейнера, что стоял в уходящем от заднего фасада Белого дома крытом проходе, один из агентов примерно на половине его глубины нашел интересный объект - на две трети полную бутылку с хлороформом. Контейнер простоял там двадцать четыре часа; служитель, которому было поручено следить за его чистотой, показал, что во вторник утром контейнер был заполнен только наполовину, а остальной мусор высыпали в него сегодня утром. Служитель не смог припомнить, видел ли он вчера эту бутылку в контейнере или нет, а также сказать определенно, могла ли она попасть сюда из мусороприемников Белого дома.

Сообщив это, начальник секретной службы достал бутылку, о которой шла речь, из кармана и передал ее Уорделлу:

- Нам пришлось вымыть ее. Она вся была в грязи и в мусоре. Надежды найти какие-либо отпечатки пальцев нет и не было.

Уорделл взял бутылку и вышел из-за стола.

- Подождите меня, - сказал он, - я на минутку. Хочу кое-кому это показать.

С этими словами он вышел. А после того, как вернулся, разгорелась полемика, которая спустя полчаса закончилась очередным советом Скиннера - правда снова отвергнутым - обратиться в кабинет министров, прежде чем предпринимать какие-либо действия.

## Глава 9

В одиннадцать часов тридцать минут Гарри Браунелл сидел за письменным столом в своем личном кабинете Государственного департамента. Часом раньше он ушел с заседания кабинета министров, не дожидаясь его конца, - для остальных оно продолжалось, - чтобы встретиться с представителями средств массовой информации, и с этим трудным делом было только что покончено.

Журналисты, донимавшие его вопросами, были сродни дикарям. Стоило Браунеллу кинуть им один-два крошечных кусочка последних новостей и сказать, что это все, как они зафыркали и

зарычали от ярости. Один из них, солидный и представительный в своем деловом костюме, выступил с протестом, и голос его от волнения сорвался на визг:

- Мистер Браунелл, вы отдаете себе отчет, что наша обязанность и основная задача - дать возможность ста двадцати миллионам американских граждан узнать, что делается для того, чтобы найти их президента?

Хор голосов поддержал его выступление; кто-то с негодованием выкрикнул, что он в течение восьми часов сшивался в Управлении секретной службы, а на заре его вывели на улицу и велели держаться подальше. Браунеллу пришлось угрожать пишушей братии, предупреждать и даже улащать. Наконец он выдал журналистам еще одну порцию новостей и избавился от их присутствия.

С тех пор как ушли представители средств массовой информации, прошло всего несколько минут, и Браунелл едва начал приводить свои мысли в порядок, с тем чтобы продумать ряд предложений для представления их кабинету министров во второй половине дня, когда вошел секретарь и доложил, что начальник секретной службы Скиннер просит принять его. Браунелл кивнул.

Держа шляпу в руке, начальник секретной службы прошел через весь кабинет, остановился прямо перед столом Браунелла и так и остался стоять, глядя на своего визави и немного наклонив голову набок.

- Доброе утро, Скиннер, - произнес Браунелл. Поскольку тот молчал, хозяин кабинета, в свою очередь, тоже уставился на него. Наконец он поднял брови от удивления и повторил приветствие, но уже с вопросительной интонацией:

- Доброе утро?

Скиннер вздохнул и сказал:

- Мистер Уорделл хочет видеть вас у себя в кабинете.

Брови Браунелла сошлись на переносице.

- Должно быть, у него приступ мании величия, раз он позволяет себе использовать человека с вашим положением в качестве посыльного, - заметил он. - Что, нельзя было воспользоваться телефоном?

Начальник секретной службы только покачал головой:

- Это выше моего понимания. Он решил, что ему необходимо встретиться с вами прямо сейчас, и поэтому вам следует пойти к нему вместе со мной.

- Но поче... - Браунелл замолчал на полуслове.

Взглянув на него, Скиннер увидел, как тот облизнул пересохшие губы, как на висках у него запульсировала жилка, и заключил, что человек, который не способен управлять своими эмоциями, никогда не сможет стать хорошим игроком в покер. А Браунелл продолжил:

- Конечно, я могу пойти, если это важно. Ему удалось что-нибудь раскопать?

- Возможно. Он сам скажет вам об этом.

Браунелл встал из-за стола, подошел к шкафу и взял свою шляпу. В приемной он остановился, чтобы сообщить секретарю, куда направляется, и оставить кое-какие инструкции на время своего отсутствия. После этого они вдвоем со Скиннером вышли из здания и двинулись, срезая угол, через лужайку Белого дома.

Когда они пришли в Управление секретной службы, оказалось, что здесь все уже подготовлено для проведения предстоящей инсценировки. Во всяком случае, это не укрылось от внимания начальника секретной службы, и он бросил на Уорделла взгляд, полный одобрения. Что же касается Браунелла, тот просто увидел, что в помещении находится с десяток мужчин, которым,

очевидно, нечем заняться. Уорделл сидел за столом, склонившись над выдвинутым ящиком. Заметив Браунелла, он задвинул ящик и выпрямился.

Кивнув в знак приветствия, секретарь президента произнес:

- Скиннер сказал, что вы хотели видеть меня.

- Да, - ответил Уорделл, пристально глядя ему в глаза, - мне нужно поговорить с вами. Не буду настаивать на соблюдении церемоний, в первую очередь я должен попросить вас оказать мне услугу. Не подойдете ли вы к этой группе мужчин и не согласитесь ли постоять рядом с ними?

К этому времени все присутствовавшие сгруппировались у противоположного края стола. Браунелл посмотрел на них, потом снова на Уорделла.

- Пожалуйста, - сказал он, - если на то есть причины...

- Причина только одна и весьма очевидная: вы должны участвовать в опознании.

Браунелл открыл было рот, потом закрыл его и, не говоря ни слова, направился к группе мужчин. Группа раздвинулась, и он встал на освобожденное для него место. Уорделл вышел из кабинета. Через секунду он вернулся в сопровождении женщины средних лет. Она не демонстрировала особого волнения, но и совершенно спокойной ее назвать тоже было нельзя. Когда от группы мужчин ее отделяли не более трех шагов, Уорделл попросил женщину остановиться.

- Миссис Деллинг, не находится ли среди присутствующих тот, о ком вы говорили? - спросил он.

Женщина оглядела всю группу, останавливая взгляд на лице каждого человека. Перед ней стояли мужчины, высокие и низкорослые, крупные и не очень, и ее совсем не смущал десяток пар глаз, которые, в свою очередь, уставились на нее. Она неторопливо и внимательно осмотрела всех, потом кивнула и, не колеблясь, указала пальцем.

- Вот этот, - сказала миссис Деллинг, - тот, который одет в хороший черный костюм с синим галстуком и у которого крупный нос.

- Браунелл, не сделаете ли вы шаг вперед? - проговорил Уорделл, и при этом группа мужчин отступила на шаг назад.

Браунелл повиновался и оказался прямо перед женщиной.

- Вы имеете в виду именно этого джентльмена, миссис Деллинг? - спросил Уорделл.

Дама нисколько не сомневалась:

- Да, сэр, это он.

- Вы в этом точно уверены?

- Когда я не уверена, я молчу.

- Очень хорошо! Благодарю вас. А теперь не откажите в любезности пройти туда, откуда я вас привел, и подождать немного. Ни при каких обстоятельствах вы не должны покидать это место. А вы, джентльмены, свободны. Возвращайтесь к оперативной работе и ждите новых поручений.

Женщина вышла. Один за другим мужчины вышли вслед за ней. Скиннер тоже направился к двери, но Уорделл попросил его не уходить, и тот вернулся к столу. Браунелл не двигался, он так и остался на том месте, где стоял перед женщиной во время опознания. Когда дверь закрылась, он только повернул голову и сказал Уорделлу:

- Нет никакого сомнения в том, что все это - недоразумение, однако оно довольно сильно раздражает. Я требую объяснений.

- Садитесь. - Уорделл сел сам и ткнул большим пальцем в сторону стула напротив. - Давайте садитесь, я вам объясню. А вы, Скиннер, садитесь вон там.

Секретарь президента подошел к стулу, аккуратно распахнул полы пиджака и сел.

- Если будет нужно, - продолжил Уорделл, - я дам объяснение, но будет гораздо проще, если вы сделаете это сами. Попробуйте рассказать мне все, что вам известно о похищении президента.

Сидя на стуле и глядя на эту сцену со стороны, начальник секретной службы подумал: "Он совершил ошибку. Не надо было показывать ему эту женщину. До этого Браунелл не находил себе места от волнения, а сейчас он испытывает облегчение".

- Я уже рассказал вам все, что знал, - сказал Браунелл.

- Вы рассказали мне сказку. А теперь мне нужна правда.

- Вы ее знаете. Правду и только правду, рассказанную мной.

- Так не пойдет, Браунелл. Мне кое-что известно. И теперь я хочу знать правду. Вне зависимости от того, что она собой представляет, это - ваш единственный выбор.

Некоторое время Браунелл молча сидел и смотрел перед собой. Затем он подался вперед на своем стуле, стараясь поймать взгляд Уорделла, и произнес медленно и с грустью:

- Значит, вас тоже поймали на крючок, не так ли?

Даже вас! И вы полагаете, что, если получится отстранить меня от расследования, вам удастся двинуться дальше. Ну, какие обвинения вы хотите мне предъявить? Что вы там сфабриковали?

На несколько долгих секунд взгляды двух пар глаз встретились - исполненные враждебности и подозрительности, острые, как шпаги. Уорделл первый отвел взгляд.

- Ну ладно, - буркнул он и, повернувшись в своем кресле, выдвинул ящик стола. В первую очередь он достал оттуда стопку носовых платков, затем бутылку с хлороформом и разложил все это на столе. Снова взглянув Браунеллу глаза в глаза, он заговорил:

- Вот вам три факта. Во-первых, в понедельник, в девять часов вечера, в аптеке, расположенной на Экер-стрит и принадлежащей мужу миссис Деллинг, последняя продала вам бутылку хлороформа. Во-вторых, у меня на столе лежит девять носовых платков, доставленных этим утром из спальни вашей квартиры и идентичных тому, который был найден в Белом доме и который пах хлороформом. Ну и в-третьих, вот эта бутылка, утром найденная Скиннером в Белом доме, является той самой, которую вы купили у миссис Деллинг. Они продают именно эту марку. - Здесь Уорделл сделал паузу, а потом сказал, как бичом хлестнул:

- Я все объяснил. Давайте послушаем вас.

- Состряпано довольно неплохо, - спокойно произнес Браунелл. - Мне служит помехой то обстоятельство, что я не знаю наверняка, являетесь ли вы активным участником или просто пассивным исполнителем.

Если вы - активный участник, то говорить с вами - пустая трата времени. Я пойду на совещание кабинета министров.

- Никуда вы не пойдете. Состряпано, черт возьми!

Послушайте, Браунелл, ради бога, перестаньте юлить.

Вам не выкрутиться, это бесполезно. Расскажите мне обо всем, и поставим на этом точку. Где он? Дайте мне возможность вернуть президента в Белый дом, а там можете разбираться с ним сами.

Браунелл был по-прежнему спокоен.

- Я не знал, что вы настолько умны, Уорделл, я и сейчас не верю в это. В конце концов, может быть, вы и впрямь искренне верите в эту инсценировку. Тогда почему бы вам не допустить, что меня просто подставили?

- Это вы сами себя подставили! Зачем вам понадобился хлороформ, который вы купили вечером в понедельник на Экер-стрит?

- Я не покупал хлороформ.

- Как не покупали? Вы же видели, как при опознании та женщина указала на вас.

- Я не покупал никакого хлороформа.

Сказав это, Браунелл откинулся на спинку стула, скрестил ноги и медленно потер ладонь о ладонь. Лицо Браунелла было до предела серьезным, но, несмотря на это, начальник секретной службы Скиннер подумал:

"Он просто чертовски доволен чем-то". А Браунелл продолжал:

- Послушайте, Уорделл, давайте будем считать, что вы честный человек, оказавшийся жертвой обмана. Видит бог, я честен с вами. Я не покупал никакого хлороформа, я никогда не бывал на Экер-стрит, я даже не знаю, где это. Я никогда не встречал ту женщину, которая указала на меня на опознании, но ей могли показать мои фотографии; тем, кто устроил эту подтасовку, подобные мелочи вполне по силам. А разве у них нет других свидетелей, которые видели меня в аптеке?

Им следовало бы позаботиться об этом. А что касается той бутылки, которую Скиннер нашел в Белом доме, скажите, разве не было бы глупостью с моей стороны оставлять ее там? Не меньшей глупостью с их стороны было подсунуть ее туда, но это уже их дело.

- Ее не было в Белом доме. Она была найдена в контейнере для мусора и имеет те же объем и характеристики, что и бутылка, купленная вами.

- Объем и характеристики бутылки, которую я не покупал. Нет. Раз бутылку нашли не в Белом доме, значит, она, может быть, действительно была использована.

Теперь о платке. Это тоже могло быть легко организовано, но может оказаться и простым совпадением. Платок нашел секретный агент, которого зовут Кэрлисс; прежде чем передать платок вам, я несколько часов носил его в кармане и даже не задумывался, что он может быть похож на какой-то из моих собственных. Кто бы он ни был, тот, кто по вашему заданию вломился в мою квартиру, если он честный человек, то должен был доложить, что среди моего запаса носовых платков им обнаружено несколько различных вариантов этих изделий и что, как правило, все это - дешевые, широко распространенные марки. Моя жена не раз говорила мне, что я не придаю значения качеству носовых платков. Итак, если вся эта инсценировка организована какими-то третьими лицами и вы оказались в ней невольным участником, то мое объяснение будет вполне достаточным. Если же вы - член группы, то забудьте, что я взял на себя труд оправдываться. В любом случае ничего из этой инсценировки не выйдет, вы только зря теряете время.

И не думайте, что кабинет министра об этом не узнает.

Обязательно узнает.

Некоторое время Льюис Уорделл внимательно смотрел на Браунелла и в конце концов сказал:

- Кабинет министров непременно будет поставлен в известность. Я сам доложу на совещании. Отрицая все, вы ведете себя как последний дурак. Если вы сообщите нам то, что вам известно, вас могут и пощадить.

- Заседание уже началось. Мы пойдем туда вместе.

- Нет, не пойдем. - С этими словами Уорделл нажал на кнопку панели внутренней связи. - Я пойду туда один, прямо сейчас, и сделаю все, чтобы данное дело не было спущено на тормозах. Если кое-что станет достоянием общественного мнения, это будет полезно, верно? Даю вам последний шанс, Браунелл. Вы будете говорить?

- Вы ведете себя очень глупо и только зря теряете время.

В кабинет вошел один из агентов. Уорделл обернулся к нему.

- Пришлите сюда двоих сопровождающих, - распорядился он.

В это время зазвонил телефон. Министр, попросив сотрудника подождать, повернулся к столу и взял трубку. По-видимому, было плохо слышно, он несколько раз переспрашивал, но наконец нетерпеливо сказал:

- Да, я понял, больница Святого Эразма. Что там у вас?

После этого Уорделл мало говорил сам - главным образом слушал, качал головой и задал лишь несколько вопросов. Когда разговор был окончен, он вновь обратился к сотруднику:

- Найдите четверых свободных агентов и приведите их сюда.

Сотрудник вышел, а Уорделл сказал:

- Браунелл, для вас это может стать вопросом жизни или смерти, вы хоть понимаете это? Будете говорить или нет?

Секретарь президента промолчал. Начальник секретной службы прочистил горло и закинул ногу на ногу, его серые глаза более чем когда-либо выражали сомнение. В кабинет вошли четыре агента службы безопасности и выстроились вдоль стены.

- Не знаю, как вас всех зовут... - начал Уорделл. Он остановил взгляд на одном из сотрудников:

- Вот вы, подойдите сюда.

Агент выступил вперед, и Уорделл продолжал, обращаясь уже лично к нему:

- Это - мистер Гарри Браунелл, он является секретарем президента Стэнли. Отвезите его в окружную тюрьму, запирайте там и проследите, чтобы он находился под надежной охраной и чтобы никого не допускали к нему без моего разрешения. Добейтесь безусловного выполнения этих инструкций.

Получив приказ, агент сделал шаг вперед. Не сказав ни единого слова, Браунелл двинулся ему навстречу, и они вместе вышли из кабинета. Скиннер вздохнул. Уорделл подозвал к себе следующего агента:

- В другом конце коридора, в комнате номер девять, сидит женщина по имени Виола Деллинг. С ней находится детектив, приехавший из Нью-Йорка. Если там еще остались хоть какие-то незанятые помещения, запирайте ее где-нибудь внизу. Если нет, отвезите в тюрьму.

А после этого вместе с сыщиком из Нью-Йорка узнайте все, что в ваших силах, об этой женщине, в особенности то, где она была и с кем встречалась на прошлой неделе. Сыщик знает, откуда она, ведь это он нашел ее.

Также постарайтесь собрать сведения о ее муже. Она, конечно, начнет кричать и возмущаться - не обращайтесь к ней. И помните: у нас введено военное положение, и действие гражданских законов временно приостановлено.

Агент повернулся и вышел, а Уорделл обратился к двум оставшимся сотрудникам:

- Вы хорошо знаете Вашингтон? Знаете, где расположена больница Святого Эразма?

Мужчины кивнули, и Уорделл продолжил:

- В этой больнице, в травматологическом отделении, находится молодой человек по имени Вэл Оркатт. Доставьте его сюда, и как можно быстрее. Если у вас есть машина, воспользуйтесь ею или возьмите такси. У него черепная травма, поэтому обращайтесь с ним осторожно: если у него опять случится приступ амнезии, нам от него никакого проку. Вы знаете, что такое амнезия?

- Потеря памяти, - ответил один из агентов.

- Вот именно. Так что будьте внимательны по отношению к нему.

Агенты покинули кабинет.

Уорделл вышел из-за стола, сделал наклон, расправил плечи и сделал глубокий вдох.

- Черт побери, - пожаловался он, - я еле стою на ногах!

Начальник секретной службы понимающе кивнул.



- Там в нижнем ящике стола лежит бутылка виски, - сказал он.

- Спасибо, не надо. А как насчет сэндвичей с сыром и кофе?

- Это я могу организовать.

После того как был вызван курьер и отдано распоряжение принести кофе и сэндвичи с сыром, Уорделл спросил у Скиннера:

- Я полагаю, перед нашим учреждением бродят газетчики. Не согласились бы вы выйти и сообщить им, что нами арестован Гарри Браунелл? От такого известия кое-где могут начаться кое-какие процессы, а?

- Непременно начнутся, - согласился начальник секретной службы, вставая, чтобы идти выполнять поручение.

## Глава 10

В полдень Чик Моффет шагал по тротуару. Он шел ни медленно, ни быстро - просто шел, направляясь ко входу в министерство юстиции. В то утро ему - единственному из сотни агентов - было поручено найти Вэла Оркатта, водителя грузовика продуктовой компании.

Но, позвонив из Ишервуда, чтобы узнать рекомендуемые направления поиска, он услышал, что его добычу накрыл кто-то еще и что самого Чика ищет руководство. И хоть он уже был почти у места назначения, тут вмешался случай и задержал его. Чик уже поворачивал к подъезду, когда услышал, как его зовут, да еще голосом, от которого он замер и круто развернулся.

На тротуаре стояла Альма Кронин:

- Чик, это ты? Благодарю тебя, о Господи!

- Я тоже благодарю, - сказал он, усмехаясь, - я буду благодарен всем, кого ты назовешь. А от кого ты убегаешь?

- Не убегаю, а догоняю. А ты что, теперь совсем не бываешь дома? Вчера вечером я десяток раз пыталась дозвониться до тебя, и сегодня утром снова звонила - все безрезультатно.

- Если ты хотела пообщаться со мной, трудно было бы подобрать более неподходящий вечер, чем тот, что был вчера. Я занят розысками президента, поэтому смог добраться до кровати только на рассвете и проспал всего сто сорок минут.

Чтобы не мешать пешеходам, они отошли к краю тротуара. Чик наклонил голову и посмотрел на девушку; она подняла лицо, их взгляды встретились, щеки зарумянились, а глаза заблестели.

- Дело не в желании общаться с тобой. То есть я хочу сказать, что только хотела кое-что спросить у тебя... - Она сбилась и замолчала.

- Я понял разницу. Весьма польщен. А ты не пробовала обратиться в справочное бюро на Центральном вокзале?

- Нет. Это очень важно... Сейчас я иду к мистеру Уорделлу. А перед этим попыталась связаться с мистером Браунеллом, но не смогла его найти. Думаю, теперь я могла бы спросить и тебя, но здесь, на краю тротуара...

- Тогда пойдем куда-нибудь перекусим.

Колебания девушки были недолгими. Чик сказал ей, что неподалеку отсюда знает одно удобное местечко, где готовят бараньи отбивные с луком, а потом поливают их роскошным соусом из муки и масла с бульоном, и повел ее туда. Пройдя два квартала от министерства юстиции и еще чуть дальше по боковой улице, они наконец вошли в закусочную. Это было одно из тех заведений, кстати, очень немногих, где кухня расположена в непосредственной близости от обеденного зала,

где воздух пропитан чудесными ароматами и где готовят так хорошо, что ваш аппетит благословляет ваше обоняние.

Они сделали заказ, и Чик поинтересовался:

- Ты спросишь у меня о чем-то прямо сейчас или отложим это дело до кофе?

Альма огляделась. Время обеда еще не пришло, посетителей в ресторане было немного; все соседние столики были свободны, и девушка решила:

- Я не хотела говорить об этом с тобой по телефону, поэтому мне нужно было увидеть тебя. Дело такое, что мне страшновато говорить на эту тему даже с тобой.

Никогда не думала, что люди могут быть такими, какими они оказались.

- Чем же тебя огорчили люди?

- Да всем. Они такие ужасные трусы. Да и я тоже.

Как я полагаю, не мне осуждать их за трусость. Ты знаешь, что многие служащие Белого дома оказались под арестом? Что этим утром секретные агенты обыскали Белый дом от подпола до чердака? Все молчат, а если говорят, то только шепотом. Когда я сегодня утром пошла на службу, кто-то следил за мной, я в этом уверена.

- Да, это мог быть только я! - заулыбался Чик. - Просто решил быть у тебя под рукой на случай, если ты захочешь спросить что-нибудь.

- Оставь свои шутки, Чик! Это совсем не смешно, это ужасно.

- Ну... мне приходилось вести наблюдение за очень большим количеством людей и почти всегда безрезультатно. А вот и бараньи отбивные. Как-то раз я сам попробовал приготовить их подобным образом, но они у меня подгорели... Конечно, положение ужасное, и, прежде чем начать улучшаться, оно, вероятно, станет еще хуже, но к тебе все это не имеет никакого отношения. Ну и слава богу. Пододвинь свою тарелку.

Он положил на ее тарелку бараньи отбивные и полил соусом. Затем наполнил свою тарелку и заказал пива.

Альма огляделась снова и наклонилась вперед.

- Вот что я хотела спросить у тебя, Чик, - сказала она. - Я хочу знать, что мне делать. - И до этого Альма говорила очень тихо, а теперь она заговорила еще тише. - Прошлым вечером, около одиннадцати, примерно через полчаса, после того как я пришла домой с допроса, учиненного мне твоими коллегами, меня посетил мужчина, который посулил мне пять тысяч долларов за то, что я украду дневник миссис Стэнли и сегодня в полдень передам этот дневник ему. Он сказал мне, что из всего дневника ему нужны только записи двух последних недель. Когда я отказалась, он предложил мне десять тысяч долларов.

Чик прожевал кусочек отбивной и запил его пивом.

- Хм-м-м, - сказал он, - значит, первая дама государства ведет дневник.

- Конечно. Об этом каждый знает. Об этом даже писали в газетах.

- Ну что же... мои поздравления. Это довольно неплохое приданое. Одного его достаточно, чтобы взять тебя в жены, если ты не против выйти замуж, конечно.

- Не говори глупостей. После того как я сказала "нет" на его предложение, у меня было несколько секунд, чтобы подумать. Я сделала вид, что не могу решиться. А тот мужчина продолжал настаивать. Я сказала ему, что, даже если соглашусь украсть дневник, возможность сделать это мне не предоставится до середины дня. Еще я сказала ему, чтобы пришел ко мне домой сегодня в восемь вечера, и, может быть, у меня будет дневник, а может быть, и нет. Он сказал, что придет.

- Слушай, а почему ты считаешь разговоры о замужестве глупостью? - спросил Чик.

- Потому что это - глупость, - проворчала Альма.

- Вообще-то брак - дело серьезное.

- Ты думаешь? Я ничего не знаю об этом. Чик, что мне делать? Может, я должна рассказать все миссис Стэнли? Или мне следует пойти сразу к мистеру Уорделлу?

Чик положил нож и вилку на стол.

- Послушай, - сказал он, - в течение трех месяцев я ждал момента, чтобы узнать, что ты думаешь о замужестве, и теперь, раз уж об этом зашла речь, мы могли бы тут же и покончить со всеми вопросами. В браке, в сущности, нет ничего глупого, ведь верно же?

Сказав это, Чик посмотрел на девушку; Альма выглядела раздраженной, однако чувствовала, что раздражение покидает ее, и, разозлившись на себя, она опустила глаза. Воткнув вилку в отбивную, она располосовала ее ножом.

- В сущности? - переспросила она. - В сущности, нет. Откуда мне знать? Просто у меня нет оснований думать, что это глупо. А ты думаешь по-другому?

- Кто, я? Боже правый, да ни за что! Я думаю, что это просто великолепно. Я думаю...

В этот момент Альма подняла глаза, а поскольку Чик так и не отводил взгляд от девушки, весь свет ее глаз разом пал на него и ослепил, подобно тому, как ослепляют солнечные лучи после темноты пещеры. У Чика перехватило дыхание, и слова, которые в естественной последовательности он намеревался произнести далее, застряли где-то в горле, и оказалось, что нет никакой возможности сказать их. Вместо этого он проговорил:

- Ну... я рад, что мы разобрались со всем этим. Прекрасно, что этот вопрос решен. А как выглядел тот мужчина, что предлагал тебе десять тысяч долларов?

Альма улыбнулась. Эта улыбка говорила, правда только ей самой, следующее: "Он ужасно милый, я люблю его, хочу быть с ним, и гореть мне в аду, если я замечу, что готова опуститься до обмана при таком положении вещей". Вслух же она сказала:

- Он сильный, большого роста, со светлыми волосами и грязными ногтями. А еще у него был коричневый галстук. - И подумала с триумфом: "Ну, покажите мне во всем этом хоть каплю женского коварства".

- А что ты намереваешься делать? - поинтересовался Чик.

- А вот об этом я и хотела спросить тебя. Я буду делать то, что ты скажешь. - При этих словах Альма сильно прикусила губу, и Чик подумал, с чего бы это.

Он подозвал официанта и заказал кофе, а потом спросил:

- Ты еще не говорила об этом миссис Стэнли?

- Я никому еще не говорила об этом.

- Вот и умница. Заметила, что сейчас творится? Тебе нет никакого резона соваться в эту адскую суматоху.

Может быть даже так, что здесь нет никакой связи....

- А не следует ли мне сказать мистеру Уорделлу?

- Зачем? Чтобы кто-нибудь спрятался у тебя дома в чулане и схватил того парня, когда он заявится?

- Если это будет необходимо, то да.

Чик кивнул:

- Конечно, возможен и такой расклад. Но может быть, ты сама вовлечена во все это дело. По какой причине - не мне судить, ведь сейчас все сошли с ума.

Может быть, лучше всего предупредить миссис Стэнли, чтобы положила свой дневник в сейф, а когда твой новый приятель заглянет к тебе сегодня вечером, сказать ему, что ничего не получилось?

Зал ресторана начал заполняться. Прибежал мальчик - разносчик газет и стал ходить между столами, предлагая экстренный выпуск, в котором заголовки были набраны крупным шрифтом. Чик купил газету и развернул ее, так что Альма смогла прочитать вместе с ним:

"СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДЕНТА АРЕСТОВАН.  
БРАУНЕЛЛ ПОКУПАЛ ХЛОРОФОРМ".

- Силы небесные! - воскликнула Альма. - Не может быть!

- Я же говорил тебе, что все сошли с ума, - отозвался Чик, - ты лучше не ввязывайся во все это.

- Я не хочу ни во что ввязываться, - так, помешивая кофе, начала Альма свою исповедь да и забыла, что нужно остановиться. - Видишь ли, Чик, благодаря всему этому я становлюсь более зрелой. Я закаляюсь подобно тому, как садовники закаляют молодые растения, оставляя в оранжерее с распахнутыми окнами, перед тем как высадить их в открытый грунт. Ведь мне всего лишь двадцать четыре года, и я мало знаю о людях. Мне довелось изучать множество разных теорий и систем, таких, как коммунизм, социальное партнерство и капитализм, а также жилищные проблемы, проблемы международной финансовой системы и войн, и, как мне теперь кажется, я и людей рассматривала просто как еще одну теорию. Но это похищение президента, введение военного положения, выражения испуга и подозрительности практически на каждом лице, ненависть и зависть показывают мне, что люди - это нечто совершенно другое. Они - животные, по жилам которых течет кровь, и они не только говорят, пишут книги и играют в бридж, но и совершают поступки. Отвратительные и ненавистные поступки, а иногда и великие подвиги. Понимание того, что я являюсь одним из этих животных, что я должна жить среди них, одновременно и восхищает, и пугает меня. Раньше я считала, что ненавижу войну, а теперь мне стало ясно, что мне просто не нравилась идея войны. Теперь я действительно ненавижу войну, во всяком случае, я так думаю. Я знаю, что ненавижу этих грязных свиней, которые похитили президента, испугавшись, что он не даст стране вступить в войну. Вот почему я говорю, что не хочу быть в стороне. У меня нет никакого представления, какое отношение ко всему этому может иметь дневник миссис Стэнли, но, очевидно, хоть какое-то да имеет. Поэтому я хочу помочь схватить того мужчину, и если его будут бить, чтобы узнать, кто его послал, я бы не хотела смотреть на это, но и капли жалости к нему у меня тоже не найдется, и случись такое снова, я поступлю так же.

Выговорившись, Альма замолчала.

- Ты все сказала? - спросил Чик. - Это было настоящее выступление.

- Да, все. И нечего умничать.

- А я и не умничаю. Я сказал, что это было настоящее выступления, потому что и в самом деле так считаю. Видишь ли, я не особенно силен в теориях. Я рос как раз среди тех людей, о которых ты говорила. Сосед по одну сторону от нашей квартиры бил своих ребятишек, сосед по другую сторону купил за пятнадцать долларов здорового пса, чтобы тот задал трепку нашей собаке. С теориями у меня так же, как и со спиртным: я знаю, когда нужно остановиться. Я не борец за мир, но и не сторонник войны; если начнется схватка, подозреваю, что не стану стоять в стороне. Я - всего лишь животное.

Он сказал это просто, без пафоса, стыда и рисовки.

- Чик! Но почему, Чик?... - воскликнула Альма, а потом добавила:

- Ладно, ты - всего лишь животное.

К счастью, их существует множество видов.

- Верно, - усмехнулся Чик. - Теперь к вопросу о похищении дневника. Я рад, что ты решила отказаться от десяти тысяч, потому что, если ты когда-нибудь решишь выйти замуж за животное и этим животным случайно окажусь я, из этого ничего не выйдет. Я никогда не смогу жениться на деньгах. Но ты утверждаешь, что хочешь поймать этого миллионера, а я говорю, что хочу, чтобы ты была живой и невредимой. Как ты посмотришь на то, если где-то в четверть восьмого я приеду и спрячусь у тебя в чулане, а потом выйду, спеленаю твоего визитера и позволю тебе устроить ему взбучку... Так, уже час дня, и тебе придется идти пешком, потому что я припарковал свой автомобиль практически в реке. В пятнадцать минут восьмого я могу рассчитывать на свидание в твоём чулане?

- Конечно. И ты хорошо знаешь, что я с самого начала хотела предложить тебе этот вариант. Ну, я должна бежать.

Чик сделал знак официанту, чтобы тот принес счет.

## Глава 11

Примерно в то же самое время, когда Чик Моффет заказывал кофе для себя и Альмы Кронин, два детектива, которые были посланы в больницу Святого Эразма, возвратились в Управление секретной службы и привезли с собой Вэла Оркатта и его мать. Льюис Уорделл и Скиннер доедали сэндвичи с сыром и допивали кофе. С совещания кабинета министров пришел Оливер - министр обороны. Он принес предложение принять решительные меры по отношению к автору написанной в духе милитаризма передовой, что была напечатана в последнем номере Вашингтонской газеты "Рекорд", которой владел Хартли Гриннел, зять Джорджа Милтона.

Эта же газета в том же номере и на той же полосе опубликовала воззвание к гражданам с призывом найти президента. Вопрос о решительных мерах был улажен без промедления. Кроме этого, у Оливера были и другие предложения. Нахмурившись, Уорделл выслушал их. Во время последовавшей за этим дискуссии вошел секретарь и доложил, что агенты привезли Вэла Оркатта.

- Джим, извините меня, - сказал Уорделл, - но мы должны отложить обсуждение. Доставили того парня, который привозил продукты в Белый дом, мы нашли его. Зайдите попозже.

Оливер встал из-за стола не в самом дружественном расположении духа.

- Кстати, Льюис, - сказал он, - по-моему, будет лучше, если вы оставите задачи подобного рода начальнику секретной службы Скиннеру и станете уделять чуть больше времени вопросам политики и важных мероприятий. Когда мы предоставляли вам полномочия, мы не имели в виду диктатуру.

- Берите себе эти полномочия, как только захотите.

- Нам они не нужны. Не заноситесь, Льюис, я думаю, мы не требуем ничего лишнего.

- А я и не заношусь. На это у меня просто нет времени. Я не спал всю прошлую ночь, и, судя по всему, мне не придется лечь и этим вечером. Поскольку это стало моей работой, я и делать ее буду по-своему. Я арестовал Браунелла и отправил его в тюрьму, а затем сообщил всем, что никто не должен даже пытаться увидеть его.

- Боже правый! - Оливер уставился на Уорделла. - Когда? Где? Зачем?

- В полдень, здесь, в этом самом кабинете. Газетчикам уже известно об аресте. Джим, у меня нет времени на объяснения. Заходите позже. - Уорделл обратился к секретарю:

- Пришлите их сюда.

Оливер изумленно покачал головой, повернулся и вышел из кабинета.

- Вы не будете возражать, если я пододвину свое кресло немного поближе? - подал голос начальник секретной службы. - Мне хотелось бы видеть лицо этого молодого человека, когда он будет давать показания.

- Конечно, - отозвался Уорделл, устало кивнув.

Когда детективы вошли, выяснилось, что они выудили двух рыб на одну наживку. Они ввели Вэла Оркатта, лицо которого казалось очень красным под ослепительно белыми бинтами, почти полностью скрывавшими его голову. А еще вместе с ними вошла невысокая полная женщина с начинающими седеть волосами, которая всем своим видом демонстрировала непреклонную решимость находиться возле арестованного. Она ни на шаг не отходила от него. Один из детективов, как бы извиняясь, доложил Уорделлу:

- Это его мать. Убеждать ее бесполезно.

- Выведите ее! - приказал ему Уорделл, а затем обратился к другому детективу:

- Посадите его сюда.

Вэл Оркатт тяжело опустился на указанный стул.

Мать ринулась за ним и встала рядом, положив руку на спинку стула.

- Выведите ее! - повторил Уорделл.

Первый сыщик взглянул на женщину, пожал плечами и заключил:

- Нам придется вытаскивать ее.

- Ну так вытаскивайте! - Однако Уорделл успел заметить гримасу на лице начальника секретной службы. - В чем дело, Скиннер?

- Нет, ничего. Прошу извинить столь явную демонстрацию чувств.

- Какие же чувства посетили вас?

- Обыкновенные. Разрешите ей остаться. Его так будет легче разговорить.

Уорделл посмотрел на Вэла Оркатта, потом снова на Скиннера и хмыкнул:

- Пододвиньте ей кресло!

Когда кресло оказалось возле нее, миссис Оркатт придирчиво оглядела его; потом села и, поерзав немного, сложила руки на коленях, а затем повернула голову и украдкой усмехнулась, глядя на детектива. Уорделл приказал сыщикам ждать в приемной, и они вышли из кабинета. А женщину он предупредил, что, как только она раскроет рот, ее выставят за дверь.

- Вы можете находиться здесь ровно столько, сколько будете сидеть молча.

В ответ на это она произнесла свою первую фразу:

- У моего мальчика голова разбита.

Вэл Оркатт бросил взгляд на мать и проворчал:

- Мам, ты бы помолчала.

- Как ваша голова? - спросил Уорделл.

Вэл поднял правую руку и провел ладонью по повязке.

- Эта сторона нормально, - сообщил он. Правая рука опустилась, и поднялась левая. - А с этой стороны ушиб. У меня немного кружится голова, но в целом все в порядке.

- Вас зовут Вэл Оркатт?

- Да, сэр.

- Вэлентайн Оркатт, - внесла уточнение женщина.

- Вы что, не помните, что вам было сказано? - Уорделл со злостью посмотрел на миссис Оркатт, а ее сын добавил:

- Мам, если ты не будешь сидеть тихо, тебя выведут отсюда.

Она молча кивнула, но видно было, что угроза не произвела на нее впечатления. А Уорделл продолжал:

- Вы водите грузовик компании "Каллахен".

- Да, сэр.

- И это вы доставили продукты в Белый дом вчера утром?

- Да, сэр.

- В какое время вы прибыли туда?

- Не знаю. То есть я хочу сказать, что точно не знаю. - Вэл сидел прямо, не откидываясь на спинку стула, положив руки на подлокотники и не отводя взгляда от лица допрашивающего. - Я выехал со склада примерно в восемь сорок. Стало быть, должен был приехать в Белый дом без десяти девять.

- Как долго вы являетесь членом общества "Серые рубашки"?

Вэл дважды моргнул. Однако он не дрогнул, и тон его голоса не изменился.

- Я не состою в этом обществе.

- А что, многие сотрудники компании "Каллахен" принадлежат к серорубашечникам?

- Из тех, кого я знаю, никто. Я в этом точно уверен - никто.

- Послушайте меня. - С этими словами Уорделл подался вперед. - Говоря не правду, вы причините себе один только вред. Я уже знаю ответы на некоторые из вопросов, которые задаю вам. Ответы на остальные прояснятся к концу разговора. Даже при самом поверхностном размышлении единственное, что вам остается, - это говорить мне правду, и не какую-то ее часть, а всю правду.

- Да, сэр.

- Давно ли вы стали серорубашечником?

- Я уже сказал вам. Я никогда им не был.

- А когда вы познакомились с секретарем президента Гарри Браунеллом?

- Я не знаю этого человека. Никогда его не видел.

- Ерунда. Он арестован, сейчас сидит в тюрьме и уже дал показания. Вы будете настаивать на том, что не знаете его?

- Не только не знаю, я даже никогда не видел его.

Понятия не имею, кто он такой.

Уорделл откинулся на спинку кресла:

- Ну хорошо. А вы можете рассказать мне о том, что вчера утром произошло у Белого дома?

- Да, сэр, - сказал Вэл и моргнул. - Я прибыл туда без десяти девять и доставил три корзины с бакалейными товарами и овощами и еще одну корзину с мясом. Это все, что находилось в грузовике. В кладовой Белого дома оказалось несколько пустых корзин, которые мне нужно было забрать, и я бросил их в кузов. Обе дверцы были открыты; дело в том, что задние дверцы этого грузовика - двойные. Я задвигал корзины в глубину кузова; в это время послышался какой-то шум, и я хотел обернуться, но тут кто-то сильно ударил меня по голове.

Уорделл уставился на Вэла с недоверием:

- И это все, что вы помните?

- Да, сэр.

- И вы хотите, чтобы я поверил в это?

- Да, сэр. - С этими словами Вэл Оркатт поднял левую руку и осторожно провел ею по повязке, а потом потер лоб. - Это все, что я помню. Немногим раньше, до тех пор пока не пришла мама, я

не помнил даже этого. Думаю, меня ударили деревянной дубинкой. Она рассекла кожу, но не проломила череп.

- Кто ударил вас? Вы видели его?

- Нет, сэр.

- Вообще не видели?

Вэл хотел было отрицательно покачать головой, но, скривившись от боли, передумал.

- Да, сэр, - сказал он, - не видел. Я только слышал шум.

- Кто доставил вас в больницу?

- Не знаю. То есть я хочу сказать, что не помню.

Мне говорили, что "скорую помощь" для меня вызвал какой-то полисмен. Это все, что я знаю.

- А где этот полисмен обнаружил вас?

Вэл нахмурился и опять потер лоб. Миссис Оркатт посмотрела на сына и перевела взгляд на Уорделла:

- Если хотите узнать, спросите у меня. В больнице мне все рассказали. Весь окровавленный он шел по газону вдоль берега Потомака, и, когда полисмен остановил его, Вэл не мог вспомнить, ни как его зовут, ни чего-либо еще...

- В какое время это было?

- Утром, примерно в одиннадцать часов. Полисмен вызвал "скорую помощь", а в больнице решили, что он получил ранение в одной из уличных потасовок, и сперва врачи подумали, что он просто не хочет говорить, как его зовут, потому что он - коммунист или кто-то там еще. Так или иначе, они не обратили особого внимания на это, потому что приемный покой был битком набит пострадавшими. И только сегодня утром доктор обнаружил, что Вэл и в самом деле потерял память.

Когда он не пришел домой прошлым вечером, я встревожилась, а тут еще около девяти часов стали приходить какие-то люди и наводить справки. А позже пришли еще какие-то люди; они задавали миллионы одних и тех же вопросов мне и моему мужу, одних и тех же, снова и снова. Потом два человека остались дежурить у парадного подъезда моего дома и еще двое - у черного хода.

Они находились там всю ночь. Я полагаю, они и сейчас там дежурят. Как только рассвело, я собралась на поиски Вэла и велела мужу оставаться дома на случай, если Вэл вернется, пока меня нет. Те мужчины, что дежурили у парадного подъезда, сперва не хотели выпускать меня, а потом один из них решил отправиться вместе со мной. Я пошла в полицейский участок, жена тамошнего лейтенанта - моя подруга. Однако лейтенант сказал, что поисками Вэла уже занято более сотни мужчин и что он, лейтенант то есть, ничем не может мне помочь. Я попробовала связаться с мистером Кемпнером, это управляющий компании, где работает Вэл, но того не было дома, и мне не удалось его найти.

Я обошла несколько больниц, а потом отправилась в морг, где мне пришлось участвовать в опознании четырех мертвых мужчин. Потом я направилась в больницу Святого Эразма, и здесь, в отделении "Скорой помощи", и оказался Вэл. Он только смотрел, но никак не узнавал меня. Я стала задавать ему разные вопросы, но он не понимал, о чем я толкую. Поэтому я заставила его высморкаться.

Миссис Оркатт сделала паузу, чтобы перевести дух.

- Итак, - нетерпеливо сказал Уорделл, - вы заставили его высморкаться.

- Да, сэр. У Вэла был нормальный цвет лица, и мне сказали, что завтракал он с большим аппетитом. Поэтому мне стало ясно, что с ним ничего серьезного не произошло, ему только нужно прочистить мозги. Я прижала платок к его лицу и, как это было, когда он пешком под стол ходил,



велела ему изо все сил выбить нос. Санитарка кричала мне, чтобы я этого не делала, но я заставила его высморкаться. Вэл кричал, что от этого дела у него болит голова, но потом он посмотрел на меня и сказал:

"Мама", и я заплакала. Санитарка позвала врача, и тот сказал, что это просто удивительно.

- Да, - согласился с ней Уорделл, - просто удивительно, несомненно. Скажите, наверное, ваш сын хорошо умеет притворяться?

- Нет. Вэл не притворяется. С вашей стороны жестоко спрашивать его, является он серорубашечником или нет. Ему улыбался президент и даже разговаривал с ним.

Вам бы послушать, какого Вэл высокого мнения о президенте, как он восхищается им, как...

Уорделл перебил ее:

- Вы же сами сказали - он прикидывался, что не понимает, о чем вы толкуете.

- Ну, вы-то, полагаю, понимаете, о чем я толкую. Я говорю о том, что в голове у него не было ясности.

- Вы хотели сказать, что он притворялся. Вы сами сказали, что он вполне здоров.

Миссис Оркатт протестующе замахала руками, словно хотела оттолкнуть Льюиса Уорделла. Потом она снова сложила их на коленях и произнесла с некоторой долей презрения в голосе:

- Какой смысл с вами говорить, коли вы ничего не понимаете.

Уорделл мрачно посмотрел на нее и нажал кнопку на письменном столе. Вошедшему секретарю было поручено прислать в кабинет трех агентов. Не прошло и десяти секунд, как они уже стояли у стола. Одному из них Уорделл приказал отправиться в больницу Святого Эразма и доставить сюда врача и медсестру, у которых Оркатт находился на излечении, другому было велено поехать в дом Оркаттов и привезти отца Вэла, а третий получил задание найти полисмена, который подобрал Вэла в Потомак-парке. Агенты ушли.

Начальник секретной службы Скиннер завозился в кресле, устраиваясь поудобнее, - теперь он полусидел-полулежал, засунув руки в карманы, опустив подбородок на грудь и подняв брови; при этом глаза его, вопрошающие и не находящие ответа, неотрывно смотрели в красное мальчишеское лицо Вэла. Уорделл бросил взгляд на Скиннера:

- Ну а вы что скажете?

- Да ничего, продолжайте, - отозвался начальник секретной службы, не сводя глаз с Вэла, - в недостатке любознательности вас трудно обвинить. Просто я тут подумал, что, если надавить на то место, по которому он получил дубинкой, не сможет ли это действие заставить его вспомнить побольше о том, что там происходило? Например, вдруг он вспомнит, что его ударили той тяжелой тростью, которую всегда берет с собой президент? Она ведь, как вы помните, тоже числится пропавшей. Но с другой стороны, хотя бы ради смеха, вы могли бы сделать вид, что думаете, будто он говорит правду.

Уорделл оглядел Вэла Оркатта и сказал:

- Если надавить на рану на вашей голове, это ведь будет новая разновидность допроса третьей степени, не так ли?

- Да, сэр.

- Мы думаем об этом. Значит, президент улыбался вам и говорил с вами. Когда это было, вчера?

- Нет, сэр. Такое случилось несколько раз, в основном прошлым летом.

- Вы видели его вчера?

- Да, сэр.

- Вот как! Где вы его видели?

- Когда я проезжал, он стоял на газоне возле кустов.  
Он смотрел, как они цветут. Это были рододендроны.

- Он говорил с вами?

- Нет, он смотрел на цветы.

- А что еще вы видели?

- Только часового у ворот.

- А садовников?

- Нет, не видел, сэр.

- Но они там были.

- Должно быть, они возились с цветами в оранжерее, я не видел их.

- И охранников не видели?

- Никого, за исключением часового. Как правило, охранники редко стоят у проезда к дому.

- А когда вы уезжали оттуда, вы заметили часового?

- Нет, сэр. - Оркатт судорожно вздохнул. - Как я мог заметить хоть что-нибудь, уезжая оттуда?

- Действительно. Ведь вас ударили деревянной дубинкой, чем-то вроде тяжелой деревянной трости. Но когда вы въезжали на территорию, у вас с головой было все в порядке?

- Да, сэр.

- Тогда вы должны знать вот что. - Уорделл заметно помрачнел. - Смотрите не совершите ошибки, отвечая на этот вопрос. Когда вы въезжали на территорию Белого дома, кто еще, кроме вас, находился в грузовике?

- Никого.

- Это правда?

- Это - абсолютная правда.

- Откуда вам это известно?

- Как откуда... - Оркатт поморщился. - Если бы в машине находился кто-то еще, я бы знал об этом. У грузовика закрытый кузов, с дверцами на задней стенке. С места водителя я могу видеть, что делается внутри. Когда я подъехал к Белому дому, чтобы вынуть корзины, мне пришлось открывать дверцы кузова. Ну как кто-то мог бы спрятаться в машине так, чтобы я не увидел его?

- Но кто-то же был в ней. Кто-то ведь ударил вас.

Как он смог бы попасть на территорию Белого дома, если не в вашем грузовике?

- Не знаю. Думаю, что есть еще какие-то возможности проникнуть туда. Ведь охранников не расставишь повсюду.

- Что верно, то верно. - Уорделл ссутулился, поставив локти на стол. - И это - один из фактов не в вашу пользу. Вы ежедневно доставляете продукты в Белый дом, и вам известно, где в этот час должна находиться охрана. Вам известна привычка президента прогуливаться на свежем воздухе примерно в это время. Вы лжете, - говоря это, Уорделл повысил голос, - вы лжете, в то время как единственная возможность спасти свою жизнь - это сказать правду. Вы отдаете себе отчет, что ждет каждого участвующего в этом деле? Смертная казнь.

Вы понимаете это, Вэл Оркатт? Вас ждет смертная казнь.

У вас нет никаких шансов на спасение. Скажите мне всю правду сейчас, и тогда, может быть, у вас появится один-единственный шанс. Ну, как мог кто-то еще...

В это время подала голос мать Вэла. Она начала свое, прервавшее речь Уорделла выступление с относительно негромких заявлений, утверждавших, что ее мальчик не лжет и что бессмысленно угрожать ему подобным образом. Но когда она увидела, что ее ремарки оставлены без внимания и

Уорделл продолжает настаивать на своем, она вскочила со стула и начала вопить во всю глотку. Скиннер встал, подошел к ней и взял ее руку. Его рукопожатие, и отнюдь не ласковое, отвлекло миссис Оркатт от ее занятия. Она замолчала.

- Вон отсюда, - сказал Скиннер.

Ей достаточно было лишь раз взглянуть ему в глаза.

- Пожалуйста, не надо, я замолчу. Прошу вас! - взмолилась она.

Начальник секретной службы отпустил ее руку.

А Уорделл продолжал:

- Никто, кроме вас, не знал о подобных возможностях. Никто другой не мог знать, что ваш грузовик в нужный час окажется в нужном месте. Даже если преступники и смогли бы попасть на территорию Белого дома, что им здесь делать без грузовика? И в любом случае есть один довод, который решает все проблемы: часовой видел, как вы выезжали оттуда. Этого достаточно. Вам конец.

Когда он замолчал, Вэл Оркатт подождал какое-то мгновение, а затем сказал:

- Да, сэр.

- Да что вы хотите сказать этим вашим "Да, сэр"?

Боже правый, неужели вы не видите, что единственным вашим спасением является правда, и только правда?

- Я хочу сказать, - начал Вэл, - что я понимаю - мне конец. Я сказал вам правду, но вижу, что вы не хотите поверить мне. Скажу только одно: я не знаю, как похитители проникли на территорию Белого дома, и не знаю, откуда им было известно, что грузовик подъедет туда в нужное им время. Однако думаю, что подобные сведения могут быть известны многим, ведь я приезжаю туда каждое утро примерно в одно и то же время. И еще одно: часовой не видел, как я выезжал. Он не мог видеть этого, поскольку я и не выезжал. Думаю, что после того, как мне нанесли удар по голове, меня бросили в кузов грузовика, и я валялся там без сознания, но утверждать этого не могу. Как же часовой мог меня видеть? Однако послушайте, я чувствую, куда вы гнете, когда говорите о том, что меня ударили тростью президента. Это было не так, но мне ясно, на что вы намекаете. Но если бы это было и так, как часовому удалось бы увидеть, как я выезжаю? Чем бы меня ни ударили, но после такого удара я физически не был способен управлять грузовиком.

Миссис Оркатт дарила улыбки: сперва своему сыну, а затем всем остальным. Начальник тайной полиции Скиннер ее улыбку проигнорировал, а Уорделл ответил злобным взглядом. После этого он перевел взгляд на ее сына и уже не отводил его, собираясь с силами для новой психологической атаки, но ему помешал телефонный звонок. Трубку хотел было взять Скиннер, но Уорделл опередил его.

- Алло, - сказал он.

Звонил один из секретарей, сидевших в приемной.

Он сообщил, что мистер Биллингс, министр сельского хозяйства, настоятельно требует, чтобы его соединили с мистером Уорделлом, и отказывается передать что-либо на словах. Мистер Биллингс сказал, что не потерпит никаких отказов. В ответ на это Уорделл приказал:

- Соединяйте!

Мгновение спустя он услышал в трубке голос Биллингса, такой настойчивый, что почти звенел:

- Льюис? Я говорю из кабинета президента в Белом доме, рядом со мной находится миссис Стэнли. Здесь, в библиотеке, собрался весь кабинет министров, за исключением Моллесона. Вы немедленно должны присоединиться к нам.

- Я не могу прийти, - отрезал Уорделл.

- У вас нет выбора. Миссис Стэнли и мне удалось отсрочить голосование, но лучшее, что мы смогли сделать, - это убедить их в течение десяти минут ждать вашего прихода. Три минуты уже прошли. Время работает против вас, в этом нет никакого сомнения, и если вы не явитесь, произойдет черт знает что. Приходите немедленно.

- Это что, из-за Браунелла? Я уже сказал Оливеру...

- Дело не только в Оливере. Да, отчасти из-за Браунелла. Все очень сложно. Не тратьте времени на разговоры, приходите. Если кабинет проголосует против вас...

- Пусть голосует.

В трубке прозвучала пара щелчков, потом послышался какой-то шорох, а чуть позже Уорделл услышал голос миссис Стэнли:

- Мистер Уорделл, ради бога, приходите немедленно.

Уорделл открыл было рот, потом закрыл его, потом открыл снова и произнес:

- Хорошо. Задержите их. Я буду через пять минут.

Уорделл положил телефонную трубку и повернулся к Скиннеру. Глаза его были налиты кровью, волосы спутаны, воротничок сорочки был мятым и грязным от пота.

Встав из-за стола, министр направился в тот угол, где лежала его шляпа:

- Скиннер, я иду в Белый дом. Вы продолжайте вести здесь работу. До тех пор пока не последует новых указаний от меня или от кабинета министров, вы наделяетесь всей полнотой власти. Используйте ее не колеблясь.

И он выбежал из кабинета, даже не задержавшись, чтобы закрыть за собой дверь. Начальник секретной службы встал, подошел к двери, закрыл ее, а затем вернулся к своему креслу. Он посмотрел на Вэла Оркатта серыми пытливыми глазами и сказал:

- Ну хорошо, дружок. Давай начнем все с самого начала и посмотрим, не совершили ли мы каких-то ошибок. Например, скажи мне: еще до прихода доктора, когда у тебя была амнезия, кем ты себя считал?

## Глава 12

В четыре часа дня, в среду, в библиотеке дома Гриннелов собралось около дюжины человек. Здесь присутствовали: издатель газеты Хартли Гриннел, хозяин дома, а также старый, убежденный сединой Джордж Милтон, на деньги которого был куплен дом и дочь которого обставила это жилище с утонченным вкусом и изяществом. Кроме того, здесь находился нью-йоркский финансист Мартин Дрю; он так и не уехал в тот вечер понедельника, а после событий вторника изъявил решительное намерение оставаться до развязки. Еще здесь присутствовал вице-президент Соединенных Штатов Роберт А. Моллесон. С налитым кровью лицом, темными мешками под глазами и длинной сигарой в зубах, он сидел на кожаном диване, повернувшись спиной к длинному столу. Стоявший перед ним мужчина, высокий и худощавый, с редкими темными волосами, желто-зелеными глазами и большим чувственным ртом, был Д.Л. Ворменом, представителем стальных корпораций в законодательных органах, самым высокооплачиваемым лоббистом в мире. Остальные либо принадлежавшие к кружку, собравшемуся вокруг дивана, либо угнездившиеся на его краях, и лишь немногим менее известные, чем Мартин Дрю, и менее проницательные, чем Джордж Милтон, прибыли в основном из Нью-Йорка; правда, один из них жил в Вашингтоне, и еще один приехал из Чикаго. Там и сям стояли полные, наполовину полные и совсем пустые высокие бокалы для виски с содовой, и несмотря на то, что все окна были открыты, табачный дым висел таким плотным облаком, что Джордж Милтон давно уже оставил всякие

попытки взмахом руки отогнать его от своего лица и был вынужден удовлетворяться постоянным пощипыванием ноздрей, чтобы ослабить жжение в носу.

Собравшиеся здесь давали обильную пищу для ума сторонним наблюдателям. Философ нашел бы повод для печальной и обильной критики и порицания несоответствия своему назначению тех сосудов, которые даны человеческой расе в качестве грандиозных вместилищ, в которых она производит накопление мудрости и своей ужасающей мощи. Издатель газеты "Нью-Йорк геральд трибюн" не пожалел бы красноречия, чтобы выразить в стихах свое изумление по поводу того, какой конгломерат разума, славы и добродетели оказался собранным под одной крышей. Коммунист изошел бы пеной от ярости, видя, какие чудовища здесь осмелились принять человеческий облик. В соответствии со своими представлениями о моральных нормах гробовщик стал бы потирать руки, предвидя скорое увеличение спроса на рынке его услуг; статистик с сухой точностью математического расчета определил бы, что оказавшаяся перед ним дюжина человек олицетворяет находящееся под их контролем богатство Америки на сумму более пяти миллиардов долларов. Любое из этих наблюдений было бы правильным и бессильным изменить направление течения дел.

Д.Л. Вормен говорил с вице-президентом Моллесоном:

- Завтра, именно завтра. Я думаю, что в этом отношении они правы, но, поверьте мне, мистер вице-президент, здесь и речи не может быть о принуждении.

Вот уже десять лет Вормен жил в Вашингтоне. Более пяти раз он ездил с Моллесоном на рыбалку и тем не менее никогда не называл его иначе чем "мистер вице-президент". Как-то в загородном бунгало в Вирджинии ему довелось провести восхитительные выходные в компании с сенатором Алленом и двумя очень милыми молодыми дамами, однако Вормен никогда не обращался к последнему иначе, чем "сенатор". Он был самым высокооплачиваемым лоббистом в Америке.

- Никто не хочет принуждать вас, - продолжал Вормен. - Вас умоляют. Все просто волнуются, только и всего. Точно так же, как и вы, как и я, как и любой из нас. Мы вынуждены прилагать некоторые усиления, чтобы сохранить свои головы. Мы не просим от вас немедленных действий. Видит бог, нам не нужно никаких опрометчивых решений. В критической ситуации необходим решительный человек, и вы как раз то, что и требуется в данном случае.

Моллесон покачал головой. Зубами он так сильно прикусил сигару, что она чуть не переломилась.

- Нет, Вормен, - сказал вице-президент, - я четко объяснил вам свою позицию. Тот вариант, который вы, джентльмены, предлагаете, может стать необходимым...

Тут вдруг раздался громовой голос. Он принадлежал высокому, плотного сложения мужчине с тяжелой нижней челюстью и пепельными волосами, одетому в чудесно сидящий на нем коричневый костюм.

- А я настаиваю, - произнес он. - Если вам угодно, Вормен, вы можете умолять, а я буду принуждать.

Усвойте это, Моллесон, коль скоро вам угодно так квалифицировать мои действия. Вы просто визжите, как кролик, и вскоре сможете сами узнать, что обычно случается с кроликами.

Большой чувственный рот Вормена искривила недовольная гримаса. Он дождался, пока обладатель громового голоса закончит свою речь, а потом повернулся и проскользнул между двух кресел туда, где стоял обладатель громового голоса и чудесного коричневого костюма. Вормен дождался, когда возобновится шум голосов в группе людей, окружавших Моллесона, и под прикрытием этого шума шепнул:

- Мистер Дэнхем, я бы хотел перекинуться с вами парой слов.

Сказав это, он направился в дальний угол библиотеки, и мужчина в коричневом костюме последовал за ним.

Здесь, стоя возле окна, обладатель громового голоса заговорил.

- Вормен, вы просто осел, раз пытаетесь улестить его, - пророкотал он. - Если таков ваш стиль работы, чего же удивляться той путанице, которая царит здесь уже целый месяц.

- Вы любите ездить верхом, - вдруг сказал Вормен.

- Ну и что в этом такого?

- Вам когда-либо приходилось скакать на испуганной лошади? Не на робкой или упрямой, а именно на испуганной? Вы пытались запугать ее? А если пытались, то чем это кончалось?

- Не вижу смысла обсуждать это. Выдумывая басни, с таким кризисом, какой мы имеем сегодня, не справится.

- Может быть, и нет. Я просто приводил пример.

Вы назвали Моллесона кроликом. Вряд ли вам удалось бы сказать что-нибудь худшее, потому что он и в самом деле кролик. Говорю вам, мистер Дэнхем, ситуация абсолютно отчаянная, и мы не вправе делать какие-либо ошибки. Очень жаль, что мистер Дрю привел сюда вас и всех остальных: вместо того чтобы облегчить процесс, это только затрудняет его. Вы настолько привыкли к тому, что вам все подвластно, что думаете, так будет всегда. Сейчас от вице-президента нам требуется не просто послушание, а нечто гораздо большее: мы должны заставить его проявить храбрость. Дело не в том, что он не хочет быть храбрым, конечно хочет. Но я не могу придумать худшего способа убедить человека в том, что он - храбрый, обзывая его при этом кроликом.

На какое-то время Дэнхем застыл, вытаращив глаза. Привыкший повелевать и быть хозяином, он не мог долго продолжать разговор в таком ключе, разве что только уволить Вормена с работы, но в данный момент это было бы очень непрактично. Поэтому он сменил тему беседы:

- На этой неделе мы должны вступить в войну.

- Я знаю это. Возможно, так оно и будет.

- Мы должны вступить. Русские отброшены за реку Тунгуску. Еще один месяц, и с ними будет покончено.

Через две недели Советы войдут и в Берлин, и в Рим, и фронт рухнет. Сегодня акции Федеральной стальной корпорации продаются за двадцать восемь. В день, когда наш военный флот выйдет в море, их стоимость на рынке за три часа возрастет втрое.

- Да, да, конечно, - в тоне Вормена чувствовалось едва заметное легкое нетерпение, - это настоящая потребность, весь вопрос в том, как ее удовлетворить.

Мой совет, как нужно работать с вице-президентом, был оставлен без внимания, и результаты оказались самыми плачевными. Теперь нет никакого смысла заставлять его принимать на себя обязательства, потому что он никогда не сделает этого. Нужно было всего лишь подкинуть ему подходящую нам идею, постепенно заставить его свыкнуться с ней и вселить в него убеждение, что он будет иметь перевес, пользуясь безусловной поддержкой. Таким путем его можно было бы использовать до тех пор, пока не будет готов к действиям министр юстиции.

- И где этот ваш министр юстиции? Заседает там с этой кучей идиотов...

- Разумеется. Мистер Дэвис будет там, где он и должен быть, с кабинетом министров. Он совсем не то, что Моллесон, он очень храбр, он - человек действия, и при этом не поддастся никакому нажиму, которому мы могли бы подвергнуть его. У него есть воображение, он - патриот, и он возмущен принудительными ограничениями, которые правительства воюющих стран наложили на нашу торговлю и на передвижение наших граждан.

Люди...

- Но ограничения наложены и той и другой стороной. Они все так сделали.

- Однако даже мистер Дэвис не сможет сражаться на стороне обеих воюющих сторон. Он должен выбирать, и, конечно, выбор уже сделан. Люди, которые в наибольшей степени могут повлиять на него, встречаются с ним сегодня вечером у Коркорана. Все они тщательно подобраны, и все они будут там. Если получится найти верный тон в разговоре, ему наше предложение понравится; а если ему что-то нравится, он приступает к делу без промедления. Тогда завтра же утром он пойдет к Моллесону и сообщит ему, что министерство юстиции пришло к убеждению, что в соответствии с конституцией пост президента считается свободным и в силу этого обстоятельства президентом Соединенных Штатов оказывается он, Моллесон. Дэвис знает Моллесона так же хорошо, как и я, и ему известно, как обращаться с ним.

Нет, он не будет даже упоминать про войну, он просто скажет Моллесону, что отныне тот - президент Соединенных Штатов. Увидев такую наживку, Моллесон будет просто не в силах пройти мимо. Дэвис подготовит почву, Моллесон займет кабинет президента, и тогда настанет время обрушить на него нашу лавину, которой он не сможет противостоять. Мы получим декларацию об объявлении войны завтра же, еще до захода солнца.

- Против этого выступят Уорделл и Лигетт. А также Стерлинг и Джекмен. Они добьются актов, отменяющих назначение Моллесона.

- От кого? Верховный суд здесь бесполезен. Где найдется такой судья, который осмелится взять подобное решение под свою юрисдикцию? Да и в любом случае на это просто не будет времени. Прежде чем соответствующее предложение будет согласовано и утверждено, война уже будет объявлена. А потом, кто сможет остановить ее? Это будет не по силам самому Стэнли... даже если тот вернется через час после ее объявления.

Дэнхем задумался. Глаза его были полузакрыты, вялые, капризные губы плотно сжаты, голова свесилась на грудь. Медленным и неуверенным движением, как бы на ощупь, он нашел карман пиджака, порылся в нем и достал портсигар из выделанной кожи. Через секунду выяснилось, что портсигар пуст.

- Вормен, у вас есть сигары?

- Я курю сигареты. Но в библиотечном ящике для кондиционирования сигар есть какие-то.

- "Панательяс"? - Дэнхем назвал марку с пренебрежением. - Это все равно что курить солому. Послушайте, Вормен, мы платим вам шестьдесят тысяч в год?

- Пока да, платили.

- Вы их заработали. Скажите, а куда вы дели президента?

Чувственный рот лоббиста скривился в усмешке, и в желто-зеленых глазах заискрился смех. Этот неожиданный смех пугал.

- Нет, мистер Дэнхем. Шестидесяти тысяч в год здесь будет мало.

- Сам знаю, что мало. Не сомневайтесь, вам заплатят. Так где он?

- Не имею ни малейшего понятия. Равно как и любой из нас, я могу строить догадки, но не поставлю на них и ломаного гроша.

- Правильно, - кивнул Дэнхем, - вы не хотите доверять даже мне. Вы совершенно правы. Насколько мне известно, ваш дом уже подвергли обыску.

- Обыску подверглась половина домов в Вашингтоне. Да, сэр, если бы до этого дошло, то в данном вопросе я не стал бы доверять даже вам. Однако до этого не дошло.

- Вы говорите это честно и прямо?

- Конечно.

- А в чем заключается ваша догадка?

- Это дело рук Джорджа Милтона. - Сказав это, Вормен пожал плечами. - Я не располагаю ни доказательствами, ни намеками, одной только догадкой. Ее поддерживают два факта: во-первых, он финансирует движение "Серые рубашки", в этом нет никакого сомнения; во-вторых, уж слишком он настаивает на своей версии исчезновения президента.

- Он всегда настаивает на своих версиях.

- Да. Но они никогда еще не были столь нелепыми, как эта его идея, что, дескать, президент, как в засаде, затаился в Белом доме, выжидая удобного случая, чтобы сокрушить нас. Ерунда. Белый дом обыскали снизу доверху, и в любом случае подобный маневр не мог бы пройти незамеченным, в него было бы вовлечено очень большое число людей. Я не верю в это. Джордж Милтон говорит, что мы недооцениваем Стэнли. Он делает вид, что его нисколько не интересует вся наша работа с Моллесоном и Дэвисом, он заявляет, что все это впустую, потому что Стэнли уже подготовился и только и ждет наших действий. Но это же нелепо! Вот почему я думаю, что это - Джордж Милтон. Вы только посмотрите, как он сидит там и смотрит на нас. Мы делаем только то, что он позволяет нам делать.

- Если вы правы, то его песенка спета. Ну ладно, Вормен. К вопросу о Моллесоне. Я согласен.

С этими словами Дэнхем повернулся и направился к группе, собравшейся возле дивана. Вормен неторопливо последовал за ним, смех исчез из его желто-зеленых глаз.

Чтобы впустить нового гостя, слуга открыл облицованную массивными панелями дверь. Наблюдая за происходящим, Вормен остановился, прячась в своем убежище, теперь в глазах его появился азарт, как при охоте на лис. Но вот он двинулся снова, уже по направлению к двери, говоря:

- Господин министр, мы уже не надеялись дожждаться вас.

Со стороны дивана тоже донеслись приветствия, их перекрыл голос Мартина Дрю:

- А, это ты, Шик! Сбежал-таки с корабля!

Обменявшись рукопожатиями с Ворменом, вновь прибывший, слишком малорослый и слишком толстый, чтобы быть похожим на крысу, переваливаясь, направился к дивану. За ним следили семь или восемь пар глаз, холодно-враждебных и в то же время полных надежды.

Такие глаза обычно можно увидеть на аукционах у покупателей, долгое время соревнующихся между собой за право покупки. Внезапно красное лицо вице-президента Моллесона побагровело, а бегающим глазам стало еще труднее смотреть прямо. Вынув сигару из тисков своих зубов, он спросил:

- Ну как, Теодор, вы закончили совещание? Надеюсь, вам, парни, удалось найти решение для большего числа вопросов, чем нам.

Вормен представил нового гостя:

- Джентльмены, это мистер Теодор Шик, министр торговли.

Затем он назвал несколько имен присутствовавших в библиотеке, последовало несколько дежурных кивков.

- А что, Шик, они там по-прежнему грызут ногти на заседаниях? - задал вопрос Мартин Дрю.

Казалось, что Теодора Шика забавляло увиденное.

Он бросил взгляд на Джорджа Милтона, который сидел в дальнем конце стола, отделенный от остальных добрым десятком футов, и который даже не посмотрел в его сторону. Затем Шик обратился к Хартли Гриннелу:

- Могу ли я что-нибудь выпить? Лучше бурбон или ирландское виски. - Он повернулся к Моллесону:

- Однако, Боб, мне казалось, что вы не собирались уходить с вахты. Хотя какое это имеет значение, все равно центральной фигурой зрелища был Льюис Уорделл. Им очень хотелось бы



выбить его из седла, однако никто не хочет брать это на себя. Он обскакал их всех. Это было даже красиво. Льюис - человек с характером.

- А Браунелл все еще под арестом? - поинтересовался Моллесон.

Сперва Шик кивнул в знак согласия, потом он кивнул еще раз, но теперь в знак благодарности Гриннелу, который принес ему виски.

- Не подлежит обсуждению. - Сказав это, Шик с удовольствием отпил из своего бокала. - Уорделл не намерен оставлять ни один камень не перевернутым.

От этого многим не поздоровится. - Он улыбнулся Моллесону. - Боб, он также интересовался, почему вы покинули заседание, и задавал о вас наводящие вопросы.

Не вынимая сигары изо рта, вице-президент хмыкнул и проговорил:

- Он может идти ко всем чертям. А что, совещание прервано?

- Нет. Там обсуждаются... некоторые предложения.

Уже приняты решения по поводу одних шагов, а другие находятся под обсуждением. Я не голосовал ни "за", ни "против" и покинул совещание, как только оттуда ушел, одержав победу, Уорделл. Я пришел сюда по просьбе моего друга Мартина Дрю. - Тут Шик улыбнулся Дрю, а затем обвел взглядом остальных. - Я полагаю, вы, джентльмены, приехали в Вашингтон, чтобы апеллировать к президенту, а он отсутствует. Досадно, не правда ли? - Шик сделал еще один глоток виски. - Дрю, я был приглашен сюда только для того, чтобы насладиться бурбоном?

- У нас должен быть президент, - сказал Мартин Дрю. - Если пост президента свободен, Моллесон должен занять его. Я подумал, что, вероятно, вы согласитесь с этим.

- Вчера я бы согласился, - пронизательные глаза Шика были полузакрыты, - а сегодня боюсь, что нет.

Я никому не противостою и никого не поддерживаю. За последние двадцать четыре часа страна превратилась в пороховую бочку. Я не стану помогать поджигающим фитиль, на мой взгляд, это очень опасно. По моему убеждению, лучше найти убежище и вести наблюдение из укрытия. Конечно, мне ваша игра известна, те, кто не знает, могут ее разгадать. Сегодня я слышал, как среди прочих вопросов министр юстиции занимался и ее обсуждением. Говорю вам: Льюис Уорделл - человек с сильным характером, он имеет влияние на Оливера, и, если возникнет критическое положение, он не колеблясь призовет армию. Вам, джентльмены, потребуется сила. Из Форт-Майерса в Вашингтон направлены дополнительные воинские подразделения. Вормен, я знаю, что по части интриг равных вам нет; а умеете ли вы стрелять? Лично я - нет.

- Господин министр, придя сюда, вы подвергаете себя известному риску, - заметил Вормен.

Шик с восхищением улыбнулся ему:

- Вормен, вы до точки верны себе. И как все деликатно изложено! Если бы не препоны, навязанные неповоротливостью демократии, вы бы, подобно кардиналу Ришелье, управляли судьбами целого королевства. Однако я пришел сюда не с тем, чтобы благословлять ваш проект, и не с тем, чтобы критиковать его, а с личным посланием.

С этими словами Шик двинулся дальше. Кресла вокруг дивана стояли очень близко друг к другу, и ему пришлось протискиваться между ними, чтобы оставить эту компанию. Он прошел мимо стола, остановился прямо перед Джорджем Милтоном и заговорил с ним, нимало не трудясь понизить голос, чтобы разговор принял конфиденциальный характер:

- Вы меня знаете.

- Достаточно неплохо, мистер Шик, - кивнул старик.

Шик улыбнулся:

- По-прежнему никаких уступок, сэр? Совершенно правильно. Мое персональное послание направлено вам.

Когда-то вы помогли мне. Мне известно, что случайно это совпало и с вашими интересами, но от этого ваша помощь не стала менее важной для меня. Я пришел сюда, чтобы сообщить вам, что в течение ближайшего часа кабинет министров примет решение о вашем аресте. Вы не слишком молоды, и я подумал, что, может быть, вы захотите избежать этого.

Джордж Милтон кивнул снова:

- Благодарю вас. Когда за дело берутся дураки, невозможно избежать неприятных последствий.

- Как я полагаю, цель ареста в том, чтобы получить от вас сведения, касающиеся вашего сговора с Браунеллом, а также похищения президента организацией "Серые рубашки" и его местонахождения в настоящее время.

- Неплохо.

- Совершенно верно, сэр. Я бы посоветовал...

Шик начал развивать свою мысль, но неожиданное событие привело к тому, что его соображения по этому поводу отступили на второй план. В библиотеку вошел слуга. Он обогнул группу, собравшуюся на диване, и, приблизившись к Джорджу Милтону, остановился на почтительном расстоянии, ожидая, когда Шик закончит свою речь. Шик замолчал.

- Что там у вас? - спросил Джордж Милтон.

- Пришел человек. Он хочет видеть вас, сэр.

- Кто такой?

- Он назвался Крамером. Тот самый человек, который был здесь вчера.

Джордж Милтон тяжело оперся на подлокотники кресла и встал на ноги, игнорируя предложения помощи, исходившие от Шика.

- Еще больше дураков, Шик, - сказал Милтон, направил длинный белый палец на группу, собравшуюся у дивана, и добавил:

- Вы правы, презирая их. Оказывается, вы проницательны. Это так или, может быть, вы просто трус?

- И то и другое, - усмехнулся Шик.

- А что бы вы сказали, если бы я сегодня вечером или завтра утром представил доказательство того, что исчезновение президента было подготовлено им самим и его женой? Это заинтересовало бы вас?

- Если это не будет простым предположением, если будут представлены доказательства, то, конечно, я найду это очень занятным.

- Хорошо. Прав ли я, предполагая, что, ознакомившись с такого рода доказательствами, и конгресс, и страна будут решительно настроены против президента?

- Если доказательства будут убедительными, у него не останется ни избирателей, ни сторонников. Но... тут все дело в доказательствах.

Джордж Милтон кивнул и повернулся к лакею:

- Идите медленно. Я вам не скаковая лошадь.

В холле слуга повернул налево, Джордж Милтон последовал за ним. Они обошли лестничную площадку и оказались в противоположном крыле дома. Лакей открыл дверь, Джордж Милтон вошел, и она бесшумно закрылась. Он оказался в комнате гораздо меньшей, чем библиотека. Здесь были письменный стол, несколько кресел, книги и газеты. Возле письменного стола стоял крупный мускулистый мужчина, одетый в зеленовато-серый костюм с коричневым галстуком.

- Вы опаздываете, - упомянул Джордж Милтон.

- Да, сэр. На улицах много солдат, и они останавливают...

- Это не имеет значения. С чем вы пришли?

- Ну... в общем, я пришел за деньгами.

- Вы за них хоть что-нибудь получите?

- Не знаю. Когда незадолго до середины дня она вышла из Белого дома, при ней не было никаких пакетов. У входа в министерство юстиции она встретила агента секретной службы, и они вместе пообедали.

С Уорделлом у нее встречи не было, хотя, конечно, она могла поговорить с ним по телефону. Браунелл заключен под стражу. Я поставил одного из моих людей наблюдать за ней. Но она могла спрятать товар под одеждой...

- Вы встретитесь с ней в восемь часов?

- Да, сэр.

Джордж Милтон подошел к письменному столу, отпер его и выдвинул ящик. Оттуда он достал небольшой сверток в коричневой бумаге, перетянутый резинками.

- Здесь десять тысяч долларов, - сказал он. - Если она принесет товар, посмотрите, что там, прежде чем платить ей. Затем немедленно несите его сюда. Если вы от нее ничего не получите, все равно возвращайтесь. Я не люблю, когда мои деньги в течение целой ночи плавают неизвестно где.

- Да, сэр, - ответил на это мужчина, положил сверток во внутренний карман и застегнул пиджак на все пуговицы.

- И вот еще что, Крамер... - Нижняя челюсть Милтона начала дрожать. Он ненавидел это произвольное сокращение мускулов, но было слишком поздно предпринимать какие-либо попытки подавить пароксизмы возбуждения, которые в течение половины столетия отмечали пунктиром дни переживаний, которые привели его к власти и богатству. С течением времени оказалось невозможно полностью контролировать эти пароксизмы. Нервный тик безжалостно разрушал ослабленные возрастом линии обороны, и Милтон больше не мог сдерживать произвольные движения челюсти. Но его голос говорил ему самому и окружающим, что он по-прежнему оставался тем же самым Джорджем Милтоном. - Так вот что, Крамер. Я знаю вас как человека энергичного и инициативного. Что, если девушка не сможет взять дневник? Если вы сами добудете его сегодня вечером, я заплачу вам двадцать тысяч долларов.

А если в нем будет то, на что я надеюсь, вы получите пятьдесят тысяч.

Мужчина покачал головой:

- Нет, сэр. Возможностей сделать это мне не представится.

- Я заплачу вам сто тысяч долларов, если в дневнике будет то, что мне нужно.

- Но, сэр, это невыполнимо и за миллион долларов.

Мне не нужно объяснять вам, дело не в риске. Вокруг Белого дома солдаты стоят на каждом футе периметра территории, они буквально касаются друг друга локтями.

- Подкупите их. Проведите отвлекающую диверсию.

Вы мужчина или мальчик на посылках? Что значат для вас несколько солдат?

Крамер снова покачал головой:

- Не стоит и пытаться. Я работаю на вас и возьмусь за любое дело, кроме самоубийства. Так что нет, сэр.

- Чего вы боитесь? - Презрение и насмешка в тоне убежденного сединой старца сделали его голос еще более пронзительным. - В жилах у вас течет не кровь, а вода.

Неужели на свете больше не осталось мужчин? Единственный настоящий мужчина оказывается безумцем по имени Линкольн Ли. Жалкие ничтожные твари! - Нижняя челюсть никак не хотела успокоиться. - Черви!

- Может быть, и так. Ли в тюрьме, но, даже если бы он был на свободе, я не могу себе представить, как он перелезет через забор Белого дома. Возможно, девушка все же возьмет дневник. А может, это будет ловушка.

- То есть как - ловушка? Что вы хотите сказать?

- Ничего, сэр. Я позабочусь об этом.

- Ну конечно. Крамер, это достойно похвалы. Подумать только - черви! Мальчики на посылках. Продолжайте. Идите!

- Да, сэр.

Мужчина взял с письменного стола свою шляпу, еще раз ощупал нагрудный карман, убеждаясь, что деньги там, а затем открыл дверь и покинул кабинет. Он спустился по широкой лестнице, кивнул лакею, стоявшему в вестибюле нижнего этажа, и вышел из дома. На террасе он столкнулся с человеком, который как раз собирался войти, - плотный и быстрый в движениях парень, - казалось, что в его ступни вмонтированы пружины. Чтобы лучше рассмотреть его, Крамер замедлил шаг; то же самое сделал и тот, кто шел ему навстречу.

Когда они разошлись, Крамер успел разглядеть лицо встречного, однако его собственное лицо не стало объектом наблюдения - глаза молодого человека смотрели ниже подбородка агента, на узел коричневого галстука. Они разошлись, и Крамер пошел дальше по дорожке через лужайку, бормоча при этом:

Черт меня подери, если мне неизвестно, где обедал этот парень.

А молодой человек приблизился к входной двери и нажал на кнопку звонка. Как только щелкнула задвижка, он тут же, невзирая на меры предосторожности, предпринятые слугой, надавил на дверь плечом, чтобы обеспечить себе проход. Таким образом, он без особого промедления оказался в холле, что никак не отразилось на поведении лакея. Дело в том, что подбор слуг осуществлялся миссис Хартли Гриннел, дочерью Джорджа Милтона, и их задачей было не бороться с вторжением нежданных гостей, а выполнять функцию декоративного элемента, свидетельствующего о претензии хозяев на аристократизм.

На верхнем этаже Джордж Милтон вновь вернулся в библиотеку. Он обнаружил, что собравшаяся возле дивана группа осталась в том же составе, за исключением того, что Вормен и Теодор Шик, отойдя к окну, вели беседу и Теодор Шик держал в руке новый бокал виски. Было похоже, что с подсказки Вормена Дэнхем произвел перестройку внутри группы, с тем чтобы начать новую атаку на Моллесона. Последний, раскурив сигару и откинувшись на спинку дивана, сидел, задумчивый и рассудительный, кивая в знак согласия, в то время как Мартин Дрю снова объяснял свое видение кризисной ситуации. Джордж Милтон пересек библиотеку и остановился возле этой группы, с презрением оглядывая и ее членов, и объект их посягательств, но на самом деле не видя и не слыша их. Он с горечью размышлял о том, что стал слишком стар, чтобы позволить себе быть задержанным и доставленным на незнакомую территорию для встречи с Льюисом Уорделлом. И с еще большей горечью он думал о том, что этому не знающему аналогов столкновению всех видов оружия, этому величайшему сражению во всей его карьере суждено было случиться слишком поздно, когда стало трудно ожидать, что закаленная сталь его меча выдержит такую нагрузку. Ах, если бы двадцать лет назад... или хотя бы десять...

За своей спиной Милтон услышал скрип открываемой двери, а затем шаги по паркетному полу. Он не обернулся - шаги прислуги были хорошо знакомы ему.

Тем временем лакей прошел мимо него и обратился к хозяину дома, который Сидел на противоположном конце дивана. Хартли Гриннел поднял голову.

- Да, Томас, - сказал он.

- Сэр, вас желает видеть какой-то мужчина. Говорит, что он из секретной службы и у него есть значок.

Сперва послышался шепоток. Затем наступила тишина. Джордж Милтон не стал ждать, когда заговорит его зять, и бросил лакею:

- Дурак! Мистера Гриннела нет дома.
- Не пускайте его, - велел, отходя от окна, Вормен.

Лицо лакея залила краска.

- Извините, сэр, но он уже здесь.

Все повернулись к двери. Она открылась снова, и в библиотеку вошел мужчина. Он направился к ним энергичной походкой, в нем не было ничего угрожающего, просто это был человек, который делает дело. Никто из присутствующих не сводил с него глаз. Поднявшись с дивана, Гриннел потребовал:

- Убирайтесь из моего дома!
- Слушаюсь, сэр. - Подойдя к ним, мужчина остановился, достал из кармана пиджака блокнот, а из жилетного кармана карандаш. - Вы мистер Хартли Гриннел? Я скоро уйду. Прошу прощения, джентльмены, мне поручено переписать имена всех, кого я встречу здесь. Мне кажется, я знаю всех вас. - Он начал писать.

К нему шагнул Гриннел:

- Убирайтесь! Томас, выведите его. Вызовите Аллерса. Это незаконное вторжение...
- Что вы, сэр, это предусмотрено законом о военном положении. - Мужчина продолжал писать.
- Привет, Моффет, - сказал Моллесон.
- Доброго вам здоровья, мистер вице-президент.

Он кончил царапать в своем блокноте и положил его в карман.

Джон Милтон отступил на несколько шагов. Он слышал, как воздух с шумом пронесется сквозь его ноздри, и не мог допустить, чтобы это услышали другие. А Чик сказал:

- Мистер Гриннел, я уполномочен отвести вас в министерство юстиции и сообщить вам, если вы спросите почему, следующее: вам надлежит дать объяснение по поводу редакционной статьи, напечатанной этим утром в вашей газете. - При этих словах он повернулся:

- Мистер Вормен, вы тоже пойдете со мной.

Рот мистера Вормена скривился. Он негромко спросил:

- А я могу узнать почему?
- Я уполномочен сообщить, что вас ждет генеральный прокурор, чтобы получить ваши показания. Идемте, джентльмены.

Хартли Гриннел побледнел. Он был на грани истерики.

- Вы хотите сказать, что я арестован?
- Это не арест. Мне поручено только сопровождать вас.

Среди присутствующих возникло какое-то движение.

Чтобы обеспечить себе свободу маневра, Чик Моффет сделал шаг назад. От группы отделился Дэнхем и двинулся навстречу ему. Чик сунул правую руку в карман пиджака и резко скомандовал:

- Говорите с этого места.

Дэнхем остановился.

- Послушай, сынок, - сказал он, - мистера Гриннела и мистера Вормена здесь нет. Ты должен понять это. Закон о военном положении служит для поддержания порядка, а не для нарушения прав видных граждан.

Их здесь просто нет. Убирайся.

- Мистер Дэнхем, мне незнакомы эти положения закона, - отозвался Чик. - Идите и объясните их руководству. А вы двое следуйте за мной. Шагайте.

Однако Дэнхем пришел в этот мир, чтобы преодолевать любое сопротивление. Он крикнул:

- Дрю! Давайте выкинем его отсюда.

Мартин Дрю не без охоты согласился. Чик отступил еще на шаг и вытащил пистолет из кармана.

- Больше я отступать не буду, - заявил он. - Ближе ко мне не подходить!

Дэнхем и Дрю остановились; потом Дрю высокомерно заявил:

- Да не выстрелит он, не бойтесь! - и снова пошел вперед.

Одновременно с криком предупреждения раздался грохот выстрела, и Дрю рухнул на пол. На какое-то мгновение все замерли, а потом Дэнхем и все остальные бросились к нему.

- Назад! - скомандовал Чик, и они замерли.

Держась за стул, Дрю поднялся с пола.

- Не переживайте особо, мистер Дрю, - улыбнулся ему Чик. - Я ранил вас в ногу, потому что, если бы стрелял в руку, мог бы убить кого-нибудь, кто стоял за вами. Все остальные, отступите назад и не двигайтесь, пока я не выйду отсюда. - Немного позже он добавил:

- Благодарю. Мистер Вормен, мистер Гриннел, уходим. Идите к двери, и, пожалуйста, побыстрее.

Издатель газеты и лоббист поплелись к выходу.

- Откройте дверь, и, пожалуйста, без глупостей. - Чик, пятясь, вышел вслед за ними из библиотеки и подтолкнул их к лестнице.

Лакей закрыл за ними дверь. Дэнхем подошел к Дрю и крикнул, чтобы кто-нибудь вызвал врача. Чтобы от запаха пороха не саднило в ноздрях, Джордж Милтон снова пощипал их.

## Глава 13

В половине восьмого вечера в среду Альма Кронин сидела в своей комнате и ела крекеры с грибным супом, который она только что разогрела на электроплитке, хранившейся у нее в ванной. Ей удалось уйти из Белого дома только в половине седьмого. Лавина личных писем и телеграмм, которые с самого рассвета начали поступать на имя миссис Стэнли, в большей своей части не удостоивалась внимания получателя; однако Альме было поручено отобрать из всей массы те немногие сообщения, которые могли потребовать более глубокого изучения или имели отношение к настоящему кризису. Миссис Роббинс просила ее вернуться, чтобы поработать вечером, и девушка обещала прийти несколько позже.

В шесть тридцать Альма вышла из Белого дома. Она была встревожена. Тот мужчина, который должен был явиться к ней в восемь, конечно, не был дураком до такой степени, чтобы мысль о возможной ловушке не могла прийти ему в голову. Не станет ли он вести наблюдение за ее подъездом, чтобы видеть тех, кто будет входить? Такого человека, как Чик Моффет, сотрудника охраны Белого дома, он даже может знать в лицо.

Альма жила в небольшом трехэтажном каменном доме, одном из лучших среди сотен зданий подобного типа, которые там и сям стояли группами по всему Вашингтону и квартиры в которых состояли из комнаты и санузла. Они были спроектированы и построены так, чтобы обеспечивать, с одной стороны, прибыль их владельцам, а с другой - крышу над головой рядовым и младшим армейским офицерам, мужчинам и женщинам, состоявшим на службе у правительства. У заднего фасада был разбит небольшой садик. Квартира Альмы располагалась на втором этаже, в передней части здания, и выходила окнами на улицу.

Альма купила крекеры, банку консервированного супа и сразу же поспешила к себе, чтобы поскорее позвонить Чикку и предупредить его. Но застать его на месте не удалось. Девушка несколько раз звонила ему домой, но никто не отвечал; она даже позвонила в Управление секретной службы, но его и там не было. Наконец все попытки дозвониться были оставлены, и Альма стала есть крекеры с супом и волноваться. Она не находила себе места и пребывала на грани нервного срыва. У ее беспокойства было множество причин, но все они оказались связанными с тем обстоятельством, что ей двадцать четыре года и что жизнь, которая до этого представлялась ей ареной для проведения игр и захватывающих споров, неожиданно начала демонстрировать реальные стороны страстей и конфликтов. Гарри Браунелл, с которым Альме довелось несколько раз беседовать и который был в ее глазах благоразумным и рафинированным государственным мужем, оказался предателем, взятым под стражу и подозреваемым в гнуснейшем преступлении. Миссис Стэнли, любезная и приветливая Первая дама страны, жена президента, которой до всего было дело, одна из центральных фигур в жизни нации, вдруг превратилась в обычную женщину, у которой пропал муж. Она ничуть не выглядела пораженной горем и тревожностью, скорее ее переполняло приятное возбуждение по поводу представившейся возможности внести свою лепту в шум и гам, сопровождающие всеобщую суматоху и неразбериху. Подобно Гарри Браунеллу, в тюрьму попал и Артур - славный очкарик небольшого роста, который раньше сидел внизу, на складе Белого дома, и к которому все обращались, когда нужен был простой карандаш или удобрения для комнатных цветов. Теперь в приемной на его месте днем и ночью дежурил какой-то детектив. Чик Моффет, хоть он и не был частью этой всеобщей какофонии, этой атональной песни без слов, в которой переплелись ненависть, зависть и подозрение. Чик Моффет, хоть он и был особой, отдельной мелодией, звучавшей совершенно в ином ключе, представлял собой наибольший повод для беспокойства. Наверное, Альма чувствовала бы себя так же, если бы смотрела увлекательнейший спектакль, разыгрываемый на сцене, - поглощенная зрелищем, но вместе с тем отделенная от действующих лиц рампой, - и один из актеров внезапно спустился бы с подмостков, подошел и обратил свои реплики к ней, а затем... ну, например... наклонился и поцеловал бы ее. Конечно, на самом деле Чик Моффет не целовал ее, но, черт возьми, должно же прийти время, когда мужчина, даже такой застенчивый, как он...

В этот момент раздался стук в дверь. Альма пошла открывать, смахивая кончиками пальцев крошки от крекера со своих губ.

- Чик! - воскликнула она. - Привет, заходи. Я так и не смогла дозвониться до тебя.

Чик Моффет вошел в комнату, закрыл дверь и улыбнулся девушке. Свою шляпу он держал в руке.

- Надеюсь, ты уже пообедал, - продолжила Альма. - Как ты можешь заметить, у меня нечем поживиться.

Чик поглядел на пакет из-под крекеров и на миску с остатками супа.

- С тех пор как мы с тобой съели те отбивные, у меня во рту и маковой росинки не было, но я позабочусь об этом позже. Я боялся, что вообще не смогу прийти сюда, мы брали под арест всех, кто только числится в телефонном справочнике. А зачем ты мне звонила? Что, сделка отменяется?

- Сядь, пожалуйста.

- Если твой приятель не придет, я не буду садиться, лучше пойду и куплю пару порций окорока, и мы устроим пир.

- Ты настроен очень по-деловому, - заметила Альма.

- В самом деле?

Чик выглядел удивленным. Он стоял, размышляя над этими словами, и глядел на Альму. Взгляды их встретились, и оба замерли. Мысленно Альма делала отчаянные попытки схватиться

за единственную соломинку, которая еще оставалась в ее распоряжении, - за свое чувство юмора и за неизменное понимание комизма ситуации.

Она подумала: "Я знаю, что было в той чаше, из которой пили Тристан и Изольда. Там был грибной суп". Но должно быть, Чик прочел в ее глазах совсем другое, потому что он вдруг позволил своей шляпе упасть на пол, затем обнял Альму и поцеловал ее. На какой-то миг она задержала дыхание, а затем ответила на его поцелуй.

Объятия Чика становились все крепче и крепче, он целовал неумело, но, без всякого сомнения, вполне серьезно и с полной отдачей. Чувствуя, что у нее вот-вот закружится голова, Альма оттолкнула его; Чик тотчас разжал руки, отпустил девушку и отступил на шаг.

- Ты именно это имела в виду, когда говорила о деловом настроении? - спросил он.

Альма кивнула, потом засмеялась, но тут же осеклась.

- Чик, - проговорила она, - о Чик, поцелуй меня еще. Ой нет, не надо. Нет! У нас просто нет времени.

- Ваша встреча состоится?

- Да. Впрочем, не знаю. А ты давно хотел меня поцеловать?

- Очень давно, думаю, лет сто.

- Я пыталась дозвониться до тебя и сказать, чтобы ты вошел в дом с заднего крыльца, потому что подумала, что этот мужчина может знать тебя в лицо, и если он увидит тебя здесь, то уже не придет.

- Вот именно поэтому я оставил машину на Буш-стрит и вошел в дом со двора. Видишь ли, чтобы стать детективом, я прохожу соответствующую подготовку.

- Мне следовало бы догадаться, что ты сам сообразишь! Однако уже без десяти восемь...

Чик кивнул и наклонился, чтобы поднять свою шляпу.

- Мне надо залезать в укрытие. Если ты не имеешь ничего против, я бы спрятался в ванной. С этого момента никаких разговоров, ничего. Когда он придет, тяни время. Сделай вид, что дневник у тебя и что ты хочешь видеть принесенные им деньги. Говори ему что угодно.

Я не заставлю себя ждать.

- Но, Чик, что ты намерен делать? Это не опасно?

- Что-нибудь да сделаю. Отниму деньги и перережу ему глотку. Я что-нибудь придумаю. - С этими словами он открыл дверь в ванную.

- Но, Чик...

- Тс-с! - прошипел Чик из ванной комнаты и тут же высунул голову наружу. - Еще один маленький вопрос: ты выйдешь за меня замуж?

- Конечно!

- Порядок! - И он закрыл дверь.

Альма сделала три шага по направлению к ванной, потом остановилась и улыбнулась, глядя на дверь. Конечно, ситуация опасная, в этом не было никакого сомнения. "Покупатель" был гораздо крупнее Чика и на вид очень силен. С другой стороны, откуда ей взяться, опасности? Чик знает, что надо делать, и, несомненно, у него есть оружие. Внезапно девушка побледнела: а что, если тот человек тоже вооружен и будет стрелять в Чика? Она решительно пошла к двери ванной комнаты; пока не поздно, надо оставить эту затею. Альма боялась огнестрельного оружия и ненавидела его; ее воображение нарисовало картину: рука мужчины сжимает пистолет, направленный на Чика. Однако она тут же остановилась. Теперь Чик никак не мог быть ранен, для этого просто не существовало условий. И он, и она никогда не причинят боли друг другу; и ничто на свете не сможет причинить им боль. Никогда.



Альма пересекла комнату и, взяв пакет с крекерами и миску из-под супа, убрала их с глаз долой в выдвижной ящик комода, а затем, стряхнув крошки с кресла и ковра, оглядела комнату. После этого она села в кресло и взяла книгу, однако не стала раскрывать ее. Книга лежала у нее на коленях, а сама Альма глядела на дверь в ванную и улыбалась. Радостные мысли увели ее так далеко, что, когда раздался стук в прихожей, Альма даже не вздрогнула и, только пройдя половину пути, вспомнила, что этот стук означал. Тут ее сердце бешено заколотилось. Девушка подошла к двери и повернула ключ в замке.

За дверью стоял тот самый человек. Альма вскинула на него глаза - он оказался еще выше, чем ей казалось.

В знак приветствия мужчина слегка наклонил голову.

Альма сказала: "Входите", он вошел, и девушка закрыла дверь.

- Вы пришли вовремя.

- С точностью до секунды, мисс Кронин.

Альма боролась с искушением посмотреть в сторону двери, ведущей в ванную, и поспешила отойти от нее подальше, на середину комнаты. Немного поколебавшись, мужчина последовал за ней. Когда Альма повернулась к нему, он похлопал себя по нагрудному карману.

- Я принес деньги, - сказал он, - десять тысяч долларов. Если дневник у вас, мы сможем покончить с этим делом в течение минуты. Я только взгляну на него.

На это предложение Альма ответила вопросом:

- Полагаю, я сперва могу взглянуть на деньги?

- Конечно, мисс Кронин. Но с вашего позволения сперва я взгляну на дневник. Где он?

- У меня его нет.

Сказав это, Альма от ужаса прижала руку ко рту: ведь она не имела ни малейшего намерения говорить подобные вещи. Однако от нее и не потребовалось никаких попыток как-то исправить ситуацию: увидев, что выражение лица "покупателя" внезапно изменилось, она догадалась, что ее роль уже сыграна. За своей спиной девушка услышала резко прозвучавшую команду Чика:

- Руки вверх! Альма, прыгай в сторону, быстро!

Однако Альме не хватило проворства. Будучи совершенно незнакомой с тем, как надо себя вести при перестрелке, она целых полсекунды усваивала смысл сказанного Чиком, а это оказалось слишком долго. Мужчина, несмотря на огромный рост, продемонстрировал удивительную прыть. Одним рывком ему удалось схватить Альму, прижать ее к себе и оказаться на полпути к ванной комнате. Он был настолько силен, что мог вертеть девушкой, как пуховой подушкой. Чик, видя, что стрелять нельзя, прыгнул вперед и попытался нанести удар своим пистолетом, но мужчина пригнулся, отскочил немного назад, сгруппировался и швырнул Альму в Чика.

Одновременно с этим он сделал еще один рывок, с размаху нанес удар Чикю в челюсть, заставив того покачнуться. Прежде чем Чик сумел восстановить равновесие и направить пистолет на противника, тот извлек свой револьвер и размахнулся им. Рукоятка скользнула по виску Чика, и на этот раз он потерял сознание.

Пытаясь подняться, Альма встала на колени. Мужчина толкнул ее в спину, пробормотал, тяжело дыша:

- Я и тебя пришибу не за понюшку табака, - повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Не вставая, Альма на коленях подползла к Чикю. Он лежал неподвижно, раскинув руки, согнув ноги в коленях. По его лбу стекала тонкая струйка крови, начинавшаяся где-то в волосах. Девушка потянула его за руку, опустила, и рука безвольно упала. Альма нащупала его пульс, еще раз окликнула Чика, трянула его за плечо, потом вновь позвала по имени. Кое-как поднявшись на ноги, она пошла к двери, но, обернувшись, направилась назад. В это время что-то, лежавшее на

полу неподалеку от молодого человека, блеснуло и привлекло ее внимание. Альма подобрала эту вещь, поглядела на нее, и то, что она увидела, ее изумило. И Чик, и все остальное мгновенно испарилось из ее головы, за исключением того невероятного, парализующего волю факта, что она держала наручные часы президента - те самые, с гравировкой на крышке, однажды побывавшие в ее руках в тот день, когда она шла по коридору Белого дома и встретила агента секретной службы, который и взялся передать их владельцу. Тогда это значит, что часы выпали из кармана "покупателя"! Они были у него! Часы, с которыми президент никогда не расставался!

Альма подбежала к телефону. Ей пришлось ждать пять секунд, прежде чем ответила телефонистка, и эти пять секунд показались ей бесконечностью. Потом снова ожидание, когда же наконец ответит абонент в министерстве юстиции. С пола послышались какие-то звуки. Это, приходя в себя, застонал Чик; не отнимая телефонную трубку от уха, Альма окликнула его. В этот момент ей ответили на другом конце провода, и она потребовала, чтобы ее немедленно соединили с Льюисом Уорделлом, ей нужно передать ему сообщение. Чик перевернулся на живот и, упиравшись локтями в пол, смог поднять голову; затем он встал на четвереньки и, наконец, на ноги. Он что-то говорил Альме, она, в свою очередь, говорила дежурному, что ей нужен Уорделл.

- Альма, со мной все в порядке, не надо куда звонить, через минуту я буду в полном порядке, - выдохнул Чик.

Альма разжала пальцы и показала ему наручные часы:

- Я нашла их на полу, они были у него, его надо поймать!

Она не увидела лица Чика, но почувствовала, как его рука легла на телефонную трубку и потянула ее на себя, и в следующую секунду он сказал неожиданно требовательным и резким тоном:

- Отбой! Вешай трубку!

Однако Альма не обращала на него внимания:

- Скажите мистеру Уорделлу, что это говорит Альма Кронин, здесь только что был мужчина, у которого часы п...

Палец Чика опустился на рычаг телефона и прервал связь. Альма схватила его за руку.

- Чик! - воскликнула она. - Ты что, с ума сошел?

- Нет. Отпусти меня, Альма, я все объясню.

- Ты можешь объяснить все позже, а сейчас надо поймать его, как ты не понимаешь!

- погоди, послушай...

- Нет, Чик! Его надо схватить!

- Никого хватать не надо. Часы выпали не из его кармана, они выпали из моего кармана. Говорю тебе, повесь трубку! Я все объясню.

Альма пристально смотрела на него и видела сурово сжатые челюсти, нахмуренные брови, холодный блеск в глазах. Она не замечала струйку крови, что скапливалась у него на виске и текла вдоль щеки. Ее лицо стало белым как мел. Она долго смотрела в одну точку и наконец проговорила:

- Из твоего кармана, Чик?

- Да. И я был не прав, Альма. Этого я не могу тебе объяснить. Тебе придется поверить мне.

Ни в каком сне Альма не могла себе представить, что его взгляд может быть таким жестким. Она заставила свой голос звучать твердо:

- Пускай тебе верит мистер Уорделл.

Девушка снова сняла телефонную трубку, рычаг аппарата пошел вверх, и она назвала номер министерства юстиции.

- Альма, ради бога, - сказал Чик, - Альма, пожалуйста.

- Что бы там ни происходило, Чик, я намерена сообщить Льюису Уорделлу, что на полу у себя дома нашла часы... Управление секретной службы? Говорит Альма Кронин, передайте мое сообщение мистеру Уорделлу...

Альма не могла видеть Чика, потому что в это самое время он оказался у нее за спиной. Она не могла видеть ни отчаянной решимости на его лице, ни сжатые кулаки, отведенные назад для удара. И уж конечно, она вообще ничего не могла видеть, после того как эти кулаки опустились ей на затылок. Ноги у девушки подкосились, но Чик успел подхватить ее на руки, прежде чем она упала на пол.

Он лишь мельком оглядел ее, лежавшую без сознания на его руках. Нельзя было терять и доли секунды.

Положив Альму на кровать, Чик вышел из комнаты и сбежал вниз по лестнице. Он выскочил из дома через заднее крыльцо, пересек садик и оказался на улице.

Здесь под деревом был припаркован его седан. Чик сел в машину, завел ее, доехал до перекрестка и повернул.

Миновав один квартал, он снова сделал поворот, а через две сотни футов остановился у входа в дом Альмы, но уже с другой стороны. Двигатель он выключать не стал, вышел на тротуар и огляделся. Все было тихо, свет горел где-то далеко, и не было заметно ни одного армейского патруля. Чик вошел в дом, взбежал по лестнице и, никого не встретив, проник в квартиру Альмы.

Из чулана он достал темное пальто, накинул его на девушку, а потом взял ее на руки, подошел к двери, приоткрыл и посмотрел в щель. За исключением легкого гула голосов, доносившегося с верхнего этажа, все было тихо. Не потрудившись выключить свет, он вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Хотя с такой ношей Чик не мог бежать вниз по лестнице, все равно он двигался достаточно быстро. В вестибюле на нижнем этаже он сперва выключил свет, а затем выглянул на улицу.

По тротуару проходила какая-то парочка. Чикуну пришлось ждать. Затем из-за угла появилась какая-то женщина, пришлось ждать снова. Наконец он рискнул спуститься с крыльца. На расстоянии сотни ярдов никого не было видно. Чик рванул к машине.

Он запер заднюю дверцу своего седана, устроив Альму на полу за передним сиденьем, свернутое пальто служило ей подушкой. Чик сел за руль, завел мотор и тронулся с места. Только бы движение и тряска не привели ее преждевременно в чувство! Ехать надо не менее двадцати минут. Только бы она проспала все это время!

Альма... моя любимая Альма... ради бога, спи!

Часть четвертая

ЧЕТВЕРГ - ПАТОВАЯ СИТУАЦИЯ

Глава 1

Так заведено, что Соединенными Штатами правит около сотни человек. Всех правителей сопровождают советники, помощники и влиятельные сторонники, роли они исполняют каждый со своей степенью компетентности и ответственности; у них не существует четкой организации, и зачастую в силу торжествующих в их среде противоречий и зависти они стараются преодолеть ими же созданные трудности. Но в общем и целом они правят, и нет такой базовой политики, которую можно проводить против их воли; их объединенная оппозиция провалит любую программу и любой проект, не оставив соперникам никакой надежды. Для утверждения своей

воли они разработали сложную технику. В отличие от королей, которые являлись помазанниками Божьими и которые могли запросто и открыто потребовать подчинения по праву, данному им Всевышним, эти современные князьки прячут свои скипетры под любым покровом, который только могут потребовать конкретные условия и который только может подсказать их изобретательность. Но хотя их скипетры и потеряли свою позолоту и церемониальное назначение, они по-прежнему служат символами реальной власти.

Из этой сотни человек примерно семьдесят в четверг, в полдень, оказались в городе Вашингтоне. Они прибыли сюда из Атланты, Сент-Луиса, Чикаго, Филадельфии, Детройта, Кливленда, Канзас-Сити, Бостона, Нового Орлеана, Питтсбурга, Балтимора, Нью-Йорка, воспользовавшись для этой цели автомобилями, поездами и самолетами. Не следует особо останавливаться на том, что в большинстве своем они находились в состоянии недоумения и тревоги или испытывали крайнюю степень негодования, ибо такие эмоции, как правило, характерны для вершителей людских судеб; очевидно, это следует отнести к профессиональной особенности, обусловленной постоянным столкновением с большими и важными делами. Подобное явление можно было бы охарактеризовать короткой фразой: "Положение обязывает". Но что на самом деле было удивительным, так это беспомощность этих людей. Это было и беспрецедентно, и возмутительно. Они готовились к войне, а когда правители готовятся к войне, то именно ее они и получают.

Не то чтобы они ждали войны, как можно ожидать выплаты по закладным купонам облигаций, просто все так само собой получалось. Многие из них очень сожалели, что события развиваются именно так, а не иначе; однако, когда возникала опасность для их займов, выданных воюющим сторонам, когда их транспорт с вооружением оказывался задержанным или уничтоженным, когда оказывались стерты с лица земли их капиталовложения, когда падали прибыли, вступление в войну становилось неизбежным. Тогда они немедленно связывались с лицами, которые существовали специально для подобных целей, - издателями, законодателями, руководителями радиостанций, священниками, профессорами, патриотами. Раз - и готово! Дело сделано! Однако теперь возникали одна за другой какие-то раздражающие задержки.

Правители не встречали никакого открытого и организованного сопротивления, за исключением появлявшихся то тут, то там разрозненных групп фанатиков. Но вместе с тем им противостояло нечто, называемое пассивным неповиновением, которое появлялось неизвестно откуда и существовало везде. Они смогли установить только один источник политического противодействия, а именно: президент Стэнли. Он не выступал против них открыто, однако правители знали о его настроениях. Он был слишком благодушен перед лицом суровых реалий, обусловленных нуждами нации и ее репутацией, он был полон сентиментальной щепетильности. Правители приняли его тактику и стали воздерживаться от открытого нападения, они вели подрывную работу.

В понедельник, в полдень, за сутки до сессии обеих палат, Д.Л. Вормен подготовил список из трехсот четырех депутатов нижней палаты и пятидесяти девяти сенаторов, безусловно проголосующих за войну. Благодарение Богу, наконец-то он был подготовлен! Никто не сомневался, каким будет решение, и все уверенно и поспешно готовились к последующим событиям, к той буре, которую они сами себе приготовили. Финиш был рядом, еще немного, и ленточка ляжет бегунам на грудь. Но вдруг телеграф, телефон и радио принесли весть о том, что заседание отсрочено - еще одна задержка, и это в тот момент, когда судьба начала отсчитывать даже не часы, а минуты. А позже весть еще более невероятная - похищен президент Стэнли. Это была катастрофа, недопустимая, нелепая...

Все бросились в Вашингтон.

Здесь они столкнулись с ситуацией, не имевшей прецедентов и не поддающейся никакому расчету.

## Глава 2

Если с этих позиций рассматривать действия, предпринятые в четверг правителями, а также их помощниками, советниками, сторонниками и противниками, то основным впечатлением будет ощущение всеобщего безумия, метания столь же хаотического, сколь и бесполезного.

Однако самообладание, запас внутренних сил, наглость, воинственность и тактические таланты не покинули их.

Они не смогли смириться с обстоятельствами, поскольку точно не знали, что те собой представляют. Символом дня стал вопросительный знак. Знай они, что президент Стэнли мертв, все было бы очень просто. Знай они, кем был похищен президент и где он находится, все было бы также очень просто. Знай они хотя бы только одну вещь, а именно, что президент не возвратится к исполнению своих обязанностей в течение сорока восьми часов, ситуация была бы мгновенно взята под контроль, извернувшись, Стэнли исполнял бы уже обязанности Верховного главнокомандующего армией и военно-морскими силами в условиях военного времени. Но о президенте не было никаких известий, и узнать что-либо не представлялось возможным; эта неопределенность привела к тому, что многие оказались парализованы страхом, а остальных охватило предчувствие крушения всего и вся. Вследствие этой неуверенности, из-за того, что в любую минуту могло прийти известие, что президент найден, спасен и возвращается в Белый дом, никто не хотел рисковать, скомпрометировав себя какими-то действиями. Моллесон ничего не предпринимал, генеральный прокурор Дэвис не вынес никакого решения, сенаторы и члены палаты представителей не выступили с предложениями. На совещаниях, проводившихся в сотнях кабинетов, библиотек, номеров отелей, правители угрожали, умоляли, льстили, проклинали - все безрезультатно.

Нельзя сказать, что законодатели и чиновники высшего ранга подняли восстание против истинных правителей.

Нельзя даже сказать, что эти деятели не хотели поступаться принципами или верностью отсутствующему вождю.

Просто-напросто они чувствовали настроение страны, о чем свидетельствуют телеграммы, посланные авиапочтой письма и телефонные сообщения от их избирателей, а также отчеты от их уполномоченных на местах и местные газеты, то есть все те высокочувствительные нити настроений, мнений и предубеждений, образующих огромную, в масштабах всей страны, паутину, центром которой является Вашингтон. Люди любили своего президента. Иногда они роптали; то здесь, то там слышалась критика в его адрес, но популярность Стэнли не убывала. Теперь граждане страны хотели, чтобы он вновь занял свой пост, они страстно желали этого, и до тех пор, пока президент не вернется, ничего не имело значения. Такое настроение охватывало всех и вся от океана до океана, от Великих озер до Мексиканского залива, и нация дала Вашингтону почувствовать это. Развитию этого настроения в значительной степени способствовал один из тысячи противоречивых слухов и сообщений, которому поверили больше всего, который во многих умах вытеснил все остальные: президент был похищен неким владельцем международного банка и будет содержаться в подвале цокольного этажа одного из зданий Уолл-стрит до тех пор, пока не согласится начать войну. Говорилось, что сейчас проводятся закулисные переговоры.

В результате мистеру Бинну, депутату палаты представителей от штата Джорджия, предоставился шанс блеснуть остроумием. Утром в четверг он сказал своим коллегам:

- Для меня все выглядит вполне очевидным. Кто в наибольшей степени выиграл от всего этого? Пацифисты. Во вторник конгресс проголосовал бы за войну независимо от того, что сказал бы президент в своем выступлении. Но если бы вопрос о войне был поставлен на обсуждение сегодня, все разбежались бы. Разумеется, если президент вернется, все опять может измениться.

Но коль скоро его нет, надеяться не на что. Все вполне очевидно. Джентльмены, я скажу вам, где находится президент: его похитила ассоциация "Женщины за мир".

Они заперли его в своей штаб-квартире и буквально стерегут денно и нощно. И я нисколько не осуждаю Уорделла за то, что он не хочет ворваться туда и освободить президента. Лично я бы, например, предпочел взять каноэ с одним веслом, переплыть на нем Тихий океан и атаковать военно-морской флот Японии.

Над этой шуткой немного посмеялись. Немного и недолго.

### Глава 3

Часом позже умозаключения Бинна уже вполне серьезно были использованы сенатором Коркораном в разговоре с Льюисом Уорделлом. После неоднократных просьб, высказанных по телефону и посланных с курьером, Уорделл выделил для него пятнадцать минут. Одержав победу на заседании кабинета министров, Уорделл стал еще более раздражительным и неистовым. Он отдал целый ряд важных указаний по поводу проведения расследования помощнику генерального прокурора, а также специалистам из Управления государственного секретаря и министерства финансов, приказав им своевременно докладывать ему о результатах. Он также выслушал мнение начальника секретной службы Скиннера и воспользовался его советами. Кроме того, он отправил в тюрьму Гриннела и Вормена, а также ряд других, не менее значительных личностей и до последнего момента отказывался вызывать их на допрос. Правда, в порядке следования новой тактике, предложенной Скиннером, вскоре их пришлось освободить из-под стражи. Согласно этой же тактике, предполагалось разместить сотню агентов на центральных станциях телефонной компании; им вменялось в обязанность прослушивать входящие и исходящие телефонные звонки длинного списка номеров. Из ближайших городов ожидался приезд опытных сыщиков; все задержанные, включая Браунелла и Линкольна Ли, подлежали освобождению, и теперь они должны были находиться под постоянным наблюдением. По мнению Скиннера, невозможно узнать что-либо от человека, который находится в заключении и при этом ничего не хочет говорить, но если тот окажется на свободе и будет находиться под наблюдением, он рано или поздно выдаст себя. Еще Скиннер сказал, что, прежде чем отпустить Линкольна Ли, он попробует немного поболтать с ним.

Уорделл был не просто обескуражен, он был взбешен.

Самые настойчивые, длившиеся уже в течение двух дней и двух ночей поиски, в проведении которых участвовала самая большая из когда-либо собиравшихся группа самых опытных сыщиков, поддержанная гражданами, не смогла обнаружить никаких следов. Применительно к главной цели поиска вся масса собранных ими данных при тщательном анализе дала нулевой результат. Браунелл покупал, а может быть, и не покупал хлороформ, носовой платок мог принадлежать, а мог и не принадлежать ему. В среду, в полночь, Уорделл снова вызывал его на допрос, который проводился в присутствии государственного секретаря и министра обороны. Браунелл стоял на своем, утверждая, что он невиновен, ничего не знает, и требовал отпустить его. Лигетт и Оливер согласились, что имеющихся улик достаточно, чтобы служить основанием для ареста. Еще были найдены сотни людей, которые видели грузовик Оркатта в самых различных точках города; однако не было ни одного доказательства, позволявшего утверждать, что это был именно тот, а не какой-нибудь другой грузовик компании "Каллахен", а описания водителя этого грузовика были настолько противоречивы, что оказались бесполезными все до одного.

Вэла Оркатта показали десятку свидетелей, которые заявляли, что могут опознать водителя, однако их показания были недостаточно убедительными, чтобы опровергнуть слова самого Оркатта. Часовой у ворот Белого дома, тот самый, который первоначально утверждал, что видел водителя как в момент въезда грузовика, так и при его выезде, и который позже заявил, что точно

не может припомнить, кто сидел за рулем, на допросе вечером в среду показал, что вообще не видел, как выезжал грузовик, а просто слышал шум его мотора, потому что в это время смотрел на стаю голубей. Заведующий складом в цокольном этаже Белого дома не видел и не слышал ничего особенного. В то утро, придя на работу, он до вечера не выходил на улицу, принял от Вэла привезенные продукты и вернул ему пустые корзины.

После того как во второй половине дня в среду Льюис отправился на заседание кабинета министров, Скиннер в течение двух часов допрашивал Вэла Оркатта и не добился чего-либо стоящего. В конце концов он прекратил допрос и под охраной отправил его обратно в больницу, не чувствуя при этом никакого удовлетворения.

Позже Скиннер доложил Уорделлу:

- Парень не лжет, но здесь что-то не так. Он честен и вроде бы не испытывает угрызений совести, но, когда он говорит, возникает ощущение, что ему приходится проталкивать слова через глотку. Да, его нашел полисмен в парке, как и сказала его мамаша, и доктор считает, что у него была амнезия, но мне не дает покоя, с какой осторожностью он подбирает слова, отвечая на вопросы.

Впрочем, его хмурый вид может объясняться тем, что у него болит голова. Кстати, я не пытал его, не бросал за шиворот скорпионов. Может, попробовать?

- Будет ли от этого хоть какой-нибудь прок?

- Нет. Он - упрямый парень. Уж если решил скрывать что-то, он так и сделает. И в конце концов, кто-то же пытался раскроить ему череп. Из всех вещей, которые нас сейчас интересуют, самое главное - это где находится президент, и я сомневаюсь, что тот малый знает хоть что-либо по данному вопросу.

Было проведено следствие в отношении миссис Оркатт и ее мужа - никаких зацепок. То же самое и с тем же результатом было сделано в отношении Виолы Деллинг и ее мужа, аптекаря. Когда ее поставили перед фактом, что Браунелл утверждает, будто не покупал хлороформ в ее аптеке, она была возмущена и исполнена праведного негодования. Форма, в которой миссис Деллинг выразила свои чувства, оказала ей плохую услугу.

Она бурно протестовала против того, что кто-то мог выразить сомнение в ее искренней преданности, и это после того, как она, настоящая патриотка, оказала всемерное содействие в проведении поисков президента, политику которого не одобряет и не может искренне, всей душой, одобрять. Ага, сказали ей, значит, вы признаетесь, что не одобряете его политику! После этого миссис Деллинг пришлось пережить трудный и весьма неприятный час, но в конце концов допрашивающие допустили возможность, что это не она похитила президента.

Были расследованы тысячи других случаев продажи хлороформа, в этом отношении проверялись также частные врачи и больницы. Целый консилиум докторов изучал синяк на голове Вэла Оркатта с целью сделать хотя бы предположение о типе орудия, которым он был нанесен. Была предпринята попытка проверить каждое транспортное средство, которое в тот вторник было замечено в радиусе пяти кварталов от пустующего дома на Пятнадцатой улице северо-западного района, где был найден брошенный грузовик. Проверялся каждый из тысячи оказавшихся ложными следов; в таких случаях расследование начиналось, проводилось и неохотно сворачивалось. Было установлено, что телефонный звонок Кемпнеру, администратору компании "Каллахен", тот, относительно которого Вэл Оркатт утверждал, что это звонил не он, был сделан из телефонной будки табачного магазина, и над этим фактом работало множество сотрудников. Следователи брали во внимание любые возможности, но отнюдь не с неразборчивостью того утопающего из пословицы, который, как известно, хватается за любую соломинку, а с проницательностью и упорством армии самых квалифицированных и опытных следователей Америки.

Тем не менее и они, и Уорделл, и начальник секретной службы Скиннер могли признаться, что во второй половине четверга они были столь же далеки от решения проблемы, как и в день, когда начали заниматься ею.

Следствие велось по трем основным направлениям:

- 1) сбор дальнейшей информации по уже имеющимся данным: по хлороформу, по платку, по грузовику и по лицам, имеющим к ним отношение;
- 2) поиски новых улик на территории Белого дома, на улицах и в зданиях города, на шоссе, железных дорогах, в ближних и дальних аэропортах;
- 3) подход с другой стороны: мотивы похищения. Лидеры индустрии вооружений, владельцы международных банков, представители иностранных государств (воюющих сторон). Все названные выше категории граждан попали под подозрение, многие были задержаны, некоторые из них допрашивались или уже были допрошены, за большинством установили наблюдение.

\*\*\*

Предложение, которое хотел сделать сенатор Коркоран, когда Льюис Уорделл уделил ему пятнадцать минут, касалось третьего направления следствия - мотивов. Как сказал Коркоран, он преследовал две цели: подать протест и сделать предложение. Он не выступал против введения в округе военного положения; нет никакого сомнения в том, что это необходимая и важная мера. Однако он пылко и страстно выступал против попрания чести и достоинства лучших граждан страны.

Это неразумно, несправедливо и нелепо. Политический кризис, возникший в результате совершения преступления в отношении личности президента, не может служить оправданием для установления режима диктатуры, пытающегося оправдать свое существование жестокостью, злоупотреблениями и клеветническими измышлениями.

Насколько ему известно, нет оснований полагать...

Уорделл прервал Коркорана.

- Глупости, - сказал он. - Вам не хотелось бы занять мое место, сенатор? Вам уже приходилось работать со мной, и вы знаете, что не в моих правилах кричать "Заткнитесь!", когда меня подвергают критике. Однако сейчас я вам скажу: заткнитесь и не мешайте мне работать.

Но Коркоран настаивал на своем, утверждая, что отстаивает интересы не только упомянутых граждан, но всей страны в целом и даже более того - радеет за благополучие правительства нынешнего состава...

- Заткнитесь! - Тысячи бесплодных попыток получить хоть какие-то результаты в расследовании, проведенные без сна шестьдесят часов и десятки литров выпитого черного кофе губительно сказались как на нервной системе Уорделла, так и на его внешнем виде. - Говорю вам: замолчите и уберите отсюда!

После этого с протестом Коркорана было покончено; однако у него оставалось еще восемь минут, чтобы изложить свое предложение. Он приступил к повествованию, предварив его таким же вступлением, с каким член палаты представителей Бинн начал свою остроумную сентенцию. Коркорану казалось несомненным, что при расследовании была совершена серьезная ошибка и потеряна масса драгоценного времени. Кому выгодно исчезновение президента? Тем, кто жаждет войны? Очевидно, нет. Ведь они были на пути к достижению своей цели. Во вторник президент выступил бы на заседании обеих палат конгресса, и, что бы он ни сказал, конгресс, еще до того, как удалиться на перерыв, проголосовал бы за войну. У Коркорана не было и тени сомнения в правильности этой своей посылки, однако, даже если допустить, что она сомнительна, все равно



аргумент казался достаточно убедительным. Теперь у сторонников военных действий не было никакого шанса, во всяком случае, до тех пор, пока президент не вернется в Белый дом.

Данная ситуация сложилась в силу того обстоятельства, что большая часть граждан страны, как это нелепо ни выглядит, непоколебимо убеждена, что в похищении виновны именно сторонники военных действий. Но разве не может быть так, что те, кто совершил преступление, предвидели и это обстоятельство? Судя по всему, у них вполне хватает ума. Логика подобных рассуждений настолько убедительна, сказал далее Коркоран, что в определенных кругах даже высказывается предположение, что похищение в целом - это задумка администрации, проведенная при потворстве кабинета министров. В этом случае президент и не покидал Белый дом, а арест Браунелла и прочие мероприятия служили всего лишь приманкой, чтобы пустить следствие по ложному следу.

- Чепуха, - фыркнул Уорделл, - чего вы хотите добиться, предлагая...

- Да ровным счетом ничего, - с очевидной убежденностью поспешил сказать сенатор. - Даже если приписать мне те желания и намерения, которых я не имею, настоящий заговор такого типа и с таким множеством участников развалился бы в течение шести часов. Однако подобно тому, как флюгер указывает направление ветра, данное предположение при всей его нелепости подсказывает логический вывод: похитителями президента является не те, кто поддерживает войну, а те, кто является ее противниками.

- Звучит убедительно, - кивнул Уорделл, - благодарю вас. Точно так же убедительно и это ваше выражение "те, кто поддерживает войну". Вы не можете поддерживать войну, до тех пор пока она не началась; лично я предпочитаю говорить "те, кто провоцирует войну". Ну, допустим, я оценил логику ваших рассуждений. Каким же должен быть мой следующий шаг - начать судебное преследование Фонда борцов за мир, основанного Карнеги?

Коркоран не обратил внимания на сарказм Уорделла.

Заклучив, что отведенные ему пятнадцать минут истекли, он поднялся со своего кресла.

- Я попросил бы, - продолжил сенатор, - еще всего несколько секунд, чтобы добавить, что в обществе есть две составляющие, каждая из которых в сложившейся ситуации в достаточной степени способна на дерзкие и насильственные действия. Первая - представители четырех европейских и одного азиатского государства, а вторая - коммунисты. Правительства этих государств не хотят нашего участия в войне на той стороне, на которой мы, несомненно, выступим. Коммунисты же вообще не хотят, чтобы мы совали нос в Европу.

- Убедительно, - буркнул Уорделл, - ваше время истекло.

Сенатор Коркоран вышел из кабинета.

Эта беседа обратила третье направление расследования в фарс. Приведенный Коркораном анализ не убедил Уорделла отказаться от рассмотрения своих предыдущих версий, но вероятность того, что сенатор может оказаться прав, тоже нельзя было оставить без внимания. Уорделл вызвал начальника секретной службы, а также других своих помощников, и все вместе они составили новый план действий. Началось расследование в отношении деятельности представителей пяти государств. То, что одновременно держать под подозрением обе воюющие стороны абсурдно, ни у кого не вызывало сомнения; однако нередки случаи, когда логика и нелепость ходят рука об руку.

Теперь оказалось, что любой человек в стране мог быть обвинен в похищении президента или, по крайней мере, находиться под подозрением, что же касается мотивов похищения, то все они были одними и теми же. Следствие должно было вести поиски там, где существовали благоприятные условия, готовность к похищению и требуемые для этой цели храбрость и бойцовские качества.

Преследованию подверглись коммунисты. Точно так же, как вчера, в подвалы министерства юстиции и в тюрьмы загоняли серорубашечников, точно так же как их допрашивали, запугивали и

умоляли в их собственных кухнях и столовых, так сегодня поступали с коммунистами. И с тем же отрицательным результатом, и с не меньшей демонстрацией презрения, вызова и насмешки со стороны подозреваемых. Была организована слежка, были вскрыты случаи менее тяжелой "подрывной" деятельности, разоблачены несколько осведомителей, найдены штаб-квартиры организаций - и на этом все закончилось. Стало ясно, что, если коммунисты и захватили президента, они готовы на все, чтобы сохранить тайну его местонахождения.

Но нигде, даже в Вашингтоне и Нью-Йорке, коммунистам не пришлось скрываться в поисках спасения, как это делали "Серые рубашки". Преследование осуществлялось на официальном уровне, организовано и в рамках закона. Если у вас есть время, достаточные средства и способности к исследовательской работе, можно не сомневаться, что вы с достаточной степенью точности установите, как та или иная идея овладевает умами миллионов людей - ведь публикуется такое множество статей в газетах и журналах, разыгрывается бесчисленное количество сцен в кино, так много говорится по радио, выступают армии вдохновенных проповедников и лекторов. Однако нет никакой возможности объяснить, как за несколько часов американский народ приобретает непоколебимое убеждение в том, что "провоенная банда" похитила их президента. Во всяком случае американцы знали, где искать виновных. И поэтому, когда предложение сенатора Коркорана волей-неволей подвигло Льюиса Уорделла оказаться в самом центре разыгрываемого фарса и когда Уорделл призвал на помощь тысячи следователей и миллион подозреваемых, это не привлекло особого внимания граждан Соединенных Штатов, как тех, кто выступал в роли действующих лиц, так и тех, кто был зрителем. Они активно участвовали в той драме, которая с самого начала стала разворачиваться перед ними; им было известно, кто здесь злодей, и его-то они преследовали. А гонять коммунистов можно и в любой другой день.

#### Глава 4

В четверг, в час дня пополудни, в кабинете сенатора Рейда собралась небольшая группа сенаторов и депутатов нижней палаты. В начале первого часа они направились туда по одному, не привлекая к себе внимания; следуя процедуре предыдущего дня, в двенадцать часов были созваны обе палаты, и они сразу же объявили о перерыве в работе заседания. Теперь эта группа сидела в кабинете Рейда за закрытыми дверями. По ту сторону, в приемной, заперся, загородив своим стулом дверь, доверенный секретарь Рейда, который имел приказ не пропускать никого, кто бы ни попытался войти. Прибыли все официально приглашенные на встречу.

Чтобы понятнее стала значительность и важность обсуждаемого дела, лучше всего упомянуть тот факт, что выражение озабоченности на лице сенатора Уилкокса сделало его и впрямь похожим на государственного деятеля. Для Тилни, Джекмена или Коркорана не составляло никакого труда выглядеть таковыми, во-первых, потому, что они были должным образом скроены матерью-природой, во-вторых, потому, что за плечами у них был немалый опыт, и, в-третьих, они и сами до некоторой степени были государственными деятелями. И хотя об Уилкоксе можно было подумать, что он демонстрирует сходство с пантерой, волком, гиеной или лисой, никому и никогда не приходило в голову, что он может походить на государственного деятеля. И вот это-то выражение встревоженной озабоченности, появившееся на его лице, и было данью последствиям кризиса, которые намеревались обсудить он и его коллеги.

Председатель нижней палаты Самнер Хорнер с покатыми плечами и подбородком, покоящимся на широкой груди, с левой рукой, глубоко засунутой в карман брюк, в то время как хорошо всем известные взмахи указательного пальца правой руки как бы подчеркивали сказанное им, произносил речь, обращаясь ко всей группе в целом и к сенатору Коркорану в частности:

- Если это ваше решение, я присоединяюсь к нему.

Не уверен, прав ли я, и, черт возьми, не знаю, как хоть кто-нибудь сейчас может быть уверен в своей правоте. Я присоединяюсь на одном условии: мы клянемся сохранять эту группу на период кризиса, мы будем строить свою работу согласно решениям, одобренным большинством из нас, нашей единственной целью является сохранение парламентского государства, и все наши решения неизменно будут строго конфиденциальными. Каждый должен дать клятву верности этим принципам, в противном случае все наши усилия будут тщетными.

- Конфиденциальными? - фыркнул сенатор Аллен. - Да мы все собрались здесь лишь потому, что сегодня утром Рейд побывал на одном таком конфиденциальном совещании, а спустя час рассказал о нем Коркорану. Во времена, подобные этому, единственное, в чем можно полагаться на человека, - это в том, что он не разболтает все, что ему неизвестно.

- Это обстоятельство должно вас устраивать, - сухо заметил сенатор Стерлинг, - вам, по крайней мере, нет нужды изменять своим привычкам.

Бронсон Тилни сидел в кресле, вытянув ноги и скрестив руки на груди, изредка поглядывал на коллег. Сейчас он с порицанием посмотрел на Стерлинга.

- Билл, - произнес он, - если вы хотите обозвать Аллена бесчестным Катилиной, сделайте это как-нибудь в другой раз. Разве он не сказал нечто такое, что заслуживает внимания? Я согласен с Хорнером. Клятва нам не повредит, она даже может несколько больше сплотить нас.

Рейд тоже сидел в кресле. Он всегда норовил сесть, как только появлялась такая возможность, вероятно, это объяснялось тем, что, когда он сидел, было не так заметно, что его рост только на дюйм превышает пять футов.

- Я не дам никакой клятвы Дрю, Каллену или кому-либо еще, - заявил Рейд. - Не потому, что при случае все равно ее нарушу. У меня есть кое-какие добродетели, но они служат только мне и знают свое место. - Он повернулся к Тилни:

- Значит ли это, что вы согласны на перерыв *sine die* {Здесь: на неопределенный срок (лат.)}? И другого пути у нас нет?

Тилни медленно покачал головой:

- Я не знаю, просто не знаю, Том. - Сказав это, он оглядел собравшихся. - Джентльмены, я не любитель строить козни, вы знаете, у меня к этому нет способностей. - Поэтому, Том, не знаю. Я дожил до такого возраста, когда удивляться чему-либо становится все труднее и труднее. Мне трудно поверить, что такие люди, как Мартин Дрю и Дэниел Каллен, вместе с офицерами армии Соединенных Штатов готовят заговор, имеющий целью изгнание конгресса США из Капитолия и захват власти. Я знаю, что это так, и вы это подтвердили, но я все равно не могу поверить.

- Он слишком стар для всего этого, - обращаясь к члену нижней палаты Мортону, проговорил вполголоса Уилкоккс, - зачем его притащили сюда?

- Я слышал тебя, Уилкоккс, - улыбнулся ему Тилни, - у меня хороший слух, сынок. Меня притащили сюда, потому что иногда верность побеждает там, где пасует сила.

Возможно, вы готовы бороться за свое будущее и за арену, которую выбрали для своих битв; я же готов умереть за традиции, которые люблю, и за общественные институты, которые для меня священны. Можно встретить немало людей, которым это понятно. Ты что думаешь по этому поводу, Джим? Не про нас ли это сказано?

Коркоран, усталый и взъерошенный, посмотрел на него с высоты своего роста:

- Про нас, Бронни. За свою жизнь мне пришлось выполнять множество приказов, но я не могу представить себе, что буду получать их от офицеров. Может быть, пришло наше время. Ты изучал историю, а я - нет, однако мне известно, как за последние десять лет множеству людей в Италии, Австрии и Германии предъявили как свершившийся факт то, что за день до этого они высмеивали как нелепость. Может быть, наше время действительно пришло.

Тилни медленно кивнул:

- Может быть, Джим.

- И до некоторой степени ты ответствен за это. Я предупреждал тебя - нам необходимо вступить в войну.

Конечно, некоторые требовали вступления в войну ради своих эгоистических интересов, другие считали, что у нас есть определенные моральные обязательства, третьи полагали, что, если мы не вмешаемся, нам будет грозить опасность, а все остальные просто считают, что раз война неизбежна, то чем раньше она начнется, тем лучше.

Я - из числа последних. Я предупреждал тебя. Дрю и Каллен не просто выступают за войну, она необходима им; ну и конечно, армия всегда ждет возможности пострелять, то есть этого хотят ее командиры. Теперь, с исчезновением президента, конгресс не станет голосовать за войну; что же, это удобный момент и прекрасный повод послать конгресс туда, куда была отправлена добрая половина других парламентов, - на свалку Истории.

Сегодня утром я совершил ошибку. Я сказал Уорделлу, что лица, которым исчезновение президента служит на пользу, - это те, кто противостоит войне, а не те, кто выступает за нее. Теперь он послал отряды сыщиков для охоты на коммунистов и для слежки за сотрудниками посольства Японии. Думается, я был не прав. Похоже, все случившееся является результатом более глубоко законспирированного заговора, чем любой из нас может подозревать, и если это так, как сейчас представляется, в Америке существует только один человек, который достаточно проницателен, чтобы задумать его, и достаточно храбр для реализации своего намерения. Это - старый Джордж Милтон. Он старше тебя, Бронни, и проницательнее. Еще до того, как кто-либо мог только подумать об этом, он уже знал, что приходит удобное время, чтобы направить нас по той дороге, по которой сейчас движутся другие нации. Год назад он начал финансировать движение "Серые рубашки". Теперь, когда в результате похищения президента это осиное гнездо оказалось разворощенным, Милтону предоставился шанс обратиться непосредственно к крепким рукам армии, а Дрю, Каллен и все остальные выполняют эту работу за него. В таком случае, как ты думаешь, кто похитил президента? На что это похоже?

Джим Коркоран стиснул кулаки, тесно прижал локти к бокам - жест, за двадцать лет ставший хорошо знакомым на подмостках верхней палаты конгресса, - и оглядел собравшихся.

- Джентльмены, я все сказал. Мы можем участвовать или не участвовать в этой проклятой войне, но я решительно отмежевываюсь от тех, кто думает, будто он может играть в "блошки" с избранными представителями народа Соединенных Штатов, и любая игра, которую ведут они, - не для меня. Невзирая на все различия в точках зрения по вопросу о войне, мы должны провести совместное обсуждение положения дел с Уорделлом и кабинетом министров. Нам нужно любой ценой предотвратить переворот в конгрессе, при одной мысли о котором захватывает дух, и если для этой цели наиболее эффективным будет перерыв в работе до возвращения президента, то мы должны сделать именно это. Нам следует добиваться сплоченности нашей группы на принципах, предложенных Хорнером, и в этой связи я прошу сенатора Аллена покинуть нас. Если он откажется, я требую, чтобы его немедленно вывели отсюда. Я также настаиваю, чтобы у сенатора Рейда были затребованы заверения в том, что его цели не расходятся с нашими.

Собравшиеся переглянулись. Кто-то закашлялся. Рейд улыбнулся. Стерлинг сказал:

- Bravo, Коркоран. Это лучше, чем бить его исподтишка.

Джекмен с мрачным удовлетворением закивал.

Аллен молчал, лицо его побагровело. Заговорил Рейд:

- Джим, так вести себя нехорошо. Кто рассказал вам о заговоре? В конце концов, ведь вы находитесь в моем кабинете. Я обманываю только тогда, когда мне это выгодно.

Коркоран посмотрел на Аллена.

- Сенатор, мы не нуждаемся в вашем обществе, - сказал он и оглядел остальных, - не правда ли?

Все присутствующие, за исключением Рейда, одобрительно закивали. Аллен поднялся с кресла, заметно смущенный. Он старался насмешливо улыбаться, и в силу привычки ему это удавалось.

- Благодарю вас, джентльмены, - проговорил он и, остановившись перед креслом Бронсона Тилни, открыл рот, но, подумав, закрыл его снова. У двери Аллен повернулся к собравшимся:

- По-моему, джентльмены, сейчас самое время вмешаться армии.

Когда дверь была открыта, Рейд крикнул секретарю, сидевшему возле нее на страже:

- Джонсон, сенатор Аллен покидает нас.

Утомленные карие глаза Тилни оценивающе оглядели Рейда, и сенатор ответил на этот взгляд улыбкой. Затем он одарил улыбкой всех остальных.

- Джентльмены, - сказал он, - я готов представить любые заверения, которые вам могут потребоваться. Я искренне желаю быть вместе с вами, хотя и из иных соображений, нежели приведенные здесь моим другом Коркораном. Я испытываю глубокую привязанность к парламентским формам правления и ради них готов предать своих самых старых друзей. Если вы считаете нужным устроить более подробное обсуждение моей персоны, могу ли я предложить, чтобы для ведения этого дела был избран сенатор Джекмен? Я полагаю, что он - единственный из вас, кто по-настоящему не любит меня, и допрос вылился бы в увлекательное состязание в любезности.

## Глава 5

Из списка лиц, арестованных по приказу Льюиса Уорделла, Линкольн Ли подлежал освобождению последним.

Ему пришлось ждать, пока начальник секретной службы Скиннер найдет возможность побеседовать с ним.

Правда заключалась в том, что Скиннер не был вполне искренен с Уорделлом, когда говорил ему, что хотел бы попробовать получить от Ли хоть какие-то сведения; на самом деле ему любопытно было увидеть лидера "Серых рубашек", человека, который в постоянно расширяющихся кругах своей организации демонстрировал гений великого администратора, страсть, красноречие и смелость прирожденного вождя, себялюбие Наполеона и отчаянное неистовство Гитлера. Скиннер относился ко всему этому с большим недоверием и хотел познакомиться с подследственным поближе.

В два часа Уорделл ушел в Белый дом на заседание кабинета министров, и Скиннер принял командование.

Он уже не был тем Скиннером, которого его подчиненные знали и уважали и которому подчинялись уже более шести лет. Прежний Скиннер в любой обстановке выделялся своим спокойствием и самообладанием, при любых осложнениях умел быстро разобраться в ситуации и имел сверхъестественную способность находить главную нить в узле проблемы. Нынешний был вспыльчивым, запутавшимся и постоянно раздраженным. Скиннер знал, что до сих пор ни один начальник секретной службы, ни один следователь ни в одной стране мира не получал такой возможности отличиться; он знал, что никто и никогда не имел под своим руководством такой большой команды высококвалифицированных специалистов, и тем не менее он, Фил Скиннер, со всеми своими возможностями, оборудованием и способностями оказался бессилем добиться хоть чего-нибудь. Дело не в том, что за сорок восемь часов он не смог найти президента, Фил знал, что иногда нужно быть терпеливым, чтобы добиться победы; его доводило до белого каления то, что, за какую бы ниточку они ни брались, она неизменно рвалась. Как только было установлено, что в понедельник вечером миссис Деллинг продала хлороформ секретарю президента Гарри Браунеллу, тотчас же началось стремительное изучение прошлого Браунелла, его связей, а в

особенности деятельности в течение последнего месяца. Никакого результата. Никаких встреч со сторонниками военных действий, никаких выявленных совпадений интересов с противниками правительства, никаких заигрываний с разного рода интриганам, никакого зуда честолюбивых устремлений, - одним словом, идеальный секретарь. И конечно, нужно добавить еще одно обстоятельство: он не признает себя причастным к похищению. Далее, нет полной ясности с показаниями Виолы Деллинг; разведка, проведенная в этом направлении, тоже не дала ничего существенного. Брошенный на улице грузовик, на полу которого был найден перочинный нож президента, - видит бог, это след, да еще какой!

Трудно поверить, что усыпленного хлороформом президента вытащили из грузовика и перенесли в другую машину без того, чтобы кто-нибудь не оказался свидетелем если не всей операции, то хотя бы части ее. Однако свидетелей не нашлось. Был обнаружен только грузовик, а дальше - тупиковая ситуация. Возможно, Браунелл покупал хлороформ, возможно, и нет - опять тупиковая ситуация. Еще одной дорогой в никуда оказался Вэл Оркатт.

Он на самом деле присутствовал на месте похищения, именно в тот самый момент, когда оно произошло, однако обо всем, что касалось преступления, - о количестве преступников, их приметах, о том, откуда они пришли, были ли они мужчинами, женщинами, шимпанзе или японцами, - он знал не больше, чем мог бы знать, находясь в тысяче миль от Белого дома.

Начальник секретной службы Скиннер в который раз подумал, что в этом деле есть какая-то фальшь. Фальшь или абсурд. Он не подозревал Вэла Оркатта в соучастии, в этом не было никакого смысла. По большому счету он не подозревал и Браунелла; вполне возможно, что при опознании человека, покупавшего хлороформ, произошла ошибка, а сходство платков оказалось простым совпадением. Однако Скиннера не покидало ощущение, что в показаниях этих людей было что-то не так. Что-то не так было в самой сущности расследования, в каком-то стержневом факте, о котором, возможно, они даже и не подозревали или же проглядели его и который должен быть извлечен на свет, иначе следователи всего мира окажутся в той же точке, в которой уже оказались они, - в тупике. Скиннер даже вернулся к одной из своих задумок, которая пришла ему в голову еще во второй половине дня во вторник и результатом которой стало проведение обыска в Белом доме, но тогда он проводил обыск сам вместе с пятью своими лучшими агентами настолько методично и настойчиво, что само по себе воскрешение этой мысли делало ее нелепой.

"Я рехнулся, мне следует найти лучший способ проводить время, чем, сидя здесь, протирать штаны в поисках алиби, - подумал начальник секретной службы. - Например, я мог бы отправиться на рыбалку или просто выйти на улицу и начать лазить по деревьям. Какие-то башковитые парни ловко прокрутили хитрое дельце и получается так, что они оказались слишком ловкими для меня. Я старею, становлюсь слепым и глухим. Надо подать в отставку, уехать из города и жить на ферме; но прежде, чем я смогу сделать это, мне придется найти президента".

Скиннер выдвинул ящик стола и достал оттуда бутылку бурбона, наполнил на треть стакан, залпом выпил и с шумом прочистил горло. Затем он снял телефонную трубку и спросил у секретаря:

- Кто из ребят сейчас на месте?.. Кто?.. Продолжайте... А где Андерсон?.. Ладно, пришлите сюда Моффета, Килпатрика и Сэма Карра.

Сердито посмотрев на бутылку, он сделал еще глоток и положил ее обратно в ящик.

Вошли трое вызванных им агентов. Скиннер оглядел их всех, а потом остановил взгляд на том, кто стоял в центре.

- Моффет, ты знаешь Линкольна Ли? - спросил он.

Чик Моффет кивнул:

- Знаю. Я видел его здесь вчера.

- Да-а. Я вспомнил теперь, Уорделл говорил мне.

Как-то я запомнил, что это был ты. Поскольку ты постоянно находился в Государственном департаменте и в Белом доме, в последнее время я редко тебя видел. Мне кажется, ты растолстел. Ты как, все в той же хорошей форме, как бывало?

- В еще лучшей, - усмехнулся Чик, - меня стало больше. Нет, я не растолстел и форму не потерял. Кстати, о Белом доме. Шеф, я как раз хотел попросить вас поставить меня в конюшню ко всем остальным рабочим лошадкам. Служба в Белом доме слишком легкая, а затраты на покупку новых костюмов слишком велики.

- Ерунду говоришь, - поморщился Скиннер. - Если, черт возьми, работа в Белом доме легкая, куда же делся тот человек, охранять которого вы были поставлены?

Тебе просто повезло, что ты не дежурил утром того вторника. Ну ладно, полагаю, ты с этим справишься.

Вот тебе задание. И всем остальным тоже. Из тюрьмы доставили Линкольна Ли, сейчас он находится в комнате номер девять по ту сторону коридора. Пойдите туда и скажите полисмену, чтобы привел Ли сюда. Затем отправляйтесь на улицу. Минут через десять-пятнадцать или чуть позже Ли выйдет из нашего управления. На тебя, Моффет, ложится ответственность за то, чтобы не упускать его из виду ни днем, ни ночью. Карр и Килпатрик будут находиться в твоём подчинении. Обычные доклады по результатам наблюдения направляйте в установленном порядке. Если же случится увидеть что-нибудь особенное, проследите за тем, чтобы сообщения об этом без промедления попали ко мне или к Кейферу.

- Есть, сэр. Это все?

Скиннер кивнул. Агенты вышли из кабинета.

Полисмен, который привел Линкольна Ли, принял все меры предосторожности. Наручники на кистях предводителя "Серых рубашек" были стянуты цепью, которую полисмен крепко держал в руках. Он вошел в кабинет вместе с Ли, и теперь эта парочка стояла перед Скиннером. Ли выглядел неряшливо, был небрит, а под расстегнутым пиджаком виднелась далеко не свежая серая рубашка. Шляпы на нем не было. Из-за браслетов, тесно стягивавших руки, плечи у Ли были сведены вперед. Однако подбородок у него был вздернут, взгляд был прямым и сосредоточенным - постоянно сосредоточенным на начальнике секретной службы.

- Снимите с него наручники, - распорядился Скиннер.

С сомнением поглядев на него, полисмен, не говоря ни слова, снял наручники и отступил на шаг. Начальник секретной службы кивнул и приказал ему:

- Больше ничего не нужно, вы можете идти.

- В клетке он вел себя ужасно вежливо, - сообщил полисмен, - но доверять ему я бы не стал.

Скиннер поблагодарил полисмена за предупреждение, и тот вышел из кабинета.

Линкольтн Ли разминал сведенные кисти рук. Скиннер сидел, разглядывая его. Значит, вот он какой - плотный, прочно стоящий на ногах, с узкими нервными руками и словно высеченной из камня головой на сильной короткой шее. Налюбовавшись вдоволь, Скиннер спросил наконец:

- Как ваше настоящее имя?

Какое-то время Линкольтн Ли разглядывал кисти рук.

Потом поднял глаза и произнес:

- Вам нет нужды беспокоиться по этому поводу. Я же не беспокоюсь.

- Мне просто любопытно.

- Имя себе делаю я сам. Любой человек делает себе имя. Великий человек и свое имя делает великим.

- Как же, как же. - Скиннер старался говорить небрежно. - Похититель президента прославится на века!

- Чепуха. Это - работа для дураков. Но у вас тоже есть имя, я полагаю? Вы не представились мне.

- Ох, прошу прощения. Меня зовут Фил Скиннер, я начальник Управления секретной службы.

- Понятно. - Ли скривил губы. - У мелких людишек мелкие проблемы, и вы решаете их. Вы думаете, что это и есть - служить своей стране? Или вы думаете, что эта служба делает вам имя? У вас здоровые глаза, вы можете видеть. Если вы хотите быть полезным, почему бы не послужить великому? Если вы любите свою страну, то есть нашу Америку, почему унижаете себя подчинением мошенникам, которые предадут ее?

- Н-да, будь я проклят!

Сказав это, Скиннер захохотал. Он смеялся, чтобы услышать собственный смех, потому что успел почувствовать силу, исходившую от человека, стоявшего напротив него. Она была похожа на электрический разряд, который пробегал по нервам подобно тому, как ветер пробегает по коже.

- Нет, будь я непременно проклят, - заливался Скиннер. - Нет, как вам это понравится - использовать мой кабинет в качестве вербовочного пункта? Очевидно, вам-то это действительно нравится. Но как-нибудь в другой раз, Ли. А пока я приготовил для вас сюрприз. Возможно, вы помните свой разговор с министром Уорделлом, состоявшийся здесь вчера. Возможно, вы помните, что министр обещал отправить вас в психушку. Я отговорил его от этого намерения. Не сомневаюсь, что именно там вы закончите свои дни, но меня это не заботит. Мы собираемся выпустить вас на свободу, во всяком случае, я думаю, что мы собираемся.

- Делайте что угодно, - спокойно сказал Ли. - Вчера, во время разговора с министром Уорделлом, я потерял контроль над собой. Когда мне приходится иметь дело с дураками, это приводит меня в бешенство.

- Он таки малость допек вас, а? - ухмыльнулся Скиннер. - Ну хорошо, мы собираемся вас отпустить. Но прежде, чем вы выйдете отсюда, мне хотелось бы сделать вам одно предложение. Вы были заинтересованы в похищении президента Стэнли? Вам хоть что-либо известно об этом похищении, о том, кто планировал его, кто совершил, о том, где сейчас находится президент, что случилось с ним?

Не думайте, что вы имеете дело еще с одним дураком, коль скоро я задаю подобные вопросы. Я жду ответа и буду знать, что делать дальше. Итак?

Ли спокойно выдержал пронзительный взгляд серых глаз.

- Нет, - произнес он, - я ничего не знаю об этом.

У меня полно собственных забот - моих и моей страны. Меня совершенно не интересуют игры детей и преступников. Да и вас они тоже не должны интересовать.

У вас есть качества...

- Оставьте это, Ли. О моих качествах мы поговорим как-нибудь в другой раз. Я верю вам и не считаю, что вы замешаны во всем этом, я думаю, вы слишком умны для этого. Вот почему я делаю вам это предложение. Вы знаете, кто я такой. Я возглавляю секретную службу Соединенных Штатов и сомневаюсь, что охота за вами когда-либо станет моей работой. Если когда-нибудь вы зайдете так далеко, что вас потребуется преследовать, для борьбы с вами, наверное, будет направлена армия. А в настоящее время вам нисколько не повредит, если я буду испытывать к вам дружеские чувства. Вы же меня понимаете. Я отпускаю вас на свободу. Вы знаете многих людей, со многими общаетесь и слышите массу того, о чем, как говорится, шепчутся за стенами церкви. Если вы услышите хоть намек, не важно какой, на местонахождение президента, вы мне дадите знать? Конечно, если к этому причастен кто-то из ваших друзей, вы ничего не скажете, но ведь может быть и не так. Вы можете услышать все, что угодно. Так скажете мне или нет?



Это нисколько не повредит вам; в любом случае вам наплевать на президента, вы настроены на более важные вещи. Так что предлагаю сделку: мое доброе отношение в обмен на вашу помощь. Ну как, согласны?

Губы Линкольна Ли презрительно скривились. Он ответил, не позволяя себе унизиться до негодования:

- Вы знаете, что я на это не пойду.

- Да ну? - Брови начальника секретной службы поползли вверх. - А если хорошенько подумать?

- Я не обдумываю такие предложения.

- Нет?

- Нет.

- Но почему бы вам не попробовать хотя бы раз? Я не жду, что вы будете предавать своих друзей, все, о чем я прошу, - это сотрудничество.

- Вы просите, чтобы я подставил вам спину. Начальник секретной службы Скиннер, я прощаю вам это оскорбление. Но не повторяйте его дважды.

Скиннер смотрел на него, не веря своим глазам. Так ботаник изучает знакомое растение с отклонениями от нормы. Потом он покачал головой, повернулся к телефону, приказал секретарю прислать охранника и вновь обернулся к Ли:

- А вы экземпляр что надо, Ли. Да простит меня Бог, если я обидел вас. Мне невыносимо думать, что между нами будет что-то еще, кроме доброй крепкой решетки.

Вошел охранник.

- Выведите отсюда этого человека, - сказал ему Скиннер, - и выпустите его на свободу. А пока будете идти по коридору, смотрите, чтобы он не натянул на вас серую рубашку.

## Глава 6

В четверг, в четыре часа пополудни, Бен Килборн сидел в библиотеке питтсбургского дома Дэниела Каллена и читал книгу, переплет которой украшали красные и желтые примулы, выполненные тиснением цветной фольгой и расположенные под названием "Как разбить альпинарий". Было прохладно, и поэтому он расположился поближе к огню камина, положив ноги на табурет и полулежа в кресле, так что его плечи оказались где-то посередине большой, обтянутой кожей спинки кресла. Ему не читалось, он то и дело закладывал палец между страницами, вставал с кресла, подходил к окну с книгой и смотрел в него. Спустя некоторое время он вновь возвращался в кресло к огню. Бен Килборн все время прислушивался, его интересовали две вещи: телефонный звонок из Вашингтона от Каллена, уехавшего туда накануне вечером, а также шум, доносившийся с улицы.

В половине третьего ему позвонил Экмор, один из вице-президентов Федеральной стальной корпорации. Как оказалось, некоторые слои граждан стальной столицы и ее окрестностей, безработные красные и тому подобные подонки, не довольствуясь более митингами и направлением делегаций в мэрию, решили более наглядно выразить свои убеждения. Одна их банда атаковала центральный офис корпорации. Они разбили окна, разнесли пару дверей и были разогнаны дубинками полицией. Другие банды осадили дома двух чиновников Стальной корпорации в Мак-Киспорте и еще один дом в Доноре, захватили в Монессене автомобиль с двумя гвардейцами и избили их, а также совершили еще массу дерзких выходок по всей территории стальной империи. Экмор позвонил Килборну, чтобы сказать, что одна из шаек, которая, очевидно, направлялась в расположенные на холме привилегированные жилые кварталы, уже была перехвачена полицией и обращена в бегство. Далее он сказал, что в качестве меры

предосторожности к дому Каллена направлен отряд полицейских. В настоящее время отряд занял позицию, поставив нескольких полисменов в линию вдоль тротуара и скрыв в зарослях на заднем плане остальных. Вот потому-то Килборн и прислушивался к звукам, доносившимся с улицы.

Прочитав параграф-другой о желательности присутствия перемешанного с землей гравия в щелях между камнями, Килборн прервал чтение и заключил, что если бы мэром Питтсбурга был он, Килборн, то он бы послал телеграмму губернатору в Гаррисбург, чтобы тот без всякого промедления направил сюда отряд национальной гвардии. После полудня Килборн в течение двух часов слушал радио и уже просмотрел первый дневной выпуск газеты. У него сложилось впечатление, что даже самая незначительная новость дня вместе с остальными вносила свою лепту в создание зловещего тона подачи информации. Нью-Йоркская биржа была закрыта. Действие закона о военном положении распространилось до Мэриленда, Делавэра и на часть территорий штатов Нью-Джерси, Пенсильвания и Вирджиния. Хотя вспышки насилия нигде не приобрели пугающих масштабов, но повсеместно они повторялись час за часом, и множество сообщений о них поступало из мест, где ранее подобное было неслыханным. Эти новости изобиловали странными и нелепыми деталями. В городе Камберленд, штат Мэриленд, жители кидали камни в солдат! Подобные действия не ставили перед собой какой-либо цели, вы вряд ли смогли бы найти им какое-то объяснение, но вместе с тем в них не было ничего общего с обычным поведением раскисившихся подонков общества. Из-за чего-то сошли с ума люди, поведение которых обычно вполне предсказуемо, люди, которые исправно платят налоги, едят шоколадные конфеты и голосуют за республиканцев или демократов.

"Если это и в самом деле так, - подумал Бен Килборн, - если у них и впрямь хватит силы духа поддерживать в себе такую ярость в течение всей ночи, они перевернут страну вверх ногами, и случиться может все, что угодно". Он просмотрел еще одну полосу газеты и остановился, чтобы сказать самому себе: наверное, это фашизм.

Затем Килборн поднялся с кресла, постоял, прислушиваясь, подошел к окну, открыл его и высунул голову на улицу. День был серый и сырой, с порывистым и резким ветром. Килборн сквозь листву кустов и деревьев мог видеть, как к тротуару у другой стороны широкой лужайки подъехала машина и из нее вышли два полисмена. Стражи порядка, стоявшие на тротуаре, сгруппировались возле автомобиля. Один из вновь прибывших не стал останавливаться возле них, а побежал по дорожке к дому.

Килборн подошел к камину и сел в кресло. Через несколько минут раздался стук в дверь библиотеки, а затем на пороге появился дворецкий. Он подошел к камину и доложил Килборну:

- Полицейский офицер, сэр. Он говорит, что какие-то люди идут сюда, но до дома им, конечно, не добраться. Будет ли у вас желание поговорить с ним, сэр?

Что, испугались, Феррис? - улыбнулся Килборн.

- Нет, сэр. Для этого у меня нет повода.

- Я так и подумал. Ведь вы же были на Первой мировой.

- Да, сэр. Я воевал под Ипром. Ну, за три года, конечно, и в других местах континента довелось побывать.

- Да, конечно, на континенте. Именно так. Ладно, нас не испугаешь; сомневаюсь, чтобы у наших гостей были "лимонки". А что, миссис Каллен еще не вернулась?

- Нет, сэр. Будет примерно в семь часов, так она сказала.

- Добро. Если нас подвергнут осаде, позвони ей и скажи, чтобы она не спешила. Хорошо, что с нами нет миссис Каллен, она бы потребовала, чтобы мы вооружились ружьями 36-го калибра и перестреляли всю толпу из окон. Спасибо, Феррис. Я думаю, мне нет нужды встречаться с полицейским.

Дворецкий поклонился и вышел. Килборн снова взялся за книгу.

Двадцать минут спустя он снова отложил ее. С улицы донесся какой-то шум. Килборн подошел к окну. Сперва он никого не увидел, но, высунувшись из окна и вытянув шею, сквозь листву разглядел небольшую группу полисменов на дорожке в дальнем углу площадки. Он не мог разобрать, что они там делают, ясно было только, что они находятся в движении. Теперь шум был слышен вполне отчетливо, он шел с разных сторон, и казалось, что громче всего он доносится откуда-то из-за дома, от заднего его фасада. Это был какой-то неясный гул. Неожиданно прозвучала серия выстрелов, и почти одновременно с ними раздался треск разрывов. Рев толпы становился все громче, в нем уже можно было различить отдельные выкрики и восклицания.

Килборн отступил от окна. Он не был напуган, но его была дрожь, и тряслись губы.

- Господи, они все-таки не хотят уgomониться, - проговорил он вслух. - Ты слышишь это? Они все равно лезут.

Он вновь направился к окну, но его остановил стук в дверь. Это снова был Феррис.

- Еще один офицер, сэр, - доложил он, - капитан полиции. Он говорит, что этим... э... лицам не будет позволено вступить на окружающую дом территорию. Полиция имеет приказ стрелять. Он говорит, что мы можем не тревожиться.

В ответ Килборн расхохотался, да так неожиданно и громко, что дворецкому не удалось сохранить приличествующую званию невозмутимость, и изумление четко проступило у него на лице. Однако он быстро и успешно справился с этим недоразумением. А Килборн произнес:

- Феррис, это очень мило с его стороны. Вы что, так не считаете? Я бы охотно спустился и поблагодарил его, если бы не то обстоятельство, что я должен ждать здесь телефонного звонка от мистера Каллена. Мистер Каллен сейчас находится в Вашингтоне, он там дает взбучку за то, что ему не подали к столу войну, которую он заказал. Так что, Феррис, поблагодарите капитана от моего имени. Скажите ему, что я ценю его любезность по отношению к нам.

- Слушаюсь, сэр. - Дворецкий сглотнул, было видно, что он колеблется. Наконец он решился:

- Мистер Килборн, не принимайте все так близко к сердцу. Волнение ни к чему хорошему не приведет. Мы... нам следует принимать взвешенные решения. Ну, вот хоть как я, если мне позволено будет сказать. Я уже в течение довольно долгого времени обдумываю один шаг, сэр, дело уже почти решенное. Я думаю стать коммунистом, сэр.

Килборн выпучил на него глаза. Добрых секунд тридцать он стоял и смотрел, а потом разразился хохотом.

- Ради бога! Нет, ради бога, нет! Ради бога! Только не это! - заходясь от хохота, кричал он прямо в потерявшее свою невозмутимость лицо настоящего английского дворецкого.

## Глава 7

Современный большой американский отель представляет собой идеальное место для тайных встреч и переговоров. Если вы должным образом одеты, не нуждаетесь в бритве и обладаете искусством выглядеть сдержанноравнодушным, вы можете войти в лифт, подняться на любой этаж и благодаря массе суесящихся людей в вестибюле остаться при этом незамеченным. В случае, когда требуются дополнительные меры предосторожности, совсем нетрудно доехать в лифте до шестого, затем подняться еще на два этажа по лестнице и оказаться на восьмом этаже или же, наоборот, доехать до десятого, а потом спуститься на пару этажей. Гостиничные детективы и лифтеры всегда настороже, однако даже они видят только то, что им нужно. Поэтому и у тех и у других, работавших в вашингтонском отеле "Пилигрим", ближе к концу дня в четверг, не вызвало никакого подозрения уникальное в своем роде собрание, имевшее место в апартаментах "Д" на восьмом этаже. Имя, под которым при записи в регистрационном журнале фигурировал человек, снявший эти апартаменты, было А.Р. Томас из Чикаго. Тот же, кто занимал

их, кому полагалось, если у него вообще останется на это время, спать в ту ночь в одной из имеющихся здесь кроватей, был Дэниел Каллен, прибывший рано утром из Питтсбурга.

На собрании присутствовал вице-президент Моллесон, и вид у него был побитый. У него было слишком много уязвимых точек, здание его личного благосостояния опиралось на займы, оно просто не могло выдержать мало-мальски серьезного нажима; а между тем и Каллен, и нефтяной магнат Калеб Рейнер стали закручивать гайки. Одного того, что у Каллена и Рейнера появились общие интересы, уже было достаточно, чтобы классифицировать данное собрание как уникальное. На собрании присутствовал Дэнхем, а также Артур Портер Кинг и братья Пирс из банка с Уолл-стрит. Но особую значимость группе придавало присутствие здесь четырех человек совершенно отличного от них типа, людей, о которых принято думать, что они зарабатывают себе на жизнь службой и что жалованье им платит правительство Соединенных Штатов. Речь идет о трех генерал-майорах:

Хеджесе, Джонсе и Киттеринге, а также об одном бригадном генерале по имени Ридли.

Если бы Д.Л. Вормен содержался в заключении без права общения, Каллен и Рейнер, так или иначе, собрали бы здесь целую коллекцию генералов. Но Вормена освободили на общих основаниях вскоре после полудня.

Конечно, он был в полном неведении о том, как развивались события в течение последних двадцати часов, у него не было никакого представления о том, почему после внезапного ареста он был столь же внезапно выпущен на свободу. Выйдя из тюрьмы, он зашагал по тротуару, остановился у газетного киоска и купил газету, затем пошел дальше, заглянул в книжный магазин, вышел из него и вскоре почувствовал некоторое раздражение оттого, что за ним следят. У людей на улице были озабоченные лица, и казалось, что все куда-то спешат; на каждый квартал в этой части города приходилось по три-четыре солдата, винтовки они носили на плече, а на ремнях у них висели подсумки с патронами. Вормен остановил такси и дал водителю свой домашний адрес.

Жена Вормена, стройная блондинка Салли, с радостью встретила его дома. Вормену было необходимо принять ванну и сменить одежду. Пока он намыливался и тер себя мочалкой, Салли, сидя на облицованном пробкой табурете, рассказывала ему последние новости. В основном это были сплетни, немного точных сведений и два пункта инструкционного характера: ни в коем случае не пользоваться телефоном для обсуждения чего-нибудь важного и, как только будет возможность, заглянуть в кабинет Каултера, президента кредитной компании "Потомак".

Наскоро перекусив, Вормен проехал на такси до банка Каултера, и там президент "Потомака", осторожный и достойный джентльмен, сообщил ему:

- Вас ждут в отеле "Пилигрим", в апартаментах "Д" на восьмом этаже. Поднимитесь на лифте до девятого или десятого этажа и спуститесь на нужный этаж по лестнице.

- Если у вас есть машина, без которой вы могли бы обойтись в течение получаса, не могли бы вы сказать своему шоферу, чтобы он подъехал по аллее к заднему крыльцу шляпного магазина Говарда и подождал там меня? - спросил Вормен.

Мистер Каултер сказал, что будет рад сделать это. Через несколько минут Вормен вышел из банка, прошагал пешком три квартала до магазина Говарда, а там, кивнув Уолтеру Говарду и указав в сторону задней двери, сразу же был выпущен через нее. Меньше чем за пятнадцать минут автомобиль Каултера доставил Вормена к отелю "Пилигрим".

Вот почему генералы оказались столь хорошо подобранными. Вормен прибыл своевременно, чтобы не дать начать вести переговоры ряду лиц, являющихся, как он знал, либо опасными, либо неподготовленными. В особенности это касалось Каннингема. Вормен знал, кто из генералов испытывает зуд по великим делам и мечтает занять командный пост, когда начнется война; он знал, кто из них был близок к Оливеру, а кто занимал последние места в армейской клике, кто окажется наиболее уступчивым ко всем доводам приготовленной для них софистики и кто окажет наименьшее сопротивление заманчивым посулам, приготовленным для них.

На первый взгляд за участие в заговоре, разрабатываемом в апартаментах "Д" на восьмом этаже, этих четверых военных можно было бы назвать либо глупцами, либо негодьями. Но были ли они такими уж дураками, в конце концов? Все было представлено так, что вопросу о позоре и низости просто не было места, и, уж конечно, речи не могло идти о мятеже или предательстве. Просто существовала некая разница в толковании закона, касающегося всей нации, и если при вынесении решения по данному вопросу мнение высокого и просвещенного суда разделится в соотношении пять к четырем, разве право выбора не может быть, как это часто бывало, предоставлено армии?

Особенно в условиях этого, не имеющего прецедента в истории кризиса, когда нельзя терять ни минуты, когда внешние враги готовы в один миг проглотить уже захваченные ими жертвы и подготовиться к прыжку на оставленное без всякой защиты горло Дяди Сэма.

Свободен ли пост президента? Взвзвешивая на себя всю полноту власти кабинет министров заявил, что нет, и остановил колесо государственной машины. Конгресс, трусливый и ни на что не способный, прервал свою работу; более того, ходят слухи - и сенатор Аллен подтверждает это, - что завтра конгресс объявит о перерыве в своей работе на неопределенный срок. При поддержке кабинета министров министр внутренних дел Уорделл нарушает права и ограничивает свободы ни в чем не повинных граждан, ложью и искажением фактов разрушает моральные устои общества и присвоением себе права подменять закон волевым решением, а также наплевательским отношением к насущным проблемам национальной обороны несет угрозу самому существованию государства.

Однако есть иной ответ на вопрос, свободен ли пост президента. Свободен. Этому мнения придерживаются многие из тех, кто представляет ответственные, влиятельные и "патриотические" элементы страны. И один из них - вице-президент Моллесон; в соответствии с данной им клятвой и согласно его желанию быть верным конституции, немедленное возложение на себя обязанностей президента является законной и прямой обязанностью вице-президента. Согласно конституции, теперь Моллесон - президент Соединенных Штатов, и он без промедления готов приступить к работе на этом посту.

Разработана следующая программа действий в этом направлении, и она получила его одобрение:

1) на сегодняшнем вечернем заседании кабинета министров Моллесон должен будет объявить, что он принимает на себя всю полноту власти президента. Если с этим решением согласится большинство членов кабинета, все хорошо. Если согласие не будет достигнуто, Моллесон официально потребует смены кабинета министров.

Ожидается, что в этом требовании ему будет отказано;

2) в течение завтрашнего утра (утра пятницы) Моллесон будет исполнять обязанности президента, находясь в своем кабинете в здании сената. Для защиты Моллесона будет выделено армейское подразделение. Любые приказы будут передаваться в соответствующие органы исполнительной власти; те чиновники, кто будет отказываться исполнять данные приказы, подлежат аресту, и армии будут даны соответствующие распоряжения по части исполнения приговоров;

3) в своей работе Моллесон первым делом потребует от руководства конгресса, чтобы в полдень пятницы собрали депутатов обеих палат, заслушали послание президента и приняли декларацию о вступлении в войну.

В случае их отказа залы конгресса будут заперты, возле входов поставлена стража, и тогда сам Моллесон объявит о вступлении в войну своим президентским указом.

Ни один сенатор и ни один депутат нижней палаты ни при каких обстоятельствах не должны подлежать аресту;

4) размещение воинских подразделений в Белом доме, в Капитолии и на других стратегически важных позициях производится под командованием присутствующих здесь четырех генералов, действующих в качестве Военного совета и выбирающих из своего состава того, кто будет военным комендантом района. И комендант, и остальные члены Военного совета подчиняются непосредственно президенту Моллесону по всем вопросам проводимой им политики;

5) настоящая операция ни в коей мере не может и не должна рассматриваться как нарушение конституции.

Наоборот, она предпринимается с целью защитить конституцию от тех, кто отказывается выполнять ее положения. Такие надзаконные акты, как декларация о вступлении в войну, проведенная указом президента, будут приведены в соответствие с правовыми нормами, как только окончится политический кризис;

б) офицеры армии и флота, отказывающиеся участвовать в выполнении положений настоящей программы, подлежат аресту, независимо от их звания и должности.

Любые попытки оказать сопротивление будут немедленно и решительно подавлены.

В конце концов генералы дали согласие, но только после множества возражений, споров и колебаний. Генерал-майор Хеджес, самый несговорчивый из них, равно как и самый способный и умный, едва не завел все дело в тупик, потому что он снова и снова требовал гарантий, что президент Стэнли не возвратится в Белый дом хотя бы в течение недели. Неоднократно повторенные и пылкие уверения Каллена, Рейнера, Дэнхема, Вормена и остальных о том, что они не знают, что случилось со Стэнли и где сейчас находится президент, не оказали никакого воздействия на генерала. Более того, он согласился продолжить обсуждение вопроса только в том случае, если все присутствующие подпишут документ, заявляющий об их полной невиновности и совершенном незнании обстоятельств похищения президента Стэнли. Такой документ был составлен и подписан, а затем Хеджес, хмурый и недовольный, сел и принялся его изучать.

- Послушайте, генерал, - сказал ему Вормен, - даже если бы мы подписали тысячу бумаг, подобных этой, разве мы смогли бы решить проблему, которая больше всего тревожит и вас, и нас, вместе взятых. Ведь что на самом деле не дает вам покоя, да и нам тоже? Это не вопрос о том, кто похитил Стэнли или что с ним случилось. Вас беспокоит, что может случиться, если завтра в полдень он объявится живой и здоровый. Ну что же, будь что будет. Я не смогу дать вам ответ, да и никто из нас не сможет. Я не знаю, жив он или мертв, лежит ли на дне Потомака, летит в самолете или же заперт в подвале посольства Японии. В этом вопросе нам приходится идти на риск и двигаться дальше. А что можно предложить взамен? Стоять и ждать, пока Уорделл не найдет президента, и это тогда, когда у нас прямо здесь и в полном соответствии с конституцией есть его преемник?

И это в то самое время, когда всю страну охватывает безумие, и один Бог знает, что за этим может последовать; когда наши друзья за рубежом терпят сокрушительное поражение и вот-вот будут уничтожены? Мы и так уже ждали два дня и две ночи, два самых критических дня во всей истории современной цивилизации. Так что же вы можете предложить? Просто сидеть и ждать?

Хеджес по-прежнему хмурился. Он кивнул, прочитал бумагу снова, затем сложил ее и засунул в карман.

- Хорошо, - сказал он, - но вы должны понимать, что мы рискуем больше вашего, я имею в виду своих коллег-офицеров и себя лично. Да, мы офицеры армии Соединенных Штатов, но также и просто люди. Мы храним верность интересам нашей страны, но мы не хотим действовать в ущерб собственным интересам. Это вполне естественно. Если Стэнли и впрямь завтра вернется к исполнению своих обязанностей и мы окажемся в состоянии войны, он будет Верховным главнокомандующим армии. При условии, что нас не покарают, что президент с уважением отнесется к тому, что мы руководствовались лучшими намерениями, выбирая лицо, достойное

взять на себя всю полноту власти на время его отсутствия, как вы думаете, насколько велика вероятность, что при обсуждении состава высшего руководства будет упомянуто и мое имя?

- Никакой, генерал, никакой.

- Но тогда почему бы вам не обещать нам одну неделю? За неделю положение дел могло бы измениться до такой степени, что упоминание некоторых имен станет неизбежным.

Вормен всплеснул руками:

- Но не значит ли это, что вы не верите подписанному нами документу?

- Я не верю ни одному слову в этой чертовой бумаге.

- Хорошо, не верите, так не верите. Риск существует. Но у него есть и обратная сторона. Что, если президент Стэнли исчез навсегда? Что, если он уже мертв?

Если он похищен серорубашечниками., то, наверное, так оно и есть. В этом случае сидящий перед вами Роберт А. Моллесон окажется президентом Соединенных Штатов не на день и не на неделю, а на целых три года. Вот обратная сторона вашего риска.

Хеджес пристально и долго смотрел на Вормена. Наконец он произнес со значением:

- Милостью наемных убийц.

- Меня не интересуют наемные убийцы. Мне о них ничего не известно. Но реальность будет именно такой.

В конце концов эти доводы показались Хеджесу убедительными, и он сдался. Потом ему удалось убедить остальных. Доводы его коллег-генералов были такими же, как и у него. Им тоже были необходимы гарантии Моллесона, что он будет верен своему слову и его позиция останется неизменной по всем вопросам. Такие гарантии им были даны. После этого генералы потребовали от Каллена и Кинга, чтобы те гарантировали им налаженное взаимодействие с управлением железных дорог, а также немедленное и обильное финансирование до тех пор, пока последнее не будет обеспечено обычным путем через министерство финансов. После этого генералы заговорили языком военных кампаний, пришла очередь обсуждения деталей стратегии; они сидели, подавшись вперед в своих креслах, и глаза их горели огнем.

Киттерингу потребовалась карта Вашингтона, и за ней тут же послали.

Было немногим позже семи часов, когда Вормен, отодвинув кресло, поманил пальцем Моллесона. Затем он прошел через комнату к небольшому вестибюлю, за которым располагалась спальня; Моллесон побрел вслед за ним. Когда они оказались в спальне, Вормен закрыл дверь и поглядел на вице-президента с сочувствием.

- Мистер президент, вам пора отправляться, - сказал он.

Моллесон переминался с ноги на ногу и никак не мог найти место рукам, то вынимая их, то вновь засовывая в карманы; голова у него кружилась, и почему-то дрожали колени. У него не хватило сил на признательную улыбку в ответ на обращение "мистер президент".

- Сейчас еще только четверть восьмого, - заметил он.

- Я знаю, но вам следует быть в Белом доме не позже чем в половине девятого, и перед этим вы должны хоть немного поесть. Пойдите в ресторан Вилли, слопайте там бифштекс и запейте его парой коктейлей с виски. Мужчина с пустым желудком - это не мужчина, помните, как мы не могли найти наш ленч в вагоне-ресторане "Рапида"? Поставьте их сразу перед фактом. На вашем месте я бы не стал тратить время на дискуссии.

Всегда существует возможность того, что они пойдут за вами. Не считайте само собой разумеющимся, что такого не случится.

Моллесон уныло покачал головой.

- Не пойдут, - сказал он.

- Ну и не надо, - махнул рукой Вормен. - В любом случае возвращайтесь сюда, как только освободитесь. Не важно когда. Как мне представляется, мы всю ночь проведем здесь. А теперь идите поешьте, вам это необходимо.

- Да я не голоден.

- После пары коктейлей проголодаетесь. - Вормен протянул ему руку, твердую, вселяющую уверенность. - Удачи вам, мистер президент.

## Глава 8

Когда вышел общий приказ об освобождении задержанных лиц, в нем было сделано несколько исключений.

Скорее для наказания, нежели из соображений предосторожности оставались под арестом охранники, которые в тот злополучный день несли дежурство на территории вокруг Белого дома, а также часовой у задних ворот. Вэла Оркатта отвезли в больницу Святого Эразма, он там находился в отдельной палате, и к нему была приставлена охрана. Начальник секретной службы Скиннер не мог допустить, чтобы был потерян единственный свидетель, оказавшийся на месте похищения. Кроме того, голова Оркатта была довольно серьезно травмирована, и больничный режим ему ничуть не вредил. К нему никого не допускали, исключение сделали лишь для матери, но и ей разрешалось навещать его не чаще одного раза в день.

В девять часов вечера, в четверг, детектив Майк Ноулан из Нью-Йоркского сыскного управления сидел, прислонив спинку стула к стене коридора третьего этажа больницы Святого Эразма. Чтобы не заснуть, он нажимал одним большим пальцем на другой и рассеянно мечтал о том, чтобы медсестра пациента из палаты номер четырнадцать снова прошла мимо него. Дверь в палату номер шесть находилась слева, в паре футов от стула, на котором Майк сидел.

С правой стороны от Ноулана слышались легкие шаги по линолеуму, и он лениво повернул голову в этом направлении. По коридору шел крупный блондин, одетый в зеленовато-серый костюм и державший фетровую шляпу в руке. Он смотрел на номера на дверях палат.

Поймав взгляд Ноулана, блондин направился прямо к нему:

- Я ищу Вэла Оркатта.

Ноулан покачал головой:

- Ничем не могу помочь, мистер. Он не принимает.

Мужчина вытащил из кармана кипу бумаг, порылся в них, нашел какой-то листок, развернул его и протянул детективу. Ноулан посмотрел на листок. Он был вырван из фирменного блокнота и в верхней его части была надпись "Министерство юстиции - Управление секретной службы", выполненная типографским способом. От руки была написана дата и фраза следующего содержания: "Разрешить подателю сего переговорить с Вэлом Оркаттом. Льюис Уорделл".

- У нас появилась новая версия расследования, - сказал блондин. - Мы думаем, что сможем встряхнуть немного его память.

- Может, и сможете. - Ноулан встал и оглядел его. - Однако отданный мне приказ достаточно недвусмыслен.

Мне нужно получить подтверждение по телефону.

- Что за вопрос, давайте действуйте. Кроме Уорделла, никто не может подтвердить этот приказ, а он сейчас в Белом доме на заседании кабинета министров. Назовите девятую линию.

Ноулан огляделся и не увидел в коридоре ни одного санитаря. Ближайший телефон находился за поворотом, на столе дежурного; оставить палату без охраны было нельзя, и Ноулану совсем не



хотелось, чтобы незнакомец был здесь предоставлен самому себе. Пожав плечами, детектив потянул дверную ручку палаты номер шесть и произнес:

- Ну хорошо, пошли.

Блондин покачал головой.

- Прошу прощения, - сказал он, - но я должен остаться с ним один на один. Таков приказ. Так что вам бы лучше позвонить.

- Вот как? Чего же в этом такого секретного?

- В этом деле, сержант, - улыбнулся блондин, - скрыта целая куча секретов. Каждый знает что-то такое, что не должен знать никто другой. Если вы собираетесь звонить, торопитесь, дело не может ждать.

- Когда вы получили эту записку?

- Пятнадцать минут назад. В Белом доме.

- Но здесь написано "Управление секретной службы".

- Да. Уорделл носил блокнот управления у себя в кармане. Вы что, хотите, чтобы я продемонстрировал вам отпечатки его пальцев на листке?

- Ладно, не надо кипятиться. - Ноулан сунул записку в карман. - Вы не сделаете ничего такого, что ухудшит его состояние?

- Конечно нет.

Ноулан кивнул, открыл дверь палаты номер шесть и вошел. Повернувшись спиной к торшеру, Вэл Оркатт сидел в кресле и читал газету; целая груда газет лежала на стуле, стоявшем рядом с ним. Он был одет, и, хотя голову его по-прежнему скрывали бинты, на лице молодого человека не было и следа болезни.

- К вам пришел посетитель, Оркатт, - сообщил Ноулан, - по служебной надобности. Я сказал ему, чтобы он не больно-то давил на вас.

Блондин тоже вошел в палату. Он кивнул Вэлу и встал у входа. Здесь освещение было лучше, и Ноулан более детально рассмотрел лицо мужчины. Потом он снова пожал плечами, вышел и закрыл за собой дверь.

- С вашего разрешения, - сказал посетитель, убрал газеты со стула и, положив их на кровать, уселся. Вэл наблюдал за ним, не говоря ни слова.

- Вас зовут Вэлентайн Оркатт?

- Да, - согласился Вэл.

- Вас не назовешь плохим парнем, - улыбнулся визитер.

- Весьма признателен.

- Полноте! Вы - и впрямь славный молодой человек. У меня есть сын, но ему всего только восемь лет.

Скажите, вы живете вместе с отцом и матерью на Экер-стрит? Я видел ваш дом. Он принадлежит вашему отцу?

- Нет, - ответил Вэл и скрестил руки на груди.

- Ты, сынок, не хочешь попусту молотить языком, а?

Правильно. - Блондин и раньше говорил негромко, а сейчас еще понизил голос. - Тебе не нужно бояться меня, я здесь неофициально.

- Я и не боюсь. Просто отвечаю на ваши вопросы, хоть и не знаю, на каком основании вы их задаете.

- Да ни на каком. Просто из дружеских соображений. Я пришел сюда неофициально, по личному делу.

Ты когда-нибудь слышал о Джордже Милтоне?

- Конечно, слышал. Если вы имеете в виду банкира.

- Именно его я и имею в виду, - кивнул посетитель. - Только он не просто банкир, он - самый богатый и могущественный человек в Америке.

- Рад за него.

- Именно так оно и есть, Вэл. - Блондин пододвинул стул немного поближе. - И он хочет предложить тебе одну сделку. Беда в том, что сейчас он не имеет подходящей возможности лично обратиться к тебе, а соглашение должно быть достигнуто быстро. Стоит твоему охраннику воспользоваться телефоном, и меня вышвырнут отсюда в любую секунду. Так что тебе придется поверить мне на слово.

Тебе придется поверить, что я - тот человек, который держит свое слово точно так же, как и Джордж Милтон. Это он послал меня сюда. Посмотри мне в глаза.

Вэл Оркатт так и поступил. Он встретил взгляд сероголубых глаз своего гостя без особого напряжения или вызова, а также без любопытства. Что же касается сероголубых глаз, они были серьезны и настойчивы.

А мужчина продолжал:

- Джордж Милтон даст тебе пятьсот тысяч долларов.

Полмиллиона долларов наличными за то, что ты расскажешь все, что тебе известно о президенте Стэнли. Если ты расскажешь это мне и сейчас же. Даю тебе слово, Вэл.

Мое честное слово и его честное слово. Пятьсот тысяч долларов наличными.

Выражение лица Вэла не изменилось.

- Это большие деньги, - заметил он.

- Именно так. Видишь ли, Джордж Милтон - это тебе не дешевка какая-нибудь. Он не предлагает тебе какие-нибудь жалкие десять или двадцать кусков. Он предлагает тебе то, чего ты стоишь. Деньги будут выплачены тебе наличными, как только ты выйдешь отсюда и как только нормализуется обстановка. Все по-честному, Вэл, - полмиллиона долларов. Только подумай, что ты сможешь сделать, имея такие деньги. Здесь и дом, который ты купишь для своих отца и матери, и путешествия, которые сможешь совершить, и все, о чем ты мечтал.

Тебе нужно только рассказать мне все, что ты знаешь.

Можешь мне поверить.

Вэл молчал и не собирался прерывать свое молчание.

Блондин повторил:

- Ты только расскажи мне. Господи, Вэл, пятьсот тысяч долларов!

Молодой человек покачал головой.

- Вэл, я вижу, ты не веришь мне. Напрасно.

- Да нет, я верю вам, - наконец заговорил Вэл. - Беда в том, что я не знаю ничего такого, что тянуло бы на цифру с пятью нулями. Я уже рассказал все, что мне было известно.

- Полно, Вэл. В конце концов все и так встанет на свои места, и какая разница, случится это завтра или неделю спустя? Лично для тебя эта разница заключается в пятистах тысячах долларов. Не расскажешь мне об этом сегодня, так или иначе, все станет известно, но при этом ты так и будешь водить грузовик с бакалеей. Нет, ты не должен быть таким дураком. Я знаю, тебе трудно поверить мне, однако Джордж Милтон скорее потеряет глаз, чем откажется от своего слова, и точно так же сделаю я.

Не глупи, Вэл. Не проходи мимо единственного шанса заработать настоящие деньги.

- Мне очень жаль, мистер. - Вэл пожал плечами. - Конечно, эти деньги были бы не лишними для меня, но мне просто нечего сказать.

- Послушай... - Посетитель пододвинул стул еще ближе.

Но прежде, чем ему удалось продолжить разговор, речь его была неожиданно прервана. Сидя к двери боком, он услышал, как поворачивается ручка, и повернулся. Чуть дернувшись, дверь распахнулась. Реакция блондина тоже была молниеносной, но ему пришлось остановиться. Здесь не было девушки, чтобы использовать ее в качестве щита, а твердость, с которой Майк Ноулан направил на него пистолет, и готовность к решительным действиям, написанная на его лице, не оставляли выбора.

- Руки вверх, быстро! - пролаял Ноулан. - Слышишь ты, вшивый щенок! Руки в гору, и как можно выше! А вам, Оркатт, следует привести в порядок свой туалет. Довольно скоро к вам придут еще посетители, и на этот раз официальные лица. Им очень любопытно знать, почему кому-то настолько нужна встреча с вами, что он пошел на кражу фирменных бланков и подделку подписи. А ты иди к выходу, - рявкнул Ноулан блондину, - и двигайся медленно. Через несколько минут за тобой придут лимузин. Значит, ты полагал, что с моей стороны было бы неплохо сделать телефонный звонок, верно? А ты хитер. Ты и впрямь думал, что мне стоит позвонить. Ты...

Ноулан намеревался сказать: "Ты, упрямый ублюдок!" - но краем глаза заметил, что из коридора, раскрыв рот от изумления, на него смотрит медсестра из четырнадцатой палаты. Поэтому он сказал:

- Ты, резная камень агатовая!

Это прозвучало настолько глупо, что Ноулан покраснел, как только услышал собственные слова, и подумал: где же, черт возьми, он мог подцепить такое выражение?

## Глава 9

В Белом доме, в половине восьмого вечера четверга, десять мужчин и одна женщина ели жареных цыплят с горячими булочками. Хотя на заседании кабинета министров ими было рассмотрено множество дел, некоторые вопросы пришлось отложить - уж больно много времени было затрачено на длительное и жаркое обсуждение статуса Гарри Браунелла. Соглашение по этому вопросу было достигнуто только под давлением миссис Стэнли, которая заявила, что откажется участвовать в работе, если Браунелл, без всяких оговорок и условий, не будет восстановлен в качестве члена Совета. Последовали телефонные переговоры с министром обороны Оливером, а также с министром юстиции Дэвисом, и Браунеллу удалось сохранить место в Совете. Согласие, однако, не было единодушным: Теодор Шик, министр торговли, присутствовавший на утреннем заседании, ушел, и никто не знал куда. Не удалось найти вице-президента Моллесона, а Льюис Уорделл отказался менять свое мнение даже после ультиматума жены президента. Правда, он неохотно признал, что решение принимается большинством голосов, и Браунелл остался членом Совета.

Еще одной причиной, по которой в тот полдень кабинет оказался не в состоянии быстро и должным образом выполнять возложенные на него обязанности, стало пресловутое дело "Ричарда Крэнмера" - британского торгового судна, которое несколько дней простояло в доках Бруклина, принимая на борт груз. В четверг оно вышло из гавани, направляясь в Ливерпуль, по ту сторону Атлантики. А в час дня два военных корабля, точнее, два крейсера Соединенных Штатов, развели пары и отправились за ним в погоню. И хотя не было сделано ни одного официального заявления ни по поводу самого факта погони, ни по поводу причин, вынудивших пойти на это, однако сперва

в виде слухов, а вскоре в виде набранных аршинными буквами заголовков специальных выпусков газет стало утверждаться, что три докера четко и ясно видели на борту "Ричарда Крэнмера" президента Соединенных Штатов. Он лежал на носилках, и по одной из нижних палуб его несли туда, где располагались каюты командного состава.

Из десятка тысяч возникших за эти три дня сплетен о том, что президент найден, этот слух породил больше всего надежд и сопровождался самым горьким разочарованием. На борт была послана радиограмма с просьбой лечь на обратный курс и направиться к порту отплытия.

В ответе на эту радиограмму сообщалось, что капитан очень сожалеет, но груз на борту судна очень нужен в Англии и, кроме того, при выходе из порта были соблюдены все необходимые формальности, поэтому команда намерена продолжить плавание. Ответ на вторую радиограмму, которая повторяла первую, но уже в более повелительном тоне, тоже содержал отказ; он был проникнут еще большим сожалением, но не становился от этого менее решительным. К этому времени крейсера довели давление в котлах до нормы, подняли якоря и устремились в погоню.

В полдень, в четверг, американский народ был решительно и единодушно настроен против войны. Этим убеждением американцы не были обязаны ни одному антивоенному доводу, хорош он был или плох; оно родилось на гребне волны типичного и всеобщего рассуждения: банда поджигателей войны похитила президента.

Тот, кто это сделал, должен быть расстрелян. Следовательно, не нужно убивать никого, за исключением тех, кто хочет, чтобы американцы начали стрелять в кого-то еще. Однако спустя четыре часа картина радикально изменилась. Заработали десять миллионов радиоприемников, и ни один не страдал отсутствием аудитории, в то время как поля ждали пахаря, а остатки яичниц с ветчиной сохли на невымытых с обеда тарелках. Эти грязные предатели-англичане вывезли нашего президента в океан, а сперва они пронесли его на судно на носилках - он болен или травмирован, он тяжело ранен, он мертв!

Но крейсера вернут его, они отправят английское судно на дно моря и привезут президента, а тогда... Если бы хоть малая толика угроз, что были высказаны в тот день в адрес англичан, оказалась бы выполненной, то скелет, который лежит в могиле Наполеона Бонапарта, захохотал бы в дьявольском ликовании.

Немногим позже четырех часов до нации долетели слова о том, что "Ричард Крэнмер" перехвачен и остановлен; на его борт поднялась штурмовая группа, и судно подверглось обыску. Были обнаружены носилки, на которых, согласно показаниям капитана судна, доставили в свою каюту его помощника, у которого была сломана коленная чашечка. Никаких следов президента. Американский народ оказался в нелепом положении, когда, нацелив и подготовив к выстрелу пушку, до дульного среза набитую мстительным гневом, он увидел, что цель исчезла. Некоторые пожалы плечами и доели свой обед, кто-то напился, а большинство осталось при пушке, вычисляя, где притаилась банда поджигателей войны.

Члены кабинета министров не слишком поверили в сказку о трех докерах, их действия ограничились приказом министру военно-морских сил отправить в погоню два крейсера; они и на самом деле не верили в то, что президент окажется на судне. Однако вероятность подобного события и ожидание результатов экспедиции крейсеров замедлили работу кабинета, и без того уже задержанную пререканиями по вопросу о Браунелле. А еще нужно было обсудить реакцию на сообщение Японии о базе русских, якобы существующей на Филиппинских островах, решение конгресса прервать свою работу на неопределенное время, продление срока действия списка контрабандных товаров для американских кораблей, покидающих родные порты, а также другие подобные и не менее досадные вопросы, включая полный провал всех усилий найти президента. Однако наибольшую тревогу и озабоченность вызывал тот факт, что вице-президент Моллесон не показывался в Белом доме. В ту же среду вечером посланные Уорделлом детективы засекли, как он вышел из дома Хартли Гриннела, но ближе к середине дня в четверг, когда Моллесон вошел в

здание Управления сената и больше не появлялся, его след был потерян. При наличии тоннеля, ведущего в Капитолий, и при множестве подъездов у этих двух зданий Моллесону очень просто было ускользнуть от наблюдения, особенно если ему было известно о шпионах и имелись основания от них отделаться.

Кабинет министров ничего не знал о собрании в апартаментах "Д" на восьмом этаже отеля "Пилигрим", однако им было известно об отчаянной решимости и изобретательности оппозиции. А еще они знали, что куда-то пропал Вормен, а также Дэниел Каллен и Калев Рейнер, а еще, что из Нью-Йорка в Вашингтон прибыли Пирсы и что с Центрального вокзала они уехали в неизвестном направлении. Немногим позже шести от министра обороны поступили свежие и еще более тревожные новости. Оливер сообщил, что у него возникла необходимость переговорить с генерал-майором Киттерингом, но он не смог его найти. Это было очень странно, особенно если учесть верность генерала своим обязанностям. Оливеру это показалось настолько странным, что после некоторого размышления у него родилось хотя и маловероятное, но очень тревожное подозрение. Он дал задание во чтобы то ни стало связаться с каждым офицером высокого ранга в Вашингтоне и его окрестностях. За исключением четырех человек, а именно: генерал-майоров Киттеринга, Хеджеса и Джонса, а также бригадного генерала Ридли, все они были обнаружены примерно там, где и должны были находиться. Как заявил Оливер, в силу различных причин, о которых нет нужды говорить подробно, то обстоятельство, что не удалось связаться именно с этой четверкой, делало его подозрения менее невероятными, но зато гораздо более тревожными. Биллингс, который выслушал все эти сведения по телефону, сразу же всполошил кабинет министров.

После короткого совещания был сделан звонок министру обороны с просьбой временно передать власть генерал-майору Каннингему, а самому немедленно прибыть в Белый дом. Миссис Стэнли отправилась к повару распорядиться насчет жареных цыплят и горячих булочек, чтобы никому не было нужды уходить с заседания. Браунелл запросил в Госдепартаменте справку о динамике развития текущих проблем. Льюис Уорделл позвонил начальнику Управления секретной службы Скиннеру и сообщил, что он, Уорделл, может не вернуться в управление до полуночи и вся полнота власти по-прежнему принадлежит ему, Скиннеру. Прибыл Оливер, и вскоре вслед за ним пришел генеральный прокурор Дэвис, который провел все утро у себя в кабинете, занимаясь задачами, требовавшими немедленного решения. На повестку дня был поставлен вопрос о генералах. Оливер сообщил, что он дал указание Каннингему немедленно установить связь со всеми офицерами, в ранге от капитана и выше, и доложить результаты этой работы в Белый дом.

В полвосьмого приехал Теодор Шик. Он вошел и закрыл за собой дверь в библиотеку, каблуки его начищенных ботинок гулко стучали по паркету, а потом этот звук заглушил ковер. Все смотрели на министра с удивлением. Уорделл, у которого нервы были и без того на пределе, не нашел ничего лучше, чем сказать:

- А что, разве Шик нам здесь нужен?

Шик поклонился собравшимся и улыбнулся:

- К вашим услугам, мадам и джентльмены. Конечно, если вам будет угодно, я могу уйти.

Однако не считайте меня своим врагом, не тот у меня характер.

- А что вам здесь нужно? - спросил Лигетт.

Шик продолжал улыбаться:

- Ну как вам сказать. Ведь это же заседание кабинета министров...

- Да, так оно и есть, так оно и было. В течение всего дня.

- Верно. Но вы не нуждались во мне, а я во времена подобных потрясений нуждаюсь в виски с содовой.

Дэвис нетерпеливо махнул рукой в сторону свободного кресла:

- Садитесь, Теодор, знаю я вас. Только шутников нам и не хватало.

Шик было направился к креслу, но остановился. Дело в том, что миссис Стэнли решила встать из-за стола, и Шик бросился к ней, чтобы отодвинуть ее кресло.

Обернувшись, миссис Стэнли кивнула в знак благодарности, и, хотя на ее усталом и встревоженном лице даже мелькнула тень улыбки, это была чисто автоматическая реакция.

- Джентльмены, - сказала миссис Стэнли, - пришло время перекусить. Мистер Шик, я знаю, что привело вас сюда, несмотря на отсутствие виски и содовой: где бы вы ни находились до этого, вы учуяли, что здесь пахнет жареными цыплятами.

- Миссис Стэнли, - с поклоном отозвался Шик, - если мне когда-либо потребуется помощь ясновидящей, я обращусь к вам. Вашу руку, мадам.

Она взяла его под руку. Остальные мужчины тоже встали из-за стола и пошли вслед за Шиком и супругой президента.

По общему соглашению во время еды обсуждались и принимались решения по внутренним и международным проблемам меньшей важности, оставленным без внимания на совещании, проведенном во второй половине дня. Уорделл сидел и злился; можно сказать, он был раздражен, если такое выражение вообще применимо к чиновнику высшего ранга, в момент невиданного национального кризиса оказавшемуся на грани отставки из-за того, что все его усилия пошли прахом. Он перебивал Браунелла, был непочтителен по отношению к миссис Стэнли и оскорблял окружающих. Но и остальные вели себя не лучше. Миссис Стэнли, которая всегда заботилась о том, чтобы прием пищи протекал в атмосфере дружелюбия и согласия, вынуждена была оставить всякую надежду и поспешила закончить ужин.

- Мы и говорим, и едим, и двигаемся в каком-то сплошном кошмаре, - шепнула она Шик, - это просто ужасно.

В половине девятого все снова собрались в библиотеке. Было завершено обсуждение срока действия перечня контрабандных товаров и принято решение, что Лигетт продлит этот срок сообразно своему усмотрению. Без четверти девять поступило донесение от генерал-майора Каннингема. Связаться удалось пока еще не со всеми офицерами, но этого следовало ожидать. Однако некоторые случаи отсутствия офицеров требовали внимания, в особенности это касалось полковника Грэма, помощника генерал-майора Хеджеса. Будучи дома, тот получил какую-то записку, направленную ему с вестовым, и сразу же уехал, не сказав жене куда и зачем.

- Я знаю Грэма, - произнес Оливер, - он хороший офицер, но предан Хеджесу.

В это время дверь библиотеки открылась, и вошел слуга. Он приблизился к большому столу, за которым сидели министры, и замер. Было видно, что он испытывает неловкость. Все вопросительно смотрели на него. Прежде чем миссис Стэнли смогла что-либо сказать, рывкнул Уорделл:

- Ну, что там у вас?

Казалось, слуга почувствовал облегчение, теперь он знал, на кого смотреть при разговоре.

- Вице-президент, сэр. Он находится в вестибюле.

Все обменялись взглядами.

- Ну что же, я полагаю, что он по-прежнему является нашим вице-президентом, - прокомментировал это сообщение Уорделл. - Почему он не вошел прямо сюда?

- Он велел мне доложить о его прибытии.

- Попросите его войти.

Слуга вышел. Все снова обменялись взглядами.

- Я полагаю, - проворчал Биллингс, обращаясь к Лигетту, - эта жирная свинья протоптала дорожку к другой кормушке.

- Коль скоро Ахиллес сидит разгневанный в своем шатре, его нужно вывести из этого состояния, до того как его меч и щит попадут в недостойные руки, - прошептал миссис Стэнли Теодор Шик.

Жена президента, всегда отличавшаяся умом и смекалкой, бросила в его сторону быстрый удивленный взгляд, а после, полуприкрыв глаза, рассеянно кивнула.

Вошел Моллесон и остановился у стола. Все молчали. Лицо вице-президента налилось кровью, галстук съехал на сторону, а нижняя пуговица жилета расстегнулась. Он, часто моргая, смотрел на собравшихся, а Шик прошептал миссис Стэнли:

- Судя по всему, он выпил гораздо больше виски, чем я.

Моллесону только этого и нужно было - чего-то такого, к чему можно придраться. В конце концов, он повидал много политических кампаний и участвовал во многих стычках.

- А, это вы, Шик, - проворчал он, - не видел вас со вчерашнего дня, когда мы были в доме у Гриннелов и вы что-то подсказывали Джорджу Милтону.

Шик с негодованием отмахнулся от подобной инсинуации, но лицо его заметно побледнело.

- Ой, Моллесон, только не надо рассчитывать на какие-то обходные маневры с моей стороны! - воскликнул он. - Я предпочитаю быть сторонним наблюдателем.

- Вот ваше кресло, Боб, - вмешался в разговор Биллингс.

- Да пошло оно к черту! - С этими словами Моллесон, по-прежнему часто моргая, уставился на миссис Стэнли. - Прошу прощения, мадам, - сказал он, а потом посмотрел на Браунелла и заключил:

- Значит, вы уже здесь. Комедия Уорделла продолжается. - После этого Моллесон оглядел всех собравшихся. - Если вы думаете, ребята, что вы творите историю, то это - чертовски плохая история. - С этими словами он склонил голову перед миссис Стэнли и повторил:

- Прошу прощения, мадам.

Все смотрели на вице-президента.

- Садитесь, Моллесон, - пригласил Оливер. - Мы хотим задать вам несколько вопросов.

Все замерли в ожидании. Поколебавшись, Моллесон подошел к единственному незанятому креслу, отодвинул его и сел. Он оказался на противоположном конце стола, прямо напротив миссис Стэнли, справа от него сидел министр труда, а слева - Биллингс. На том конце стола, где всегда сидел президент, кресла не было, миссис Стэнли отказалась садиться в него. Дэвис нашептывал что-то Лигетту, и тот кивал.

- Моллесон, не поймите нас превратно, - сказал Оливер. - Вы были членом нашей команды. Вы вышли из нее. Таковы факты. В чрезвычайной ситуации мы делаем все зависящее от нас, но ситуация останется таковой до тех пор, пока не будет найден президент. Вы осложняете нам задачу. Мы считаем это недопустимым и требуем объяснений.

- Я пришел сюда не затем, чтобы давать объяснения, - огрызнулся Моллесон.

- Наверное, вы пришли ради чего-то еще, - негромко заключил Дэвис.

- Независимо от того, зачем вы сюда пришли, с вашего разрешения давайте начнем с объяснений, - подал голос Лигетт.

Моллесон откашлялся:

- Мне нечего объяснять. За одним исключением. Во вторник, во второй половине дня, в этой самой комнате министром торговли было высказано мнение, что в отсутствие президента руководство исполнительной властью становится естественной конституционной обязанностью

вице-президента. Тогда я отказался... нет, не отказался, а просто не поддержал это предложение. Попытка избежать возложенной на меня конституцией ответственности была трусостью с моей стороны. Когда человека избирают на высокий пост, он должен быть готовым выполнять свои обязанности при самых непредвиденных обстоятельствах точно так же, как и в обычных условиях. В особенности нельзя уклоняться от ответственности, связанной с исполнением обязанностей, накладываемых выборной должностью. Конечно, у вас, джентльмены, нет оснований испытывать подобное чувство. Естественно, что ваш первейший долг - это долг перед президентом, назначившим вас на посты. Мой же долг - это долг перед страной, перед народом Америки. Мне следовало понять это и взять на себя руководство еще тогда, когда оно было предложено. Смею уверить вас, теперь я понял это и готов принять власть.

Высоко подняв голову, он оглядел собравшихся.

- Да вам никто и не предлагал ничего подобного, - забеспокоился Браунелл.

- Боб, вы, по-моему, сами все придумали, - вторил ему Биллингс.

- Помнится, я действительно делал подобное предложение, - поспешил вставить Шик, - но оно было единогласно отклонено.

- Вы что, хотите сказать, что намереваетесь взяться за работу, выполняемую Уорделлом? - задал вопрос Лигетт.

- Да мы и не выбирали никакого руководителя, - заявил Дэвис. - Мы передали Уорделлу полномочия, связанные с поисками президента. Мы полагали, что вы будете заняты в Капитолии, представляя там нас.

- Мне не нужны оправдания, - отрезал Моллесон.

Лицо его стало еще краснее, он вытащил из кармана платок и вытер пот.

- Да вы их и не получите, - огрызнулся Уорделл, - давайте ближе к делу. Чего вы хотите?

- Вопрос не в том, чего хочу я, - Моллесон стукнул кулаком по столу, - а в том, чего требует конституция и чего ожидает страна.

- Я вижу, - подал голос Теодор Шик, - что рано или поздно все начинают любить конституцию.

Но Уорделл на эту ремарку не обратил внимания.

- И чего же требует конституция? - спросил он.

- Чтобы пост президента Соединенных Штатов не оставался незанятым. Спросите генерального прокурора. Дэвис, может ли быть какое-то еще толкование этого пункта?

- Определенно, нет.

- Ну так и что же?

- К данному случаю это не относится. Пост президента занят.

- Занят? У нас что же, есть президент? Где же он тогда?

Посыпался град упреков. Дэвис поднял руку. Речь его была ровной и выдержанной.

- Послушайте, Моллесон, - сказал он, - не надо втягивать нас в дискуссию. Нет смысла играть словами. Мы все знаем, как это звучит. Конституция гласит: "В случае отстранения президента от его должности, в случае его смерти, отставки или возникновения иных препятствий исполнению обязанностей на названном посту эти обязанности передаются вице-президенту". Все зависит от того, что понимать под "иными препятствиями"; и вопрос об этом поднимался не раз.

Конституция не предлагает толкования этому положению и не говорит, кто обязан его истолковать. В сложившейся ситуации мы, кабинет министров, то есть те, кто стоит во главе исполнительной власти, даем ему свое толкование; нет никакого сомнения, что у нас есть на это столько же прав, сколько и у вас. Мы утверждаем, что пост президента занят.

- А я не согласен, - заявил Моллесон.



- Что вы сказали?

- Я говорю, что со среды являюсь президентом Соединенных Штатов. - Сказав это, Моллесон с вызовом оглядел всех.

- Ну, вот мы и дожили, - пробормотал Шик.

- Но, Боб, вы же видите, что вы в явном меньшинстве.

- Вы не можете ставить конституцию на голосование.

Вы бы попытались...

Здесь Лигетт перебил Моллесона:

- Нам бы не повредило запротоколировать результаты голосования, не правда ли? - Он оглядел собравшихся, все закивали в знак согласия. - Миссис Стэнли, мистер Браунелл, если вы не возражаете, мы ограничим участников голосования только членами кабинета министров. Цель голосования в том, чтобы кабинет министров подтвердил свое согласие с тем, что пост президента США не является свободным и положения конституции, предусматривающие передачу власти вице-президенту, к сложившейся ситуации не имеют отношения. Кто "за", джентльмены?

Кто шепотом, кто ворчаньем, кто бормотанием, но свое согласие подтвердили все.

- Кто против?

Ответом было всеобщее молчание.

- Моллесон, присоединяйтесь, пусть голосование будет единодушным, - сказал Дэвис.

- Боб, кончайте, вы же видите, что это бесполезно.

Будьте с нами.

Оттолкнув кресло так, что оно едва не упало, Моллесон встал. Неожиданно лицо его стало бледным, что, учитывая его обычное полнокровие, производило поразительное впечатление; Моллесон выглядел больным.

- Джентльмены, - сказал он. Голос его дрожал, но это был не тот рассчитанный эффект, к которому Моллесон часто прибегал в словесных баталиях в сенате, перед тем как подняться на трибуну. Эта дрожь была обусловлена отчаянным биением сердца. - Члены кабинета министров!

Я требую, чтобы мне немедленно была предоставлена вся полнота исполнительной власти и право распоряжаться государственной печатью. Я требую этого в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов.

Биллингс покачал головой.

- Это очень скверно, Боб, - сказал он, - чертовски скверно.

- Моллесон, вы дурак, - вздохнул Дэвис, - вы в одном шаге от государственной измены.

- С каких это пор верность конституции является государственной изменой? Джентльмены, вы слышали мои требования. Я советую вам, я умоляю вас, не погружайте страну...

Он замолк, не договорив. Все смотрели на него.

- Да-да, продолжайте, - негромко сказал Шик. - Итак: погружайте страну...

Моллесон поджал губы и покачал головой, лицо его побагровело. Он опустился в кресло:

- Джентльмены, вы слышали мои требования.

- Не будьте ослом, - ответил на это Лигетт.

- Значит, вы отказываетесь. Что бы теперь ни случилось, вина ляжет на вас. Говорю вам, это большая ответственность... вина... что бы ни случилось! - Выкрикивая это, Моллесон брызгал слюной. Наконец он поднялся и направился к выходу.

За мгновение до этого Браунелл бросил взгляд на Оливера, тот кивнул, и они вдвоем встали с кресел, обогнули стол и встали на пути к двери. Увидев их, Моллесон двинулся в обход. Браунелл

вцепился в него, а Оливер подошел к двери и прислонился к ней спиной. За исключением Шика и миссис Стэнли, все, кто сидел за столом, тоже поднялись. Дэвис шагнул к двери. Крича: "Что это значит?" - Моллесон вырывался из рук Браунелла.

- Вы сами видите, что это значит, - отозвался Оливер. - Неужели вы думаете, мы настолько глупы, что выпустим вас отсюда?

- Дайте пройти! - сверкая глазами, прорычал Моллесон.

Теперь путь к выходу преграждали стоявшие бок о бок Оливер и Дэвис.

- Моллесон, нас здесь десять человек. Так что вам бы лучше не спорить.

- Зачем он нам нужен? - вмешался Браунелл. - Вы что, надеетесь, он расскажет, кто его научил так интерпретировать конституцию? Сомневаюсь в этом.

- Заприте его в кабинете президента, - посоветовал Шик, не потрудившись встать из-за стола. - Поставьте там кровать, он сможет на ней повалиться.

Лицо Моллесона побледнело, голос задрожал:

- Дэвис... Браунелл... вы - проклятые дураки... неужели вам не приходило в голову... а что, если Стэнли мертв?..

Я - президент, слышите вы, идиоты... Это измена!..

- Успокойтесь, Моллесон, - сказал Оливер, подходя к нему. - Мы живем в условиях действия закона о военном положении, а я - министр обороны. Вы арестованы и будете находиться под арестом до тех пор, пока президент Стэнли не займет положенный ему пост. И если случится так, что он, боже упаси, погиб, вы останетесь под арестом, пока не объясните, как подобная мысль пришла вам в голову, да еще в такой момент.

Вице-президент Моллесон смотрел на Оливера, и на этот раз в его глазах не было вызова.

## Глава 10

В ту ночь, а точнее, в три часа ночи с четверга на пятницу, в кабинете министра обороны собрались более двух десятков офицеров различных званий. Все были одеты в военную форму. Некоторые работали за столом, где были разложены кипы скоросшивателей и папок с личными делами; другие стояли и сидели по всему кабинету. Бригадный генерал негромко беседовал с министром обороны, расположившимся за своим письменным столом. Лица у всех были напряженными, их переполняло отвращение, поскольку дело, в котором эти офицеры оказались замешаны, было сопряжено с опасностью и не сулило никакой славы в порядке компенсации. Генерал-майор Каннингем сидел в кресле в центре комнаты. Он держал в руках папку и бегло просматривал находившиеся в ней бумаги. Возле дверей стояли солдаты.

Наконец Каннингем обратился к офицеру, который отошел от стола и вытянулся перед ним:

- Ладно, пришлите сюда этого капитана Фаррела.

Офицер переговорил с одним из солдат, тот повернулся и вышел из кабинета. Через несколько мгновений он вернулся, ведя перед собой молодого мужчину в штатской одежде. Офицер приказал мужчине подойти поближе, тот встал перед генералом и отдал ему честь. Каннингем оглядел его, а потом заговорил резко и отрывисто:

- Капитан Фаррел, прошлым вечером, примерно около десяти, вас посетил полковник Артур Хэмлин?

Вытянувшись по стойке смирно, допрашиваемый стоял прямо и неподвижно.

- Да, сэр, - ответил он.

- Он привел вас в клуб "Чизпик", в зал, где, кроме вас, присутствовали и другие офицеры?

- Да, сэр.

- Генерал-майор Киттеринг был там?

- Да, сэр.

- О чем там шла речь?

Капитан Фаррел сжал губы и вздохнул.

- Ну? О чем там шла речь?

- Я не могу вам ответить, сэр.

- Вы хотите сказать, что ничего не слышали? Вы что, глухой?

- Никак нет, сэр. Я слышал только часть того, что там говорилось. Спустя примерно полчаса я ушел оттуда.

- Скажите мне то, что вы слышали.

На капитана было жалко смотреть. Его трясло.

- Сэр, прошу вас, - умолял он. - Я ушел с этого собрания, как только полностью осознал, что мне предлагают. Я не преступник и не предатель. Прошу вас, сэр, не вынуждайте меня...

- Когда вы оттуда ушли, куда вы направились?

- Я вернулся к себе в казарму.

- Вы доложили обо всем, что имело место, командиру вашего полка полковнику Сэмену?

- Никак нет, сэр.

- Значит, не доложили. Располагая сведениями о заговоре мятежников, вы не доложили непосредственному начальнику, а теперь желаете скрыть это и от меня.

- Никак нет, сэр... - Капитан спешно продолжил:

- То есть я хочу сказать, что ничего не слышал о мятеже.

Там поднимался вопрос о полномочиях...

- Ерунда. Решать, что является мятежом, а что нет, - не ваше дело. Для этого существуют положения устава.

Я больше не стану терять свое время на вас. Если ваши моральные обязательства по отношению к собратьям входят в конфликт с вашим долгом офицера, вы недостойны этого звания. Так вы скажете мне, что услышали на том собрании? Да или нет?

Плечи капитана поникли, но он распрямил их снова:

- Да, сэр!

Каннингем одобрительно кивнул.

- Хорошо, - сказал он и, повернувшись, крикнул:

- Полковник Нэш!

Один из офицеров поспешил к генералу.

- Полковник Нэш, - повторил Каннингем, - капитан Фаррел хочет сделать заявление. Пойдите в комнату на той стороне коридора и оформите протокол должным образом. Вы можете также допросить капитана. А вы, капитан, обязаны сообщить все, что вам известно.

- Да, сэр.

Оба офицера отдали честь, повернулись и покинули кабинет. От стола отошел еще один офицер. Каннингем отдал ему папку, взял у него следующую, раскрыл ее и проглядел бумаги.

- Капитан Джеймс Фостер. Кто это?

- Рота "У", сто тринадцатая, переведен из форта Корлисс. Несет службу в Капитолии под командованием полковника Блейна.

- Ах да, - кивнул Каннингем, - пришлите его сюда.

И снова был послан рядовой, и снова он вернулся, на этот раз с капитаном в армейской форме - смуглым, коренастым и заспанным.

- Полковник Блейн находится под арестом, - сообщил Каннингем капитану, - вашим полком сейчас командует полковник Этвуд.

- Да, сэр. Я понял, сэр.

- Что вы делали вчера, начиная с шести часов вечера?

На лице капитана мелькнула и исчезла недовольная гримаса: перед тем как дать ответ, ему пришлось подавить зевоту.

- До девяти вечера я был на дежурстве, - наконец ответил он. - Потом я лег в койку и заснул.

- Что вам известно о деле, которое связано с полковником Елейном? Я имею в виду не слухи, а то, что знаете вы лично.

- Ничего, сэр. Тот солдат, которого вы послали за мной, разбудил меня. О том, что полковник Блейн снят с командования полком, я ничего не знал до тех пор, пока не вошел в это здание.

Тут министр обороны окликнул Каннинггема. Генерал буркнул: "Ждите меня здесь", встал и, обойдя группу офицеров, работавшую за столом, направился к министру. Оливер и бригадный генерал, который сидел рядом с ним, дождались, пока Каннингем подойдет поближе, и начали разговор.

- По вопросу об охране Белого дома. Бартлетт говорит, что Хоббс хороший и надежный офицер.

- У меня в этом нет никакого сомнения, - кивнул Каннингем.

- Тогда мы оставляем его на посту?

- Если вам будет угодно. Вы говорили, что есть особые причины, по которым защита Белого дома и Государственного департамента должна осуществляться солдатами, чьи профессиональные качества и верность долгу не вызывают сомнений.

- Именно так. Причины эти... видите ли, они составляют тайну кабинета министров, но, уверяю вас, они существуют.

- Значит, решение принимать мне?

- Да, - кивнул министр.

- Хорошо.

Сказав это, Каннингем повернулся к бригадному генералу и распорядился:

- Отведите полк Хоббса на запасные позиции, а к Белому дому направьте тридцать девятый полк под командованием полковника Райта. Полк Райта должен прибыть туда до того, как Хоббс оставит позиции, скажем, часам к семи утра. - Затем он вновь обратился к министру обороны:

- Это все?

- Да, это все.

Каннингем вернулся к своему креслу. Коренастый смуглый капитан ожидал его прихода, и, усаживаясь, генерал случайно посмотрел на него как раз в тот самый момент, когда он, зевнув в очередной раз, поспешно закрывал рот. Капитан покраснел.

- Не знаю, насколько вы хороши как офицер, - сказал ему Каннингем, - но для заговорщика вы чертовски сонны. Отправляйтесь к себе и ложитесь спать. - С этими словами генерал взмахом руки позвал к себе офицера от стола и протянул ему папку:

- Вот возьмите это. Кто там следующий?

## Часть пятая

### ПЯТНИЦА - ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОКОНЧЕНО

#### Глава 1

Утром в пятницу, примерно часов в восемь, начался дождь. Он обильно, методично и последовательно падал на замершую столицу, на конгресс, на застывший в нерешительности кабинет министров, на оцепеневший где-то на полдороге государственный переворот. Вашингтон, так же как и вся страна, замер в сомнении, озлобленный, переполненный дикими и невероятными слухами, готовый взорваться от любой искры, бессильный против возмутительного преступления, относительно мотивов которого и лиц, совершивших его, так ничего и не прояснилось. Конгресс оказался между двумя противоборствующими и равно убийственными напастями. Угроза исходила как от людей, которые правили страной, так и от тех, кто обеспечивал в ней результаты голосования, поэтому народным избранникам не хватило смелости что-либо предпринять. Они удалились от дел. Деятельность кабинета министров зашла в тупик в силу его полной неспособности решить проблемы, связанные с исчезновением главы исполнительной власти. Утром в пятницу пресса и общество улюлюкали, высмеивая то, чему они с таким энтузиазмом аплодировали за день до этого, а именно: быстрый и решительный рейд крейсеров, имевший целью догнать "Ричард Крэнмер" и произвести на нем досмотр. И переворот зашел в тупик, потому что, как его лидеры к своему гневу и ужасу установили, вице-президент куда-то исчез или кто-то похитил его. Прозвучала одна из очень немногих самых неудачных догадок из всех когда-либо сделанных Д.Л. Ворменом; он предположил, что Моллесон перепугался до невозможности и от испуга сбежал куда подальше. В любом случае их затея могла потерпеть крушение благодаря быстрым и энергичным действиям Оливера и Каннингема, однако дезертирство Моллесона (бедняга! Он никак не заслужил подобной оплеухи от своего старого друга Вормена) расстроило все их планы и довело Дэниела Каллена до состояния безумной ярости.

Шел дождь. Он непрерывно падал из низких свинцовых небес, повисших над зашедшей в тупик страной.

#### Глава 2

Чик Моффету только раз не повезло в течение всех этих незабываемых, напряженных и бессонных часов, составивших три дня и три ночи, а это не так уж и много. С самого начала ему было известно, что для этого поразительного предприятия потребуются не только изобретательность, дерзость, быстрота мысли и хладнокровие, но также и везение. Он признавал, что у него все это было; однако в пятницу, в десять часов утра, когда Чик шел по коридору Белого дома и увидел в двадцати футах от себя шагнувшего ему навстречу начальника Управления секретной службы, он решил, что удача отвернулась от него. Возможности свернуть или каким-то иным образом избежать встречи не было. Чик попытался проскочить мимо, поприветствовав начальника на ходу дежурным кивком.

Но Скиннер остановил его:

- Что, черт возьми, ты здесь делаешь? Насколько я помню, тебе поручено следить за Линкольном Ли.

- Так точно. Сейчас его ведет Сэм Карр. Мы один раз упустили его вчера во второй половине дня, но потом я снова попал на след. Сейчас я иду к себе домой, мы договорились, что примерно в это время Сэм позвонит мне.

- Ясно. Ну а сюда, я полагаю, ты явился на завтрак с кабинетом министров?

Моффет был невозмутим:

- За мной послала миссис Стэнли. Личное поручение. За три года, что я нахожусь здесь, это вошло у нее в привычку.

- Не сомневаюсь. - Но серые глаза Скиннера выражали полное несогласие со сказанным их владельцем. - Мне бы хотелось засвидетельствовать ей свое почтение.

Уорделл послал меня сюда побеседовать с членами кабинета. Я полагаю, она там тоже будет.

- Наверное, она уже там. Я только что попрощался с ней.

- Ладно. Увидим. Ну, пошли.

И Чик пошел, проклиная свою горькую судьбу. Дело не в том, что у него были какие-то дурные предчувствия в отношении сообразительности миссис Стэнли, но независимо от цели его прихода в Белый дом было нежелательно, если не сказать опасно, чтобы об этом посещении стало известно Скиннеру; наступал последний, самый трудный и самый опасный час из всех прошедших, если, конечно, не возникнет какой-нибудь задержки. Чик шел вслед за Скиннером и мысленно ругался ему в спину.

У дверей библиотеки на верхнем этаже стоял агент секретной службы. Скиннер приказал доложить о своем приходе миссис Стэнли и попросить ее не отказать в любезности, уделив минутку внимания. Агент скрылся в дверях библиотеки. Ждать пришлось совсем недолго. Миссис Стэнли вышла, кивнула в знак приветствия начальнику секретной службы и с удивлением взглянула на Чика. Она была очень бледной, под глазами залегли тени, от былого очарования не осталось и следа.

- Миссис Стэнли, прошу вас извинить меня за беспокойство. В холле первого этажа я наткнулся на Моффета, и это удивило меня, поскольку я полагал, что он выполняет мое задание. Он сказал мне что-то о данном вами поручении. Я просто хотел знать, насколько это важно.

Чик, который хорошо знал, насколько проницательными могут быть глаза его начальника, когда он кажется рассеянным и равнодушным, изо все сил старался напустить на себя безразличный вид. Он не мог осуждать миссис Стэнли за то, что она какой-то миг колебалась, и мысленно заклинал ее не выдать себя. Первая леди государства великолепно справилась с этой задачей. В ее голосе Чик не смог услышать ничего, кроме досады.

- Важно? Да, но отнюдь не так важно. Личное поручение. Так что если существовали какие-то причины... право же, мне очень жаль, что я нарушила...

- Да нет, ну что вы! - произнес Скиннер извиняющимся тоном. - Просто я хотел знать, что он здесь делает. С учетом сложившихся обстоятельств существовала вероятность, что он мог соврать мне.

- Чик Моффет? - Тень улыбки мелькнула на лице миссис Стэнли. - Я назову множество других, кого гораздо легче заподозрить во лжи.

Начальник секретной службы кивнул, соглашаясь с ней.

- Это хорошая мысль - всегда нужно быть начеку.

Но вы должны меня извинить за беспокойство. Министр внутренних дел направил меня сюда, на заседание кабинета министров. Могу ли я войти?

- Сейчас узнаю. Подождите здесь, пожалуйста.

Агент, стоявший у входа, открыл дверь, и миссис Стэнли вошла в библиотеку.

А Скиннер сказал Чику:

- Ладно, продолжай работу.

- Есть, сэр. Меньше чем через час я снова сяду на хвост Ли.

- Хорошо, ступай.

Спустившись в вестибюль первого этажа, где он оставил шляпу и плащ, Чик посмотрел на часы. Они показывали пятнадцать минут одиннадцатого. Дождь на улице зарядил еще сильнее, чем раньше. Шагая по лужайке Белого дома, Моффет четырежды был остановлен стоявшими на страже военными. Последний, в чине капитана, потребовал, чтобы Чик предъявил ему пропуск.

Он предъявил - заполненный бланк Государственного департамента, подписанный секретарем президента Гарри Браунеллом.

### Глава 3

Пятнадцатью минутами позже, в половине десятого, Чик, сидя за рулем своего небольшого черного седана, ехал под дождем по бедной улице с сомнительной репутацией, на которой за шесть лет до этого нашел себе квартиру, ставшую для него родным домом. Прижав машину к тротуару напротив подъезда, Чик выскочил на асфальт. Прошли два пешехода - мужчина и женщина под зонтом. На расстоянии примерно одного квартала на север стоял солдат, закутавшийся в прорезиненную накидку; в противоположной стороне маячил еще один караульный. Чик отпер дверь подъезда и взбежал по лестнице на этаж, где располагалась его квартира.

### Глава 4

Еще через пятнадцать минут, без четверти одиннадцать, Чик снова вышел на улицу. Оказавшись на тротуаре, он посмотрел направо и налево, зажмурив один глаз и задрал подбородок, потому что второй глаз у него был полуприкрыт. Необходимость терпеть такие неудобства была условием начала действий по тщательно продуманной программе, которую он только что изложил в мельчайших подробностях своему сообщнику наверху, у себя в квартире. Перед тем как выйти, Чик задержался в подъезде, и его сердце отстукивало громкую дробь.

Сейчас ему, как никогда, нужна была удача. В силу характера избранной профессии Чик у за всю его жизнь пришлось пережить множество напряженных моментов.

Однако сегодня он впервые почувствовал, как бьется его сердце. Этот факт был отмечен им без особого удивления - дело в том, что мужчина наверху только что сказал ему: "Чик, мне не нужно напоминать вам, что малейший наш неверный шаг оборвет жизни миллионов людей". Чик уверенно усмехнулся в ответ: "Да, сэр".

Теперь, чувствуя, как бешено колотится его сердце, он еще раз огляделся, а затем, быстро приняв решение, повернул направо. Дождь немного утих. Сделав по тротуару дюжину шагов к тому месту, где стоял солдат, Чик обратился к нему. Часовой приветствовал его как доброго знакомого - Чик успел подготовить почву и еще за день до этого нашел повод поговорить с ним.

- Ты что-нибудь понимаешь в глазных болезнях? - спросил Чик. - Что-то попало мне в глаз, такое ощущение, будто там у меня целый дуб торчит.

Солдат пожал плечами:

- Встань под этот навес. У тебя есть носовой платок?

Чик достал платок из кармана и встал лицом на север. В результате этого маневра солдат был вынужден встать к северу спиной, чего и добивался Чик. Теперь сам он мог видеть подъезд, из которого только что вышел, и тротуар на протяжении почти целого квартала; улица была пустыня. Он позволил солдату, оттянув сперва нижнее веко, а затем верхнее, открыть зажмуренный левый глаз, а после разглядывать его так и эдак и тыкать в него кончиком носового платка, сложенного уголком.

"Операция" делалась кустарным методом, но Чик этого не замечал. Правым глазом он увидел, как из подъезда здания, в котором была его квартира, вышел человек.

Его фигуру скрывал широкий плащ-накидка, а на голову была нахлобучена шляпа с огромными полями.

- Черт побери, - выругался солдат, - я ничего не вижу.

- Попробуй снова посмотреть под верхним веком.

Такое ощущение, будто соринка именно там.

Тем временем человек в плаще медленно пересек тротуар и открыл заднюю дверцу черного седана. Напрягая правый глаз, Чик старался ничего не упустить. Вот человек наклонился, вот он встал на подножку, вот он уже в салоне. Из машины высунулась рука, потянула дверцу, и та закрылась.

- В двух кварталах отсюда есть аптека, - сказал солдат, - тебе лучше пойти туда. Если я и дальше буду действовать подобным образом, ты останешься без глаза.

Чик быстро и часто заморгал, взял носовой платок и вытер стоявшие в глазах слезы. Его сердце удар за ударом - тук-тук-тук - глухо билось о ребра.

- А мне кажется, - сказал он солдату, - ты уже вытащил ее.

- Черта с два. Наверное, от моих действий у тебя там все так онемело, что ты ничего не чувствуешь.

- В любом случае очень тебе обязан. Ну, я спешу.

Если почувствую, что соринка так и осталась в глазу, зайду в аптеку.

- Тебе лучше всего так и сделать. Водить машину под дождем, да еще с больным глазом, опасно.

Чик еще раз поблагодарил его и, прижав носовой платок к глазу, без особой поспешности зашагал к своему автомобилю. Сев за руль, он, не оборачиваясь назад, завел двигатель, включил передачу и отъехал от тротуара.

На первом же перекрестке он свернул направо. Начиная с восьми часов предыдущего вечера, с тех пор как было окончательно установлено место назначения, Чик, выбирая маршрут, снова и снова анализировал каждый квартал и каждый перекресток и в конце концов решил ехать по Восьмой улице, Массачусетс-авеню, затем по Десятой улице и далее по Мэриленд-авеню до самого гаража. Ему придется сделать только два левых поворота, и на таких перекрестках, где это будет несложно. Чик заключил, что, если он поедет, не привлекая к себе внимания, то есть не слишком медленно и, уж конечно, не слишком быстро, весь путь займет не более двенадцати минут, которые покажутся ему двенадцатью веками. На самом деле все оказалось вовсе не так. Вместо того чтобы растягивать каждую секунду, его чувство времени совсем отказалось работать. Все происходило как бы вне времени. Чик отчетливо воспринимал окружающее, он видел и те машины, что приближались, и те, что пролетали мимо него, и дождь, и мокрое покрытие дороги, и пешеходов на перекрестке. Однако больше всего его внимание занимали контакты трамблера, называемого еще распределителем-прерывателем. За месяц до этого они с Альмой как-то поехали покататься, и внезапно автомобиль закапризничал, начал дергаться, замедлять ход и ворчать. Механик в гараже сказал, что подгорели контакты трамблера, и что-то сделал с ними. Теперь Чик думал о том, что все это предприятие, вся эта безумная авантюра, оказывается в зависимости от горстки каких-то контактов в этом чертовом трамблере, а он даже не знает, что это такое. Шурша шинами по мокрой мостовой, мимо промчался автомобиль, и Чик, чуть повернув руль, направил машину поближе к тротуару.

Ожидая зеленого сигнала светофора на втором и последнем перекрестке, который ему предстояло пересечь, он бросил взгляд на заднее сиденье. Оно было пустым, человек лежал на полу, укрытый складками плаща.



Чику было неизвестно, находится ли гараж на Мэриленд-авеню по-прежнему под наблюдением или уже нет, но это не слишком заботило его, потому что в любом случае не стоило и пытаться останавливать и проверять все въезжающие автомобили. Воротник у его плаща был поднят, поля шляпы опущены, и если вдруг окажется, что здесь дежурит агент секретной службы, которому он знаком, весьма маловероятно, что его смогут узнать. Конечно, определенная доля риска существовала, но тут уж ничего не поделаешь.

Когда, проехав наконец всю Мэриленд-авеню, Чик сбросил скорость перед гаражом и, обшарив глазами все закоулки у въезда, не увидел никого, кто мог бы вызвать подозрение. Сделав поворот, он въехал в широкие ворота. В гараже находились два-три служителя да еще какие-то бездельники, и Чик, не останавливаясь, повел машину к пандусу. Включив вторую передачу и заставив мотор седана взрывать, он покатился по виражу на второй этаж, а затем на третий, и так до самого верхнего этажа. Там он резко повернул направо и двинулся по центральному проезду к передней части здания. По пути Чик никого не заметил, за исключением дежурного по этажу; тот поднял голову, перестал чистить бампер автомобиля и направился вслед за седаном Чика.

Прежде чем выйти из машины, Чик развернул ее и поставил носом туда, откуда приехал.

Дежурный подошел к Чику и сказал:

- Привет.

Чик кивнул в ответ и представился:

- Я из телефонной компании. - Он открыл правую переднюю дверцу седана и вытащил оттуда небольшой черный ящик. - Где здесь телефон?

Чик надеялся, что это сработает. Хоть и случилось так, что, кроме дежурного, на этаже никого не было, что сам дежурный отнюдь не выглядел впечатляюще, однако попытка отправить этого типа в нокаут будет, по все видимости, сопровождаться отчаянными воплями.

- А зачем он вам нужен? - спросил дежурный.

Чик был краток:

- Начальник сказал, что у нас есть приказ от министерства юстиции отключить этот номер.

- Ясно, - дежурный не излучал оптимизма, - приказ так приказ. Пойдемте.

Они протиснулись между рядами машин; было темно, дежурный на ощупь нашел дверь в стене и открыл ее. Слушая, как он шаркает ногами в комнате, Чик ждал его снаружи. Наконец за дверью вспыхнул свет, и Чик вошел.

- Телефон на столе, - сказал ему дежурный.

- Порядок.

Какое-то время он стоял и наблюдал, как Чик открывает ящик с инструментами и достает оттуда отвертку, а потом повернулся и вышел. Чик посмотрел на телефон, на проложенные по потолку провода и на укрепленную на стене соединительную колодку. Затем его взгляд скользнул по комнате, по обитым пробковыми панелями стенам, по стульям, столу, а также по крючкам для одежды на одной из стен. Все было так, как он и представлял себе по описаниям одного из своих приятелей, который участвовал в налете на гараж, проведенном утром в среду. Оглядев комнату еще раз, Чик кивнул, поставил черный ящик на стол, вынул из него панель с гнездами для крепления инструментов и заглянул внутрь. Там находились аккуратные мотки веревки и небольшой сверток. Чик опустил в ящик панель и на цыпочках подошел к выходу из комнаты; здесь он встал и прислушался. Не доносилось ни звука. Тогда Чик вышел, пересек пространство, отделявшее его от машин, нашел между ними проход, добрался до своего седана и открыл заднюю дверцу. Заглянув в кузов, он прошептал:

- Кивните, если слышите меня.

Под его взглядом человек пошевелился. Чик продолжил:

- Как только я закончу говорить, начинайте считать.

Через десять секунд идите. Не торопитесь, но и не медлите. Свет включен, и дверь открыта.

С этими словами он повернулся и быстро зашагал вдоль проезда. Нигде не было видно дежурного по этажу, и только когда Чик оказался у самого пандуса, он обнаружил его между парой автомобилей, тот по-прежнему протирал бампер. Чик подошел ближе.

- У этого аппарата есть связь с остальными телефонами гаража или у него самостоятельный ввод? - спросил он.

Дежурный даже не потрудился поднять голову.

- А сами-то по схеме определить не можете? - ответил он вопросом на вопрос.

- Я спрашиваю вас.

- Насколько мне известно, у него свой ввод.

- Премного благодарен.

Чик повернулся и пошел обратно по проезду, нырнул в проход между автомобилями, пробрался к стене и вошел в комнату, облицованную пробковыми панелями.

Теперь, закрывая дверь и заклинивая ее стулом, он действовал очень быстро.

## Глава 5

В двадцать минут двенадцатого Чик, сидя в своем седане, выехал из гаража, повернул налево и на приличной скорости промчался по Мэриленд-авеню. На Десятой улице он повернул на Массачусетс-авеню, а проехав пару кварталов, остановился перед аптекой, вошел в нее и направился к телефонной будке. Он чувствовал, как сильно дрожит у него рука, сжимавшая трубку. Ему потребовалось некоторое усилие, чтобы унять эту дрожь.

- Алло, - сказали на другом конце провода.

- Это гараж на Мэриленд-авеню? С вами говорит телефонист... Телефонист! Я только что был у вас по поводу аппарата, установленного на верхнем этаже, в обитой пробковыми панелями комнате. Я забыл выключить освещение... Ну, дежурный вам все объяснит.

Я подумал, что, может быть, вы не захотите зря жечь свет.

## Глава 6

Эд Грир, управляющий и совладелец гаража на Мэриленд-авеню, сидел за письменным столом в своем кабинете, расположенном на первом этаже в передней части здания, и пытался проверять ведомости ремонтных работ. Обычно он делал это быстро и аккуратно, однако сегодня работалось тяжело и непродуктивно. То обстоятельство, что он находился здесь, уже было данью его упорству, ибо обычный человек, получив в качестве напоминания о шести часах, проведенных им в подвале министерства юстиции, сотни синяков и ушибов в комплекте с забинтованной и ноющей от постоянной боли спиной, вывихнутой лопаткой и ребрами, протестовавшими против каждого вдоха, давно бы лежал на больничной койке. К физическим переживаниям и беспокойству по поводу потери клиентуры вследствие получивших огласку событий двух последних дней добавилась еще одна, менее досадная, зато совершенно новая проблема. Кто-то пять минут назад позвонил и сообщил, что он только что был наверху в облицованной пробковыми панелями комнате и оставил там непогашенным освещение. "До чего же вежливо с его стороны!" - подумал Грир и по внутреннему телефону позвонил дежурному по этажу, чтобы тот выключил свет.

Все, что хоть как-то напоминало ему об облицованной пробковыми панелями комнате, было, вне всякого сомнения, фактором достаточно раздражающим, чтобы еще ухудшить способность Грира проверять ремонтные ведомости. Он потянулся за следующей папкой и невольно застонал.

За спиной открылась дверь, и кто-то вошел в кабинет. Обернуться, чтобы посмотреть, кто пришел, было свыше возможностей Грира, поэтому он ждал, пока вошедший сам заявит о себе. Но голос гостя все-таки заставил его обернуться.

- Грир!

Грир не поверил своим ушам. Он отодвинул стул, встал и повернулся, раскрыв рот от удивления:

- Боже мой... вы... Боже правый!

- Я жду, Грир! - резко потребовал вошедший.

- Единение, - сказал Грир.

- Единение, - повторил Линкольн Ли и удовлетворенно кивнул, - а могло ли быть иначе? Вы - настоящий мужчина, Грир. Я знал это.

Грир вспыхнул от удовольствия. Принимая во внимание все, что произошло, подобное казалось невероятным, оно служило весомым свидетельством силы и обаяния личности Линкольна Ли.

- Сам по себе я - пешка, - проговорил Грир. - Но таких, как я, много. Командир, вам не следует оставаться здесь. Вы должны уехать. Ведь это же ваш собственный приказ: рисковать только тогда, когда в этом есть смысл, и никак иначе. Этим утром Беннет сказал мне, что вы уехали на север.

- Уеду через час. В настоящее время мне нечего делать в Вашингтоне. - Взгляд Ли был открытым и властным; он был чисто выбрит и стоял прямо, в любую минуту готовый к схватке; капли дождевой воды собирались на полях его фетровой шляпы и падали вниз; распахнутые лацканы дождевика позволяли убедиться, что он не расстался со своей серой рубашкой. - Этот город, которому подобает звание столицы мира, сейчас является не чем иным, как зловонной клоакой. За мной по пятам идут и твякают ищейки Уорделла, я не стану тратить время, чтобы прятаться от них. Шпион прокрался за мной и сюда. Ну и пусть! Я пришел, чтобы сказать вам, что я уезжаю, что списки у Беннета и что Фэллон, как и ранее, будет руководить вами. Я с Фэллоном встречался вчера и...

Услышав за спиной скрип открываемой двери и увидев выражение лица Грира, Ли замолчал. Он не стал поворачиваться. Дверь захлопнулась.

- Ну? - отрывисто произнес Грир, глядя куда-то вверх плеча Ли.

Ответа не последовало. Грир заговорил снова:

- Ну? Что случилось?

Ли обернулся. Прислонившись спиной к закрытой двери, стоял мужчина. Лицо его было мертвенно-бледным, губы дрожали.

- Черт возьми, да что с тобой стряслось? Ты что, не видишь, что здесь присутствует командир? Ну же, говори!

Однако мужчина - тот самый дежурный с верхнего этажа, - очевидно, был не в том состоянии, чтобы произнести положенный по уставу девиз "Единение!". Наконец он смог выговорить только одно:

- Там, наверху. В комнате. Пойдите и посмотрите сами.

- Ради бога, что же это такое?! - воскликнул Грир с раздражением. - В чем дело?

Дежурный не ответил. Вместо этого, к изумлению смотревших на него Грира и Ли, он внезапно повернулся, распахнул дверь и, выскочив из кабинета, промчался по бетонному полу, затем сквозь

широко распахнутые ворота выскочил на улицу и под дождем побежал по тротуару, словно за ним гнались убийцы.

Ли вопросительно посмотрел на Грира.

- Это невероятно. - сказал Грир в ответ на его взгляд. - Джо не трус, должно быть, он сошел с ума.

Я поднимусь и посмотрю, что там такое.

- Я пойду с вами.

- Вам нельзя терять время. Будет лучше, если вы отправитесь в путь.

- Я пойду с вами. Где здесь лестница?

Указывая дорогу, Грир шагал впереди. Они свернули за угол и преодолели три узких и темных пролета. Заканчивая подъем, Грир, тяжело ступая, плотно стискивал зубы, чтобы не застонать, в то время как Линкольн Ли шел легко, едва касаясь ногами ступеней. На верхнем этаже лестница вывела их на открытое пространство позади проезда для машин и менее чем в двадцати футах от облицованной пробковыми панелями комнаты. Дверь в нее была открыта, и оттуда падал свет. Грир вошел первым, за ним последовал Ли.

Войдя, Грир замер как вкопанный. Стало очень тихо.

Грир не сводил глаз с мужчины, который с кляпом во рту сидел, привязанный к стулу, у противоположного конца стола. Молчание становилось невыносимым, и Грир выдохнул:

- Господи, помилуй!

Линкольн Ли не сказал ни слова. Грир сделал шаг по направлению к столу, потом остановился и повернулся на сто восемьдесят градусов.

- Это он, - произнес Грир чуть слышно. - Ведь это же он?

Ли кивнул. Грир увидел, как напряглись его мышцы, а в глазах застыла пугающая сосредоточенность, и сказал:

- Ей-богу, это он! Послушайте. Будет лучше выключить свет, выйти отсюда, закрыть дверь и принять какое-то решение.

С этими словами он направился к выключателю, но его остановил голос Ли:

- Нет. Мы не можем покидать это место. А кто этот мужчина, который убежал из гаража?

- Джо Дэннерс. Он - один из наших, но сейчас это уже не имеет значения.

На Грира, который опять стоял лицом к Ли, было страшно смотреть: от волнения кровь прилила к его голове, и все многочисленные ушибы проступили еще отчетливее, приобрели жуткий сизо-багровый оттенок.

- Послушайте, - снова заговорил он, - если бы у нас было время, мы смогли бы что-нибудь придумать.

Но у нас времени нет. Тот парень, который приехал снимать телефон... Это он привез его сюда. Он позвонил мне потом. А кому еще он мог позвонить? Один Бог знает. За ним могут приехать в любую минуту. И Джо сбежал от нас. Мы повязаны, командир, нам не двинуться, мы влипли. Послушайте, есть только одно, что мы можем сделать. Нужно позвонить в секретную службу и сказать им, что он здесь. И надо сделать это быстро. В любом случае они постараются повесить на нас это дело, они скажут, что все следы ведут к нам...

Командир! Нет! Боже правый, нет!

Без сомнения, быстрый и безжалостный ум Линкольна Ли уже раз десять успел проанализировать сложившееся положение, еще до того как Грир закончил излагать свою единственную версию. Отчаянный крик ужаса, вырвавшийся у Грира, был вызван безумной яростью, вспыхнувшей в глазах Ли. Предводитель "Серых рубашек" сунул правую руку под

лацкан пиджака. Медленно и неумолимо он достал отливающий синевой вороненый автоматический пистолет.

- Не стреляйте! - заорал Грир.

Но Ли плавно и осторожно поднял ствол, нацелив его в грудь мужчины, привязанного к стулу.

Собрав все силы, которые только остались в его избитых, превращенных в сплошной синяк мышцах, Грир бросился на Ли.

## Глава 7

В половине первого Чик Моффет припарковал седан у подъезда своего дома, взбежал по лестнице, вошел в квартиру и запер за собой дверь.

Альма Кронин вскочила с обитого красной кожей кресла, стоявшего возле письменного стола. Все это время она страшилась услышать звонок телефона.

- Чик! Ну же, рассказывай.

- Он там. Связан и с кляпом во рту. Телефон по-прежнему подключен к линии. Трубка была привязана к аппарату бечевкой. В надежде, что в случае непредвиденных обстоятельств он сможет сбросить трубку с рычага - головой, плечом, чем угодно, - я перерезал бечевку и поставил телефон поближе к нему. Наверное, отдал бы все на свете, лишь бы мне разрешили позвонить на телефонную станцию и сказать: "Как только услышите сигнал от этого номера, сразу посылайте по этому адресу армейские подразделения".

- Чик, тебе не следовало везти его туда, тебе не следовало оставлять его там. Ты вообще не должен был позволять ему...

- Замолчи.

Чик снял плащ и шляпу и положил их на стул. Потом он подошел к девушке и встал напротив нее:

- Послушай, Альма. Учитывая то, что мне пришлось пережить за прошедшие три дня, в том числе необходимость садануть тебя в челюсть, я меньше всего расположен по-джентльменски реагировать на критику. Да и в любом случае я не джентльмен. Я спорил, я был против того, чтобы отвозить его туда. Ты сама это слышала. Я предложил десятки других вариантов, и некоторые из них могли бы сработать, но он их отверг. В конце концов я вынужден был уступить по двум причинам: во-первых, он - славный малый и заслуживает того, чтобы с ним считались, а во-вторых, потому, что его план оказался самым лучшим и разумным из всех остальных.

- И самым опасным.

- Это верно. Сэм Карр звонил мне?

- Нет. Я молила Бога, чтобы телефон молчал, в страхе, что позвонишь ты... что случилась авария или что-то в этом духе... что все раскрыто...

- Ну, ты зря беспокоилась. И еще, Альма. - Чик попытался улыбнуться. - Не так уж это опасно, как кажется на первый взгляд. Этот человек - Грир - на самом деле тот, кем себя считает, то есть добропорядочный гражданин. Просто у него все перепуталось в голове.

Дежурный пойдет выключить свет, а потом сообщит об увиденном Гриру; Грир поднимется на этаж, посмотрит и первым делом бросится звонить в Государственный департамент. Вот увидишь. Не пройдет и получаса...

- Но если это так, чего же ты потеешь?

Чик приложил руку ко лбу и почувствовал, что он влажный.

- Это не пот, - сказал он, - это дождь.

- Мне так не кажется.

Альма огляделась и увидела, что на письменном столе лежит ее платок. Она взяла его и снова подошла к Чику.

- Ты разрешишь? - спросила она.

- Ни в чем не могу отказать тебе.

Встав на цыпочки, девушка провела надушенным платком по лбу Чика и по его векам. "Пахнет прекрасно", - подумал Чик. Он еще раз попытался улыбнуться ей, но не смог, отстранился от Альмы, подошел к окну и выглянул из него: серые струи дождя, пустынные улицы и его автомобиль прямо под окном. Чик посмотрел на часы - было одиннадцать часов тридцать восемь минут. Он повернулся и вновь подошел к Альме:

- Господи, до тех пор пока я был чем-то занят, время шло нормально, а те...

Не договорив, Чик вздрогнул как ужаленный - зазвонил телефон. Молодой человек бросился к нему, схватил трубку и услышал голос Сэма Карра:

- Чик? Я по-прежнему сижу у него на хвосте. Надеюсь, я не разбудил тебя. Он засек, что я пасу его, но мне не кажется, чтобы его это особенно волновало. Я тоже подумал - а какого черта? - и сел с ним в один трамвай.

- Действительно, а почему бы и нет? - Чик старался настроить себя и интонации своего голоса на деловой лад. - Да хоть в триктрак с ним играй, если тебе так хочется. Послушай, Сэм, не окажешь ли мне одну услугу? Не мог бы ты еще часок последить за ним, а потом позвонить мне снова? Не возражаешь, а?

- Конечно нет. Сколько угодно. Я на этом деле не переутомился. Так что можешь не спешить! Я буду вести его до тех пор, пока не передам тебе. Сейчас я нахожусь довольно близко, в табачном магазине, расположенном на другой стороне улицы, как раз напротив входа в гараж, в который он направился. Так что, если он не затаится в выезжающем грузовике...

- В гараж? В какой гараж?

- В гараж на Мэриленд-авеню.

- Боже... - Чик вовремя остановился и постарался справиться с волнением. - Понял тебя. Однако у него нервы хоть куда. И давно он туда вошел?

- Да всего пару минут назад.

- Не нравится мне все это. Еду к тебе. Выйди на тротуар перед гаражом и смотри в оба.

- Да чего ты в самом деле? Куда спешить...

Но Чик уже положил трубку и устремился к двери.

Альма бросилась за ним:

- Чик! Что случилось?

- Самое паршивое, что только может быть. Линкольн Ли пришел в гараж.

С этими словами он выскочил в коридор. Альма долго смотрела то на распахнутую дверь, то на брошенные на стул шляпу и плащ Чика.

- Боженька... сделай так, чтобы ничего не случилось!..

## Глава 8

На этот раз, двигаясь по тому же маршруту, Чик не обращал никакого внимания на мелкие помехи, что встречались на пути. Пешеходы на перекрестках бросались врассыпную из-под колес его седана и посылали ему вслед проклятия; ни одна машина не смогла обогнать автомобиль Чика

и обдать его водой. На пересечении Десятой улицы и Массачусетс-авеню ему что-то прокричал полисмен, но Чик и его проигнорировал.

Когда он, вырвав на Мэриленд-авеню, круто повернул налево, машину занесло, и она ударила колесом о поребрик. Чик выровнял курс и устремился вперед. Осталось проехать только три квартала.

Затормозив и выскочив из машины, Чик сразу увидел Сэма Карра. Тот стоял возле широких подъездных ворот, разговаривая с женщиной в комбинезоне. Стараясь не сорваться на бег, Чик направился к ним. Сэм приветствовал его словами:

- Боже правый, у твоей тачки крылья выросли?

Чик улыбнулся в ответ и спросил:

- Он все еще там?

Сэм Карр кивнул:

- Минуту назад какой-то чокнутый вылетел из конторы и рванул вдоль по улице, но это был не Ли. Он гараж не покидал. Машины оттуда тоже не выезжали. Этот джентльмен говорит, что он не знает, как выглядит Ли.

- Ясно, - сказал Чик, посмотрел на мужчину в комбинезоне и спросил:

- А где здесь у вас лестница?

- Во-он там. - Служащий ткнул большим пальцем в нужном направлении.

- Да из-за чего такой шум? - спросил Сэм Карр. - И кто стащил твою шляпу? Я же пасу его, так что ты мог бы спокойно съесть еще миску икры.

- Не нравится мне все это. Мне не нравится, что Ли пришел сюда. Я пойду наверх, жди меня здесь. Не выпускай ни одной машины, не позволяй никому выходить из гаража.

- Ну так и быть, раз ты такой любопытный...

Но Чик уже не слышал его. Как и обещал мужчина в комбинезоне, справа за углом оказалась лестничная клетка. Чик перепрыгивал сразу через несколько ступенек, заставив мышцы работать с полной отдачей, и слушал то, что говорил ему внутренний голос: "Черт возьми, теперь я тоже оказываюсь вовлеченным во все это, но я на добром пути. Боже, надеюсь, что поступаю правильно, что не разрушу все построение".

Вот и последний пролет. Чик преодолел его одним прыжком. Из открытой двери комнаты падал сноп света, и в глубине ее кто-то громко крикнул: "Не стреляйте!" Услышав это, Чик бросился вперед, одновременно выхватывая из кармана пистолет. Еще с порога ему бросилась в глаза рука Линкольна Ли, твердая и уверенная, она была вытянута параллельно полу; он также увидел Грира, готового броситься на Ли, к сожалению, Грир явно запаздывал. На всякие любезности, вроде того чтобы стрелять в руку или в предплечье, времени уже не оставалось. Нацелив пистолет прямо в спину Ли, Чик дважды нажал на спусковой крючок.

Ноги у Линкольна Ли подкосились, он рухнул на пол и больше не двигался. Его автоматический пистолет так и не выстрелил, он выпал у него из руки. Грир, нетвердо ступая, сделал несколько шагов назад, наткнулся на стол да так и остался стоять, упираясь копчиком в столешницу. Чик повернулся к нему и скомандовал:

- Руки вверх!

Однако Грир не пошевелился. Тогда Чик подошел и обыскал его, похлопав ладонью по груди, бокам и бедрам.

- Ладно, - сказал он, - просто стой так и не двигайся.

После этого Чик левой рукой подтянул телефон поближе и снял трубку, думая с мрачной решимостью:

"Сейчас-то мы и положим конец этой маленькой комедии, ей-богу, положим". Он назвал телефонистке номер, посмотрел на мужчину, который сидел, привязанный к стулу и с кляпом во рту, не более чем в пяти футах от него, и показал ему язык.

- Алло, - раздалось в трубке.

- Управление секретной службы? Это Моффет... Да.

У меня есть сообщение для министра внутренних дел Уорделла... Ну хорошо, тогда свяжите меня с мистером Скиннером... Конечно, я знаю это, разве я не говорил, что у меня есть сообщение?... Хорошо. Скажите ему, чтобы он направил автомашину и пару агентов в гараж на Мэриленд-авеню, верхний этаж. Мне удалось обнаружить здесь президента... Разве я говорю не по-английски?... Да, президента Соединенных Штатов Америки!

## Глава 9

Начальник Управления секретной службы Скиннер сидел в своем кабинете. Бутылка бурбона, уже почти пустая, и стакан стояли на письменном столе возле его локтя. Глаза его были налиты кровью, волосы всклокочены, и ему бы не помешало побриться. Дождь прекратился, ветер изменил направление и погнал облака к океану через Мэриленд и Делавэр. Теперь, в конце дня, светило солнце, его косые лучи заглядывали в окна, падали на бутылку с бурбоном, на стакан и били прямо в лицо Чикю Моффету, который сидел в кресле напротив своего начальника.

- Хорошо, - вздохнул Чик, - но мне хотелось бы пойти домой и помыться. Мне сегодня еще предстоит обед, а к девяти часам я хочу попасть к себе, чтобы послушать вечерние новости.

Скиннер прищурился и спросил:

- Ну, тогда, может быть, завтра? Сегодня я и так пьян.

- Завтра я дежурю в Белом доме, - усмехнулся Чик. - Мне поручено охранять президента.

- Да, знаю. Послушай, Моффет. Возможно, ты и герой, но я в любом случае хочу с тобой малость поболтать.

- Но мне кажется, мы уже все обсудили. И я уже написал отчет.

Начальник секретной службы хотел было отпустить агента, но передумал: его осенила новая идея. Он повернулся к столу, взял бутылку с остатками бурбона, наполнил стакан и выпил одним глотком. Дважды прочистив глотку, он откинулся на спинку кресла и посмотрел на Чика с еще большим сомнением, чем раньше.

- Моффет, - сказал Скиннер, - я слишком стар и слишком пьян, чтобы меня пичкали глупостями. Давай повторим, вернее, давай еще раз рассмотрим ситуацию.

Два часа назад министр внутренних дел Уорделл вызвал меня в Белый дом и пригласил на встречу с президентом, который лежал в своем кабинете на кушетке и пил чай. Президент сказал мне, что он не желает демонстрировать какую-либо мстительность и не хочет, чтобы я занимался этим делом. Если я найду того дежурного с верхнего этажа гаража, мне следует поправить ему галстук и подарить коробку конфет. Грир тоже не подлежит преследованию, его нужно поблагодарить за то, что он так стремился спасти жизнь президента. И так далее.

Единственное, чего мне не приказал президент, - это похоронить Линкольна Ли на Арлингтонском кладбище и накрыть его могилу мраморной плитой.

- Это было бы прекрасно.

Начальник секретной службы снова откашлялся и прищурился.

- Конечно было бы, - продолжил он. - Вся соль в том, что терпимость - это лучшее оружие борьбы с недовольными меньшинствами, как сказал президент, во всяком случае, до тех пор, пока ими не будет совершено очевидное противоправное деяние. Он не хочет рассматривать это



похищение как очевидное противоправное деяние, поскольку ему удалось вернуться назад живым и невредимым. Он сказал, что, несмотря на мои огромные способности, найти преступников будет невозможно. Что ты сказал?

- Ничего, сэр.

- Вот и я говорю: ничего, то есть невозможно. Он сказал, что, несмотря на мои огромные способности, вероятнее всего, будет невозможно найти истинных виновников преступления. Он сказал, что выложит кабинету министров все известные ему подробности похищения и что любая попытка секретных служб провести расследование по тем немногим данным, которыми он располагает, приведет только к появлению новых тупиковых версий. Короче говоря, Моффет, давай посмотрим, сможешь ли ты проглотить это и не подавиться: президент Стэнли не имеет никакого намерения сказать мне даже одного-единственного словечка по поводу обстоятельств его похищения. Он поставит в известность кабинет министров, то есть собственного секретаря Браунелла, и Браунелл состряпает роскошное блюдо для прессы.

- Я хорошо понимаю ваше разочарование, - отозвался Чик.

- Да уж, ты понимаешь. - С этими словами Скиннер налил себе еще виски и выпил. - Я пью только потому, - мрачно сообщил он, - что мне страшно хочется доказать тебе: я не дурак и никогда им не буду.

- Командир, я уже знаю это. Мне бы хотелось пойти домой и помыться.

- Можешь идти. Через минуту. Моффет, ты - подлый двуликий мерзавец. Ты - мерзкий лгун. Ты - гадюка, коварная и предательская.

- Да, сэр.

- Ты это и сам знаешь. Я уже задал пару вопросов Сэму Карру. Этим утром ты, чтобы добраться до гаража на Мэриленд-авеню, несмотря на бурное уличное движение, проехал более двух миль за четыре минуты. У тебя был пропуск в Белый дом, подписанный в четверг секретарем президента Браунеллом, который вечером в понедельник покупал хлороформ. Работая над этим делом, я наткнулся на два или три обстоятельства, которым я могу дать объяснения только в том случае, если предположу, что, вместо того чтобы быть похищенным силой, президент просто решил, что ему нужно отдохнуть. В этом случае к кому он, по-твоему, поедет в гости? Ну а теперь попробуй доказать, что я - дурак.

Слова начальника несколько не удивили Чика. Он посмотрел на бутылку с виски, потом снова на Скиннера. Наконец он сказал:

- Послушайте, командир. Давайте в порядке допущения при споре скажем, что вы больны. Как вы думаете, много ли людей страдают подобной болезнью?

Скиннер с одобрением закивал:

- Вот это ближе к делу, Моффет, пока мы понимаем друг друга. Никто, только я один.

- Вы уверены в этом?

- Да. Нисколько не сомневаюсь.

- А Уорделл?

- Нет, черт возьми. Он настолько запутался, что по-прежнему подозревает японцев.

- Вы сильно пьяны?

- Обо мне не беспокойтесь. Я пьян настолько, насколько мне этого хочется. Сейчас я поеду домой, съем пять бифштексов и просплю пять дней кряду.

- Вы не будете слушать выступление президента по радио?

- Я смогу прочитать его завтра утром в газетах. Спокойной ночи, Моффет. Конечно, я мог бы держать свой рот на замке, но ведь я не национальный герой вроде тебя, я - простой сыщик.

## Глава 10

Стрелки часов показывали восемь пятьдесят; часы стояли на каминной полке в гостиной дома, который принадлежал семейству Деллинг и был отделен от их аптеки одним незастроенным участком. Однако точное время было без двух минут девять, и Виоле Деллинг было известно об этом, она знала, что ее часы на восемь минут отстают, поэтому радио у нее было уже включено.

"...слушали программу, выпуск которой обеспечен химической корпорацией "Олимпус", изготавливающей "Ночное очарование" - слабительное в виде леденцов с фруктовым вкусом, прекрасное лакомство для детей и хорошее средство для их отцов и ма..."

- Надеюсь, что никто не опоздал, - сказала Виола Деллинг, обнося собравшихся блюдом с домашним печеньем.

Чернокожая служанка наполнила стаканы грейпфрутовым соком.

- Надеюсь, - продолжила миссис Деллинг, - никто не будет отвлекать нас, ведь это историческое событие, как бы мы ни смотрели на него. То есть я хочу сказать, что это критический момент в жизни нашей великой нации, в особенности в моей жизни, поскольку мне была дарована возможность заглянуть по ту сторону занавеса, скрывающего великие события...

- То есть вы хотите сказать, что были арестованы, - хихикнула Гарриет Грин.

- Я была задержана как важный свидетель, - поправила Виола Деллинг и благодушно посмотрела на гостью.

Однако при этом было отмечено, что блюдо в ее руках дрогнуло и накренилось так, что два или три печенья соскользнули на пол.

- Конечно. Вот почему детективы обходили всех нас подряд, задавая про вас очень интересные вопросы.

"...говорит Федеральная радиостанция. Нам хочется поблагодарить изготовителя сигарет "Бэкингам" табачную компанию "Пьемонт" за то, что она в этот час любезно уступила нам свое время на радио, чтобы дать возможность..."

Миссис Оркатт, пухлая и сияющая, поспешно затолкала в рот остатки печенья и ущипнула за руку Гарриет Грин:

- Придержите язык, Гарриет. Ну конечно, она была арестована. Но разве вы не у нее в гостях, разве вы не пьете ее грейпфрутовый сок? Мой сын, Вэл, вот он-то вовсе не был арестован. Просто до сегодняшнего дня его держали в больнице из-за травмы головы. Он уже признан...

"...обратится к вам из своего кабинета в Белом доме, и через мгновение вы услышите его..."

- Ш-ш-ш! Сейчас он будет говорить! Тише! - Последние замечания были адресованы главным образом миссис Оркатт, которая самодовольно кивнула и потянулась за следующим печеньем. Виола Деллинг поставила блюдо на стол, произнесла на одном вздохе: "Историческое событие!" - и села.

"Граждане Соединенных Штатов, друзья мои! - Президент говорил по радио, как будто беседовал с ними, голосом приятным и непринужденным. Мэрион Вотер закашлялась, и все сердито посмотрели на нее. - Надеюсь, вы не подумаете, что я слишком злоупотребляю возможностями, которые это современное изобретение, радио, предоставляет мне для общения с вами. Мне известно, что у всех вас есть собственные серьезные дела и насущные проблемы; мне известно и то, что я один из множества слуг общества, которых вы нанимаете для управления повседневной жизнью государства и для проведения внешней политики. Будучи главой исполнительной власти, я стараюсь не только не жалеть сил и способностей ради того, что, как я считаю, в наибольшей степени отвечает высшим интересам правительства и государства, но также

учитывать ваши представления о правах и правосудии. До тех пор пока вы знаете, что я намерен делать, и я имею достаточно четкое представление о том, что вы думаете об этом, подобная система будет работать эффективно; однако иногда происходят некоторые события, в результате которых у меня возникает неприятное чувство, что мы больше не понимаем друг друга, и мне необходимо убедиться, что вы имеете четкое представление о целях и намерениях моей работы и, таким образом, в свою очередь можете информировать меня и других наших слуг общества о вашем мнении по тому или иному поводу. Для этой цели радио - самый простой и удобный механизм.

Сегодня вечером мне хотелось бы поговорить с вами о войне. Большая часть великих народов в Европе и Азии, с которыми мы и дружественные нам страны этого полушария связаны сложными узами, называемыми современной цивилизацией, уже более года вовлечены в свирепый, кровавый, братоубийственный конфликт.

Даже если бы мне подбало давать оценки, я бы не смог разумно истолковать поднятые данным конфликтом вопросы: кто здесь прав, кто виноват и где проходит грань между обороной и агрессией. Но если бы мне было по силам дать разумное толкование, я конечно же не смог бы предложить на этой основе разумное решение.

Я не способен ответить на вопрос, кто начал эту войну и кто несет ответственность. Несомненно только одно: они воюют".

Послышался грохот, а затем сдавленный вздох ужаса: миссис Оркатт уронила свой стакан с грейпфрутовым соком.

- Умоляю, простите меня!.. - театрально воскликнула она. Раздалось "ш-ш-ш-ш!", и миссис Оркатт умолкла.

"Таковы факты. Они воюют, и волны, порожденные этим гигантским столкновением, сотрясают весь мир.

Наша страна - часть системы, политической и экономической, к которой приложен импульс силы, и рано или поздно мы неизбежно почувствуем его. В любом месте Земли, там, где стреляют пушки или с самолетов падают бомбы, будет подвергнуто разрушению и что-то принадлежащее американскому гражданину; там, где пойдет на дно корабль, волны поглотят и американскую собственность; в любом месте, где терпит крах правительство, возникает опасность для американских капиталовложений".

## Глава 11

- Боже, да он выступает за войну! - ахнул сенатор Коркоран.

Сенатор Рейд, хозяин огромной, богато украшенной гостиной, пыхнул сигарой и ничего не сказал. Бронсон Тилни кончиками пальцев рассеянно водил по хорошенькому запястью миссис Уилкоккс, чья рука покоилась на подлокотнике кресла. Остальные расположились кто где, всех одолевала послеобеденная лень, глаза беспокойно бегали туда-сюда или смотрели вообще неизвестно куда, поскольку это было до невозможности глупо - сидеть, уставившись в радиоприемник, даже в обставленной в стиле Людовика XVI гостиной сенатора Рейда и его супруги.

- Джим, хватайся за соломинку и тони вместе с ней, - обращаясь к Коркорану, сказал сенатор Стерлинг.

"И что хуже всего, друзья мои, в этой войне погибнут граждане Америки. Нет, наши жертвы будут небольшими, но ведь и один человек - это очень много. С начала войны мы уже потеряли более восьмисот наших соотечественников. Из них примерно семьсот пересекли океан и воевали добровольцами на той или иной стороне, это были солдаты; остальные погибшие - мирное

население, главным образом пассажиры судов, ставших жертвами подводных лодок и бомбардировщиков.

В виде займов граждане Америки предоставили воюющим нациям колоссальные деньги, и, если их должники проиграют войну, мы, скорее всего, потеряем их. Теперь несколько слов о нашей свободе передвижения. У нас есть граждане, достаточно взрослые, чтобы стать избирателями, которые даже не слышали о существовании древнего положения о свободе мореплавания, и мы пользуемся свободой воздушного пространства только потому, что небо над нами принадлежит только нам, потому, что мы находимся в безопасности, отделенные большим расстоянием от войны. Жизнь наших друзей и родственников за границей подвергается постоянной опасности, и мы не можем связаться с ними, а они с нами; наша внешняя торговля полностью разрушена, поскольку те, кто мог бы купить наши товары, не имеют на то возможности в силу блокад, установленных их противниками; те товары, которые мы привыкли получать из-за границы, оказываются недоступными для нас в силу ограничений, произвольно навязанных нам зарубежными недружественными силами.

Одна нью-йоркская газета в течение нескольких месяцев печатала на своей первой полосе рубрику с броским заголовком "Посмотрим фактам в лицо"; там подробно приводились все допущенные в отношении нас нарушения закона, ограничения и провокационные оскорбления, о которых я только что сообщил вам в самых общих чертах.

Таковы факты, и мне это известно. Автор статьи приводит эти факты, а затем снова и снова повторяет, что мы должны вступить в войну. Об этом же заявляют многие другие газеты и иные средства массовой информации. Тысячи граждан Америки, и среди них признанные вожди нации, заявляют, что мы должны вступить в войну. Что же касается меня лично, то я, выступая по различным поводам, достаточно четко выражал свое отношение к войне. Но очевидно, сейчас я должен прямо и недвусмысленно, так, чтобы не возникало и тени непонимания, изложить свою позицию по данному вопросу. Друзья мои, я утверждаю, что мы не должны вступать в войну".

Сенатор Стерлинг взвился с кресла.

- Ну как? - закричал он. - Джим, да теперь ему все печенки исключают, а? А что будет с вашей собственной печенью?

Коркоран даже не взглянул в его сторону. Бронсон Тилни поглаживал запястье Сьюзен Уилкоккс.

## Глава 12

- Вот с этого места он и запел свою лебединую песню, - проворчал Мартин Дрю.

Он сидел в самом удобном кресле, какое только было в библиотеке Гриннела, его раненая нога покоилась на табурете с подушкой, пара костылей лежала на полу в непосредственной близости от него. Старый, убеленный сединой Джордж Милтон возлежал на диване, Вормен стоял возле окна, а Дэниел Каллен и Кaleb Рейнер тоже сидели в креслах. Нигде не было видно радиоприемника: миссис Хартли Гриннел, дочь Джорджа Милтона, распорядилась поставить его в книжный шкаф и закрыть решеткой.

Услышав замечание Мартина Дрю, Вормен покачал головой, повернулся к пепельнице, стряхнул в нее пепел с сигареты и вновь уставился в окно.

"...Такова моя позиция: мы не должны вступать в войну. Мне бы хотелось защищать или утверждать правоту моей позиции двумя способами. Во-первых, те, кто по ряду различных причин требует войны и с этой целью приводит самые разные аргументы, заслуживают того, чтобы им ответили.

Есть немало людей, утверждающих, что войну начала Япония, что это аморально и что она должна быть наказана. Я уже как-то отвечал на этот вопрос. У меня нет никакого сомнения, что спустя двадцать лет историки будут спорить о том, кто начал войну. Поэтому я не имею никакого желания вести крестовый поход за чистоту морали в условиях, когда не только мораль, но и самые факты не могут быть признаны бесспорными.

Есть и те, кто говорит о бессмысленной гибели американских граждан. Я отвечаю: конечно, подобное имеет место, но надеюсь, что лаконичность моего ответа не будет использоваться как доказательство моей неспособности к состраданию. Все дело в том, что в данном случае сострадание - это все, что нам остается. Вообразите, что было бы, если бы мирный гражданин нейтральной страны отправился погулять по Ватерлоо в разгар великой битвы? Был бы он при этом убит? Да. Выразило бы правительство его страны протест против такого акта жестокости? Конечно нет, ведь он оказался на поле боя в момент сражения, следовательно, ответственность за последствия ложится на него. Однако битва при Ватерлоо состоялась более ста двадцати лет тому назад. В четвертом десятилетии двадцатого века поле боя больше не представляет собой холм, долину и излучину реки; теперь полем боя становится континент, земное полушарие, океаны и небеса. Если государства Европы ведут войну и если гражданин Америки садится на корабль с тем, чтобы пересечь океан, он в полном смысле слова оказывается на поле боя, как тот гипотетический любитель прогулок по Ватерлоо. Неоспоримо очевидным является то обстоятельство, что современные методы ведения войны растянули границы поля боя до такой степени, что они охватывают все моря и сушу Земли, затихая только у границ нейтральных государств, в отношении которых есть уверенность, что они смогут защитить свой нейтралитет; и как бы яростно мы ни пытались протестовать против этого расширения владений войны, и что бы мы ни сделали или ни сказали, нам не по силам изменить такое положение вещей. Мы можем воевать, если мы так решим, и победить врага; однако воевать в попытке загнать все ужасы войны на уютное поле боя девятнадцатого столетия - это донкихотство.

Американские граждане рискнули прогуляться по полю боя и были убиты. Я оплакиваю их и сострадаю всем тем, кто любил их. Вы все сострадаете им, друзья мои.

Есть также и те, кто говорит - одни открыто, другие намеками, - что мы должны вступить в войну, чтобы защитить нашу внешнюю торговлю, наши зарубежные капиталовложения и гигантские деньги, которые были предоставлены определенным воюющим сторонам. Я полагаю, что для кого-то из вас подобная позиция выглядит вполне разумной. Мне же кажется, что она не выдерживает никакой критики, и мне трудно говорить на эту тему с должной сдержанностью и терпением. Разве то, что мы вступим в войну, обеспечит желаемый результат? Как было в той последней войне, в которой мы приняли участие? Тогда мы тоже предоставили гигантские займы. А потом начали воевать и предоставили дополнительные займы. Мы и наши союзники победили.

Восхитительно, мы спасли свои займы и капиталовложения, а также внешнюю торговлю, и всего-то это обошлось нам в какие-то жалкие пятьдесят тысяч молодых американцев убитыми и ранеными. Восхитительно! Но вернули ли нам тогда деньги, полученные в порядке займа? Мы получили их? Получим ли мы их хоть когда-нибудь? Нет. Наши расчеты не оправдались. Однако в основе моего возражения лежит другой аргумент. Этот, я полагаю, тоже довольно неплох, но, по моему мнению, есть более веские доводы. Даже если можно было бы надеяться, что наше участие в войне сохранит наши капиталовложения, я все равно сказал бы "нет"! Когда человек, будь он американцем, англичанином или кем угодно, дает займы или вкладывает деньги в чужую страну, ему следует знать, что среди прочих возможных опасностей существует риск, что эта страна может оказаться ввергнутой в войну. Но это его риск; если он при этом выиграет, это его выигрыш; если проиграет - его потеря. Говорю вам, друзья мои, я не жалел сил и времени, чтобы рассмотреть эту проблему со всех сторон. И теперь могу сказать только одно: пока я остаюсь на посту главы исполнительной власти вашего правительства, ни один американский мальчик,

вооруженный винтовкой и готовый к смерти, не будет послан на чужую землю, чтобы пролить там свою кровь в качестве залога под ваши займы. Ни один займ на земле не стоит этого!"

Пристраивая раненую ногу поудобнее, Мартин Дрю хмыкнул и свирепо проворчал: "Умен, умен, ублюдок".

Подобно паре комедиантов, с комической синхронностью реагирующих на поданную реплику, Дэниел Каллен и Кaleb Рейнер одновременно начали жевать свои сигары. Д.Л. Вормен швырнул окурок сигареты в распахнутое окно, повернулся, молча пересек библиотеку, подошел к дивану, на котором лежал старый Джордж Милтон, и остановился, глядя на него.

Джордж Милтон храпел.

## Глава 13

- Старик дело говорит. Ты отдаешь себе отчет в том, что сидишь за столом, за которым он написал все это? - спросил Чик Моффет.

- Помолчи, - буркнула Альма Кронин.

Чик подошел к радиоприемнику и повернул регулятор, чтобы чуть-чуть увеличить громкость. К столику была прислонена толстая трость для прогулок. Глядя на нее, Чик улыбнулся. Наверное, он оставит ее себе как сувенир. Было бы очень сложно взять ее с собой в гараж на Мэриленд-авеню, да и в любом случае у президента тростей много.

"...Есть и такие, кто говорит, что брошен вызов нашему суверенитету и что мы должны подтвердить его.

Это я полностью отрицаю. Не нарушены ни целостность нашей территории, ни наши границы; никто не посягает на нашу собственность. Также не было нарушено ни одно из наших прав как суверенного государства. Я уже говорил о громадной протяженности театра военных действий, обусловленной современными средствами и способами ведения боя. Это - факт, на природу которого не в силах повлиять ни одна из возможных побед, одержанных нами. По этой причине теперь перестали существовать некоторые из прав, которые ранее присущи суверенной нации. Но поскольку они не являются жизненно важными, мы, и я в этом уверен, вполне обойдемся без них.

Слышал я и тех, кто утверждает, что под сомнение поставлены наша честь и наше национальное достоинство. Что же, представления о чести и достоинстве - понятия глубоко субъективные. По отношению к тем, кто искренне думает так, к тем, для кого патриотизм не является последним прибежищем негодяев, я испытываю самые теплые и сердечные чувства, но я не разделяю их точку зрения. Могу сказать только одно: я не считаю, что опозорены звание и институт президентства Соединенных Штатов Америки, я не считаю, что опозорена моя страна. А вы? Скажите честно, вы так считаете? С тех пор как началась эта война, скажите, случилось ли что-нибудь такое, сделал ли кто-нибудь из нас то, после чего нам будет стыдно смотреть в глаза немцу, англичанину, русскому или японцу и говорить: "Я - американец"? Но я могу сказать, что мне не стыдно смотреть людям в глаза, надеюсь, и вам тоже.

Я говорил, что хотел бы защищать или же отстаивать правоту своей позиции двумя способами. С первым я покончил. Перейдем ко второму.

Я не отношусь к тем, кого часто рассматривают в качестве объекта для насмешек и кого принято называть пацифистом. Я не согласен с ними в том, что нельзя ничего решить с помощью насилия. Если на меня набросится какой-то безумец и я или же кто-то другой застрелит его, этот акт насилия определенно решит, что я не умру, во всяком случае, в данной ситуации. Если неизбежен выбор между тем, жить ли мне или тому безумцу, я не стану колебаться. Точно так же в случае, если какой-то внешний противник создаст угрозу нашим правам и свободам, земле, на которой мы живем, или же самому нашему существованию как единой нации, я буду горд тем, что

мой пост Верховного главнокомандующего нашей армией и военно-морским флотом предоставляет мне возможность управлять насилием, необходимым, чтобы подавить и уничтожить противника. Я уверен, что, если применение силы становится неизбежным, его нужно воспользоваться без промедления, решительно и безжалостно. Я уверен, друзья мои, что, если, не дай бог, подобный случай представится, вам не в чем будет упрекнуть меня.

Сейчас же я говорю, что время еще не пришло. Я верю и надеюсь, что оно не придет, если воюющие страны поймут, что мы не станем проливать свою кровь, чтобы защищать собственность, которая оказалась на пути бушующего в Европе урагана ненависти и зависти, а также свою честь, при том, что у нас нет оснований считать ее опозоренной; если они также поймут, что мы быстро отразим любую попытку напасть на нашу землю.

Печально отмечать этот недостаток человеческого мышления, согласно которому намерение совершить насилие и готовность к этому признаются необходимыми. Однако нам приходится оставить подобные рассуждения для философствований в часы досуга, а сейчас мы должны быть уверены в том, что все американцы морально и физически готовы ответить насилием на насилие, если нас к этому вынудят. Но к насилию мы прибегнем лишь тогда, когда у нас не останется иных доступных и достойных способов решения конфликта. Если мы и возьмем в руки оружие, то отнюдь не волею себялюбивых и алчных, живущих среди нас, не в силу ложно понятой гордости, не из-за элементарной обиды по поводу чужого вмешательства в течение каких-то процессов. Видит бог, здесь, дома, перед нами стоит задача, такая сложная, что для ее решения нам нужно использовать весь наш интеллектуальный багаж и энергию, - так устроить нашу жизнь, чтобы недостаток стал всеобщим достоянием. Эта работа вполне достойна нашего творческого гения, и награда за нее превысит все мыслимые пределы.

Это, друзья мои, все, что я хочу сказать о войне. Я надеюсь и верю, что вы согласитесь со мной. В заключение мне также хотелось бы сказать слова признательности тысячам людей за их полные добрых пожеланий и выражений сочувствия письма, которые я получил сегодня в полдень, после возвращения в Белый дом. Я от всего сердца благодарю вас. Думается, нет нужды говорить о том, что мне пришлось пережить, достаточно сказать, что я счастлив вернуться и рад тому, что остался цел и невредим. Еще раз благодарю вас".

"...говорит Федеральная радиостанция. Вы слушали в прямом включении, из Белого дома, Вашингтон, округ Колумбия, выступление..."

Чик подошел к приемнику и выключил его. Затем он взял трость и, помахивая ею, подошел к письменному столу, на краю которого сидела Альма. Она не смотрела на Чика.

Наконец девушка вздохнула и сказала:

- Великолепная речь. В самом деле великолепная.

- А как же иначе? - усмехнулся Чик. - Ведь он написал ее, сидя за моим столом.

- Чик, а разве ты сам не считаешь ее великолепной?

- Да. Думаю, что да. Я не особенно разбираюсь в речах, мне никогда не доводилось слышать выступления, которые не звучали бы как откровенная чушь.

- Про эту речь такого не скажешь.

- Действительно, не скажешь, признаю. Здесь все по делу. Во всяком случае, она свою задачу несомненно выполнила, и это все, чего можно ожидать от выступления, от бифштекса, от карт, оказавшихся у тебя на руках при игре в покер, - словом, от чего угодно.

- Чик, мне кажется, ты за войну.

- Нет. Даже если я и был за нее, теперь я против.

После этих трех суток война показалась бы цирковым представлением. В течение трех коротких дней я успел прострелить ногу миллиардеру, связать президента и сунуть ему в рот кляп, а также двинуть по челюсти прекрасной даме.

- А еще убить человека.

- Да. Но здесь у меня не было выбора.

- А синяк у меня на челюсти так и не прошел.

Чик наклонился, внимательно посмотрел на Альму, на ее щеки и подбородок. Затем он покачал головой:

- Ни малейших следов удара. Можно даже сказать, что ты выглядишь еще лучше, чем раньше.

- Благодарю. Сколько с меня за услугу? Если ты останешься без работы в Белом доме, можешь открыть салон красоты. Эксклюзивная методика ухода за лицом.

Чик, как ты думаешь, это выступление спасет нас от войны?

- Конечно спасет. Правда, не знаю надолго ли, но, уж во всяком случае, на несколько минут это точно.

- А имела бы эта речь такой же эффект, если бы президент выступил в конгрессе во вторник или же по радио вечером в понедельник?

- Не знаю. Зато президент думал, что в этих случаях его выступление было бы безрезультатным. Он не сомневался, что расклад не в его пользу и ему ничего не светит. Потому и перетасовал колоду. - Чик усмехнулся. - Это была та еще перетасовка! Еще три таких дня меня бы просто убили. Самым миленьким потрясением, которое я испытал, было известие о том, что Линкольн Ли пришел в гараж. Это была сногшибательная новость. Она и еще часы. Правда, накладка с часами президента - это целиком моя вина, держать их у себя в кармане было исключительной глупостью с моей стороны.

- Ты бы вряд ли смог что-либо изменить. Ведь это миссис Стэнли заставила тебя взять их.

- Ну да! Если она оказалась настолько глупой, что могла подумать, будто ее муж потеряет аппетит из-за того, что оставил свои часы дома, с моей стороны не было никакого резона уступать ей. Мне совсем не нужно было брать эти часы с собой. Я нес ответственность, мне надлежало решать, что надо делать, что нет, и я должен был сказать ей: никаких часов.

- Во всяком случае я рада, что они оказались у тебя.

- Ты рада? - Чик поднял брови от удивления. - Я думал, манеры пещерного человека не вызывают у тебя одобрения.

- Не вызывают. Но если бы не эти часы, ты никогда бы не привел меня туда, где скрывался президент, и я бы никогда не узнала хоть что-либо об этом событии. Ведь ты же никогда бы не рассказал мне о нем, верно ведь?

Конечно рассказал бы. В день нашей золотой свадьбы.

- Вот как... - Альма оставила последнюю фразу без внимания. - Что ж, я не намерена ждать так долго твоего рассказа о том, что произошло на самом деле.

- Ты знаешь, что произошло на самом деле.

- Нет, не знаю. Взять хотя бы то, что случилось во вторник утром. Если ты не скажешь мне сам, я все равно заставлю тебя сказать. Ты знаешь, как это бывает: я стану заигрывать с тобой.

- О боже! В таком случае вот тебе мой отчет. Во вторник я проснулся около десяти, и дворецкий раздвинул на окнах шторы, а затем принес мне чай...

- Чик, не надо паясничать. Ну пожалуйста, расскажи мне!

- Ладно, но тогда мне придется немного пофантазировать. Ну вот хотя бы так: в девять часов утра во вторник Вэл Оркатт поставил пустые корзины из-под провизии в кузов своего грузовика. К машине подошел президент, они с Вэлом внимательно осмотрелись, чтобы убедиться, что никто не видит их, и президент через заднюю дверцу забрался в кузов. Подъехав к воротам, Вэл сбросил скорость и, выждав момент, когда внимание часового будет отвлечено на что-то еще, выехал. Это не самая важная часть дела. Он свернул в боковой проезд и остановился в том месте, где я оставил свой автомобиль.



Президент выбрался из грузовика, сел в седан, приехал по этому адресу и вошел в эту квартиру, воспользовавшись моим ключом.

Забравшись в кузов грузовика, я немного подгримировался, надел старую кепку и, сев на место водителя, подкатил к парку. Выбрав подходящий момент, мы с Вэлом спрятались в зарослях кустарника. Я взял эту трость и треснул Вэла по виску, вот здесь ты можешь видеть метку, оставшуюся на ней. Мне потребовалось крепко стиснуть зубы, чтобы решиться на это, - видела бы ты выражение лица Вэла, когда он понял, что я собираюсь ударить его, хотя, конечно, все было условлено заранее. Но Вэл - настоящий мужчина. Я оставил его лежать на земле и вернулся в грузовик. Да, забыл сказать, мы остановились у табачной лавки, там Вэл позвонил своему начальнику и сообщил, что он растянул щиколотку и что грузовик отгонит в гараж, а сам на службу сегодня больше не выйдет.

Подыскивая подходящее место, я немного поездил по городу и в конце концов остановился на Пятнадцатой улице, перед незаселенным домом. Дождавшись, когда на улице никого не будет, я вылез из грузовика, пересек двор, а затем прошел по аллее до остановки, сел в трамвай, приехал сюда и вскоре ел сэндвичи с президентом.

И ты знаешь что? Поверишь мне или нет? Я едва не забыл стереть отпечатки пальцев Вэла с перочинного ножа президента, который мы намеренно оставили в кузове грузовика! Вот было бы здорово, а?

- А как же твои собственные отпечатки?

- Я был в перчатках. Я не собирался оставлять следы, которые могли бы навести на меня, нет уж, благодарю покорно!

Альма смотрела на Чика. Восхищение, которое читалось в ее глазах, было смешано с нежностью. Наконец она сказала:

- А как же ты смог хладнокровно ударить палкой Вэла Оркатта так, что он потерял сознание? Это гораздо хуже, чем то, что ты ударил меня, потому что в последнем случае ты действовал так, как диктовали тебе обстоятельства. Конечно, я понимаю, тебе надо было каким-то образом нейтрализовать Вэла, но палкой... Бр-рр!.. Не могу себе представить, как ты мог сделать такое.

Почему ты не усыпил его хлороформом?

- Я не анестезиолог. Применив хлороформ, я мог бы убить его. Ну и кроме того, Вэл нуждался в хорошем синяке - это делало его показания более достоверными.

- А кто подбросил пропитанный хлороформом платок на лужайку Белого дома?

- Это сделал Браунелл, когда отправился на поиски президента. Платок все время лежал у него в кармане.

- Хорошо. - Альма вздохнула, еще раз посмотрела на Чика и медленно обвела взглядом всю комнату. - Очень жаль, - продолжила она, - что никто и никогда не узнает ничего об этом... об этой квартире. Она вполне заслуживает того, чтобы здесь был создан исторический музей. Это - очаровательная квартира, Чик. Ты сделал ее очень уютной.

- Да-а, она и самому мне нравится.

- Наверное, даже мысль о том, чтобы расстаться с ней, для тебя невыносима.

- В каком-то смысле - да. Не потому, что эта квартира могла бы стать историческим музеем. Воспоминание о ней будет одним из самых моих любимых воспоминаний, потому что до свадьбы я и моя жена жили здесь в атмосфере секретности и полной безвестности.

- Ох! Мне кажется, это похоже на шантаж, - засмеялась Альма. - Но в любом случае тебе придется согласиться, что опекун у нас был далеко не безвестный.

## Глава 14

Субботним вечером в девять часов тридцать минут четыре человека шли по холлу второго этажа Белого дома. Им всем было назначено прийти в одно время, и они заранее встретились в комнате на первом этаже. Теперь же они прошли мимо открытой двери слева, закрытой двери справа и, наконец, подошли еще к одной - она вела в гостиную миссис Стэнли. Все остановились, и Гарри Браунелл постучал. До них донесся голос супруги президента: "Входите!" Мужчины вошли, и, будучи последним, Чик Моффет закрыл дверь.

Миссис Стэнли стояла у стола, пытаясь оживить поникшую розу. В расположенном поблизости кресле сидел президент. Он выглядел усталым и измученным, но при этом весело улыбался, а когда приветствовал вошедших, в глазах его вспыхнул огонек признательности.

- Очень рад, - теперь президент улыбнулся каждому в отдельности, - Альма, Гарри, Чик, Вэл, подходите поближе.

Браунелл заявил, что, по его мнению, не следует злоупотреблять гостеприимством президента, поскольку тот очень нуждается в отдыхе. Но президент только отмахнулся от этого заявления, и тогда Чик и Браунелл пододвинули кресла поближе. Вэл Оркатт следил за тем, что делает Чик, и, увидев, что он откинулся на спинку кресла и устроился поудобнее, поступил точно так же.

- Как ваша голова, Вэл? - спросил президент.

Вэл коснулся рукой повязки.

- Да все в порядке, - ответил он, - еще чуть-чуть побаливает, но в целом все нормально. В понедельник я выйду на работу.

- Хорошо, - кивнул президент, а потом оглядел всех и сказал:

- Альма, Чик, Гарри, Вэл, хоть я еще не раз увижу вас, а вы меня, я рад, что мы устроили эту короткую встречу. - Он улыбнулся жене:

- Лириан, я очень признателен тебе за то, что ты все организовала.

Не знаю, стоит ли мне благодарить всех вас или нет. По опыту знаю, что, когда я испытываю особенно глубокие и теплые чувства, мне лучше не стараться выразить их словами. Нет никакого сомнения, что никогда еще мои чувства не были более глубокими и более теплыми, чем те, что я испытываю по отношению к вам четверым, сидящим здесь. Так что если вы воспримете благодарность как нечто само собой разумеющееся...

Все закивали, а Альма сказала:

- Господин президент, вам не нужно благодарить меня, потому что я-то ничего не сделала. Но уж коль скоро вы спросили Вэла Оркатта о состоянии его головы, вы могли бы также спросить меня о состоянии моей челюсти.

Миссис Стэнли захохотала. Президент улыбнулся и покачал головой:

- Извините меня, Альма, но то, что с ней все в порядке, очевидно. Однако не нужно утверждать, что вы ничего не делали; стоит мне закрыть глаза, и я чувствую во рту божественный вкус вашего омлета с грибами. Но, - продолжил президент, - хоть я и не стану пытаться выразить словами всю меру моей благодарности, мне хотелось бы сделать для вас что-нибудь такое, что запомнится надолго. Какой-то знак на память, какое-то доброе дело для каждого из вас... Мы с миссис Стэнли уже обсуждали этот вопрос. Она хотела бы, чтобы я сам сделал каждому из вас подарок - она обожает делать людям подарки и не видит лучшего способа отблагодарить. Но я бы предпочел, чтобы выбор остался за вами. Это - последняя услуга, о которой я попрошу вас, во всяком случае на этой неделе. - С этими словами президент улыбнулся. - Ну, Альма?

Девушка улыбнулась ему в ответ:

- Господин президент, это изумительно! Я надеялась... Знаете, я сирота. Мне хотелось бы, чтобы на моей свадьбе вы были посаженным отцом.

- Вот как! И когда состоится свадьба?

- Ну... - Альма залилась краской смущения, и все засмеялись. - Скоро, конечно скоро. Как только будет возможность, - с вызовом бросила она.

- Хорошо. Я с огромным удовольствием выполню вашу просьбу, и ничто не помешает мне сделать это. А вы, Гарри?

Браунелл скрестил руки на груди и уставился на розы, явно обдумывая что-то. Наконец он сказал:

- Пожалуй, меня могло бы устроить вот что: я прошу разрешить мне отрезать нос вице-президенту Моллесону.

- Ого! Гарри, я и сам об этом мечтаю. Однако такое невозможно. Просите что-нибудь еще.

- Очень хорошо, сэр. Мне нужны наручные часы.

- Вы их получите. Миссис Стэнли сама выберет их для вас. Силы небесные, кстати о часах. - С этими словами президент повернулся к Чичу:

- Мои часы снова остановились. Должно быть, в них что-то сломалось, когда вы их уронили.

- Да, сэр, я в этом не сомневаюсь.

- Надеюсь, их можно починить. Ведь это подарок. - Президент улыбнулся жене, а потом спросил:

- А теперь вы, Вэл, что вы позволите мне сделать для вас?

Вэл Оркатт откашлялся. Дело не в том, что он испытывал священный трепет, ему и раньше приходилось говорить с президентом; но то, что происходило сейчас, настраивало на торжественный лад.

- Видите ли, мистер президент, когда я сегодня вечером ехал сюда, все время говорил себе, что случай, подобный этому, выпадает только раз в жизни. Конечно, я не знал, будете ли вы спрашивать, чего нам хочется, только все равно у меня не было причины не упомянуть об этом. Позавчера, когда я находился в больнице, ко мне пришел какой-то парень и предложил пятьсот тысяч долларов за то, что я расскажу ему все, что мне известно про то, как вас украли.

Взгляды всех присутствующих устремились на Оркатта.

- А кто это был? - спросил Браунелл.

- Что и говорить, Вэл, это - очень большие деньги, - заметил президент.

- Да, сэр. Именно так я и сказал ему. Естественно, я еще сказал ему, что ровным счетом ничего не знаю.

- Вэл, я не ошибся в вас. Очень жаль, что у нас нет возможности сделать так, чтобы вами гордились все граждане Соединенных Штатов.

- Да, сэр, - кивнул Вэл и продолжил:

- Я не знаю, кто был тот человек, но он сказал, что платить мне будет Джордж Милтон.

Президент задумался.

- Уверяю вас, - подал голос Браунелл, - что и на том свете Джордж Милтон будет самым проницательным пройдохой. Но как бы то ни было, мы все здесь гордимся вами, Вэл.

- Спасибо, сэр. Значит, то, что мне было известно, и впрямь чего-то стоит, и это как раз и есть единственный шанс в жизни. Я все обдумал и решил, что попрошу у вас три вещи.

- Хорошо, Вэл. Но только если это в моей власти.

- Да, сэр, это и вашей власти. Первое: мне хочется, чтобы у меня была ваша большая фотография и чтобы вы написали на ней: "Моему верному подданному Бэлу Оркатту" - и подписались.

Никто не засмеялся, однако своевременно скрыть улыбку слушателям тоже не удалось. Чтобы не сконфузить молодого человека, миссис Стэнли закусили губу, а дружеская улыбка президента совсем не была обескураживающей.

- Вэл, - сказал он, - но вы не являетесь моим подданным. Подданные бывают только у королей, а у нас республика.

- Да, сэр, мне это известно. Но я хочу, чтобы там была такая надпись.

- Тогда даю вам слово, что именно эта надпись и будет на подаренной вам фотографии. Ваше следующее желание?

- Благодарю вас, сэр. Второе желание касается обустройства подвала Белого дома. Там должно быть больше полок. Когда я привожу новые продукты, каждый раз оказывается, что пустые корзины свалены на бетонный пол и покрыты пылью. Тогда мне приходится их чистить, но и после этого на них без слез не взглянешь.

Следует сделать еще несколько полок, слева, если войти в подвал, аккуратно за двумя тачками.

На этот раз никто не улыбнулся. Взглянув на миссис Стэнли, Альма увидела, что у той в глазах стоят слезы, и поспешила отвернуться, чтобы самой не заплакать.

- Будет сделано, Вэл, - пообещал президент. - Как мне представляется, человеку, только что отказавшемуся от полумиллиона долларов, должно быть даровано право на несколько полок. Хорошо, Вэл.

- Благодарю вас, сэр. - Вэл откашлялся. - Моя последняя просьба немного не похожа на две первые.

Наверное, мне не хватает образованности, но я надеюсь, что вы без особого труда справитесь с этим и поможете мне. Конечно, в конце концов, может, мы и не будем воевать. Но если война начнется, я бы хотел быть на ней не рядовым, а офицером. Могли бы вы сделать такое?

Все, включая самого президента, разразились хохотом.

Теперь у Альмы слезы все-таки брызнули из глаз, побежали веселыми ручейками по щекам. Но президент внезапно посерьезнел:

- Так вы - милитарист, Вэл? Вы считаете, что нам следует вступить в войну?

Вэл озадаченно поскреб затылок:

- Не знаю, сэр, я думаю, тут все дело в том, что мне просто хотелось бы оказаться на войне.

- Да, я полагаю, так оно и есть, - кивнул президент и обвел взглядом присутствовавших. - Вот в этом-то и заключается сила тех, кто выступает за войну, будь они прокляты. Они используют таких ребят, как Вэл. - Тут он расправил плечи. - Ну что ж, посмотрим, кто сильнее. Вэл, если мы вступим в войну, вы точно будете офицером, и хорошим офицером к тому же.

- Да, сэр. Очень вам благодарен. Больше мне ничего не надо.

- По моему разумению, вы могли бы желать и большего. Судя по всему, я не смогу удержать миссис Стэнли от того, чтобы она сделала вам небольшой подарок.

А теперь ваша очередь, Чик.

Чик не потребовалось долго думать.

- У меня, мистер президент, такое желание, - быстро сказал он. - Я хочу, чтобы вы были шафером на моей свадьбе.

Президент посмотрел на Чика, на его радостную улыбку, а затем на сияющее лицо Альмы. Он тоже улыбнулся - широко, с искренним дружелюбием:

- Боюсь, мне придется отказать вам, Чик. Дело в том, что на этот раз я буду занят. Я не акробат, и поэтому не смогу быть посаженным отцом невесты и одновременно шафером жениха на одной и той же свадьбе.